

Михаил Ходорковский

КАК УБИТЬ ДРАКОНА?

—

Пособие для начинающих революционеров

Москва — Чита — Краснокаменск — Лондон — Москва

—

2003–2023

Предисловие

Архивариус в ставшем культовым фильме Марка Захарова «Убить дракона», подсказавшем название этой книге, оправдываясь перед Рыцарем за свой конформизм, сказал: «Единственный способ избавиться от чужого дракона — это завести собственного дракона». Так мы и живем — сначала долго и мучительно терпим гнет чужого дракона (на самом деле своего, но старого), а потом избавляемся от него, заведя себе нового собственного дракона, который некоторое время спустя снова становится старым и чужим. Я глубоко убежден, что этот заколдованный круг русской истории можно разорвать и что Россия способна жить без драконов, собственным умом и совестью. Но, чтобы это случилось, молодые рыцари революции должны помнить, что мало убить старого дракона (хотя и это не просто сделать) — нужно не привести с собой к власти нового дракона, который может оказаться хуже прежнего. Эта книга о том, как этого добиться в России.

Мы как страна находимся в сложном положении: общество уже понимает, что «так больше нельзя», но при этом боится, что «будет хуже».

Власть, за исключением президента, ощущает, что хорошего выхода нет, но надеется, что «вдруг пронесет».

У оппозиции есть общее стремление раскачивать режим, но отсутствует понимание, «а что после».

В связи с этим, на мой взгляд, назрела необходимость ясно сказать людям, что мы им предлагаем, какие даем ответы на ключевые философские вопросы бытия. Люди имеют право знать, чего им ждать, если они встанут на нашу сторону, и за какие, собственно, идеалы имеет смысл, пожертвовав спокойной жизнью, рисковать свободой и благополучием близких.

Можно с полной уверенностью сказать: время прятать голову в песок, уходя от обсуждения серьезных общественных проблем, прошло.

«Мы не о политике, а только против свалки под окнами», «мы не о политике, а против произвола», «мы не о политике, а о свободе творчества, о коррупции, о свободе интернета»... Да, время подобного милого лукавства прошло. Если вы «не о политике», то стойте на паперти и ждите — может, подадут из милости и под хорошее настроение, но скорее, по нынешним временам и нравам, пнут ногой и отберут последнее.

А вот если вы хотите всерьез отстаивать свои права или права других людей, то это и есть самая настоящая политика, а значит — выборы, значит — противостояние со всеми его рисками.

В среде оппозиции я нахожусь в уникальном положении (правда, меня оно не слишком радует). Имея большой управленческий опыт — тут и работа в правительстве, и руководство рядом крупнейших, стратегических для страны компаний с примыкающими к ним десятками моногородов и поселков, — я лишен возможности заниматься практической организационной работой на месте.

Выслав меня из страны, власть наглухо захлопнула за мной дверь и повернула ключ, прямо и формально пообещав пожизненное заключение в случае возвращения.

В то же время я пока один из немногих, имеющих личный опыт (можно сказать, «к счастью, немногих», ибо опыт этот дорого обходится) высказать в лицо Владимиру Путину все, что я думаю о коррупции в высших эшелонах власти, получить в течение месяца после этого уголовное дело и провести более десяти лет в заключении (шесть в камере и четыре на зонах). Плюс четыре голодовки, включая две «сухие», и все — до исполнения требований, три из них — в знак солидарности.

Десять лет. Это почти столько же, сколько у моего друга — Платона Лебедева. Это неизмеримо меньше, чем у моего коллеги — Алексея Пичугина, остающегося в тюрьме. Это легче, чем выпало другому моему коллеге — юристу Василию Александяну, умершему через год после освобождения от болезни, от которой его отказывались лечить в тюрьме...

Мне есть что предъявить этой власти, есть что вспомнить и есть то, чего не забыть.

Но именно поэтому я не хочу говорить о прошлом, а предлагаю подумать о будущем.

Я не считаю себя вправе сопоставлять справедливость и милосердие, прощать и отказывать в прощении тем, кого считаю заслужившими наказание.

Ни в коем случае не воспринимаю себя «истиной в последней инстанции».

У каждого из нас свой опыт, свои счета и свои мысли о будущем. Просто я в силу свойственной мне организации ума решил обсудить не то, как бы нам неплохо было бы сменить власть, а практический план действий «после Путина».

В моих временных категориях, а я после тюрьмы ощущаю время по-иному, режиму осталось не так много — от пяти до десяти лет. Я не знаю, как он кончится. Скорее всего, вместе с Путиным. После всего, что произошло в Украине, мне уже очень трудно представить, что тот уйдет сам и будет дожидаться отведенный Господом срок где-нибудь на афонских берегах. Не дадут.

Так или иначе, но режим кончится. Сколько же тогда всего придется чинить! И быстро. И хорошо бы к этому моменту обществу решить, кто мы и куда идем, какова наша общая дорога в этом быстро меняющемся мире...

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ В ДРАКОНОВЕДЕНИЕ. МОЙ ПУТЬ В ПОЛИТИКУ И МОИ ЦЕЛИ В НЕЙ	10
ЧАСТЬ 1.	
КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ СТАРОГО ДРАКОНА?	28
Глава 1. Стратегия победы: мирный протест или мирное восстание?	29
Глава 2. Объединение протеста: многопартийность или монопартийность?	36
Глава 3. Как вырастить протест: подполье или эмиграция?	43
Глава 4. Точка невозврата: улица или командные высоты?	50
Глава 5. Как организовать новую власть: конституционная или декретная демократия?	55

Глава 6. Как закончить войну: драка до победного конца, капитуляция или поиск компромисса?	63
Глава 7. Как подавить внутреннюю контрреволюцию: люстрация или исправление?	70
Глава 8. Как поставить под контроль «человека с ружьем»: партия или органы?	77
Глава 9. Как создать гражданскую службу: плохие свои или хорошие чужие?	82
Глава 10. Как понимать «левый поворот»: социальное или социалистическое государство?	92
Глава 11. Как добиться экономической справедливости: национализация или честная приватизация?	101

ЧАСТЬ II.	
КАК НЕ ЗАВЕСТИ СЕБЕ НОВОГО ДРАКОНА?	110
Глава 12. Цивилизационный выбор: империя или нация-государство?	112
Глава 13. Геополитический выбор: сверхдержавие или национальные интересы?	119
Глава 14. Исторический выбор: Московия или Гардарика? (<i>Гардарика — Гайдар тут ни при чем</i>)	129
Глава 15. Политический выбор: демократия или опричнина?	140
Глава 16. Экономический выбор: монополия или конкуренция?	149

Глава 17. Социальный выбор: левый или правый поворот?	157
Глава 18. Интеллектуальный выбор: слово на свободе или гласность в резервации?	173
Глава 19. Конституционный выбор: парламентская или президентская республика?	185
Глава 20. Правовой выбор: диктатура закона или правовое государство?	196
Глава 21. Нравственный выбор: справедливость или милосердие?.	204
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (ДРАКОНА ПОД СТРАЖУ)	213

ВВЕДЕНИЕ В ДРАКОНОВЕДЕНИЕ

Мой путь в политику и мои цели в ней

Политика никогда не была для меня чем-то самодостаточно важным. До того, как оказаться в заключении, я занимался ею в той мере, в какой это было нужно для бизнеса, то есть для достижения тех экономических целей, которые были для меня тогда приоритетны. Дальше была тюрьма. Тюрьма не лучшее место для политических дискуссий, но хорошее место для политического образования, получением которого я и занимался усердно в свободное от основных тюремных занятий время. В самом конце 2013 года Путин принял решение выпустить меня на свободу. Хотя надежда умирает последней, вероятность такого исхода своей десятилетней изоляции я оценивал крайне низко. Чем именно руководствовался Путин, мне неизвестно достоверно до сих пор. Наверное, всем понемногу. Тут и Олимпиада, которую надо было провести образцово-показательно, и личная просьба Меркель, которую хотелось исполнить в расчете на будущую взаимность, — но и человеческое чувство сострадания к моей умирающей матери, у которой оставался последний шанс меня увидеть. Все это я

понимал и учитывал, пока шла стремительная подготовка к моему выдворению из России. Понимал я и то, что без доброй воли и желания Путина этого освобождения никогда бы не случилось и что его решение расстроило очень многих людей в его окружении. Поэтому, хотя я честно предупредил приехавшего ко мне офицера ФСБ, что молча сидеть и прятаться от людей я не собираюсь, мотива заниматься политической деятельностью из личной мести у меня не было. Счет моих отношений с Путиным оказался как бы обнуленным: он меня посадил, отняв десять лет жизни у меня самого и у моей семьи, и он же спас мне жизнь. С высоты сегодняшнего дня видно: не случись этого тогда, я был бы обречен до конца своих дней оставаться за решеткой.

Так что, когда после освобождения я сказал, что не собираюсь заниматься политической деятельностью, я был совершенно искренен. Желания заниматься политикой, чтобы что-то доказать Путину, у меня не было тогда и нет до сих пор. Парадоксальным образом наши личные отношения сложились так, что я ему даже вроде остался должен. Мог убить, но не убил. Мог сгноить в тюрьме, но не сгноил. И я об этом помню. Я планировал заниматься адресной правозащитной и просветительской деятельностью, где, как мне казалось, есть достаточно большое поле для приложения сил и где мой опыт, да и мои деньги, вполне мог бы пригодиться. Но чем дальше, тем настойчивее политика влезала во все, к чему я прикасался. Что же случилось? Что заставило меня отказаться от первоначального твердого намерения не возвращаться больше в зону политики?

Чтобы ответить на этот вопрос, мне придется объяснить, что я понимаю под политической деятельностью и что составляет мою мотивацию для участия в ней. Политика в точном и единственно возможном смысле слова — это борьба за власть. Необязательно для себя, иногда это может быть борьба в пользу кого-то другого. Если смысл и цель политики не власть, то это не политика, а фейк. Или человек, делающий такое заявление, просто нечестен с самим собой и окружающими.

Но за власть люди борются по двум причинам: для одних она является самоцелью, а другим нужна как инструмент для достижения иных целей. Упрощая, можно разделить политиков на прагматиков, которым кроме власти как таковой ничего не нужно, и идеологов, для которых приход к власти является только началом истории. Конечно, это деление условно, его нельзя абсолютизировать, но помнить о нем полезно.

Власть сама по себе, как атрибут альфа-самца, как возможность доминировать и наслаждаться своим высшим положением в иерархии мне никогда не была интересна. Я успел побывать и на самом верху, и в самом низу. Для меня давно не секрет, что формальная, видимая всем власть бывает мало чего стоит, а настоящая, иногда невидимая власть не имеет прямого отношения к публичным позициям в политике. По понятным причинам мне также была совершенно не интересна власть как способ обогащения. Я был и остался достаточно богат, чтобы не думать о хлебе насущном, а всех денег все равно не заработаешь. Но главное было даже не в этом. Я всегда относился и сейчас отношусь с большой осторожностью к людям, для которых политика — самоцель. Проблема в том, что у этих людей нет и не может быть убеждений. Убеждения делали бы их уязвимыми и мешали достигать своей цели. В общем, при прочих равных к власти легче прийти, будучи беспринципным человеком, не обремененным никакими условностями. Такой человек в одной ситуации «за советскую власть», в другой — против, и в обеих обычно выигрывает. Когда таких политиков становится слишком много, общество попадает в затяжную полосу кризисов.

Другое дело — политики с убеждениями. Тут, конечно, тоже не все просто. Если к власти приходят фанатики, одержимые человеконенавистническими идеями, то они становятся угрозой не только конкретному обществу, но и всему человечеству. Тем не менее мир остался бы девственно патриархальным, если бы у власти не оказывались люди с убеждениями, желающие его изменить. Таким образом, вопрос о том, заниматься или не заниматься политикой, всегда сводился для меня

к вопросу, есть ли у меня достойные убеждения, ради которых имеет смысл заниматься политикой, а значит, бороться за власть. Пусть и не в пользу себя лично, но в пользу той силы, которая мои убеждения разделяет.

На момент освобождения из тюрьмы я не видел веских оснований для того, чтобы заниматься политикой в России. Я придерживался общедемократических взглядов, таких же, как сотни тысяч других либерально настроенных россиян. Я, естественно, не был согласен с проводимым Путиным политическим курсом практически ни по одному пункту, но в этом я не был уникален. Чтобы выразить свои убеждения, было достаточно поддержать тех, кто был мне близок по взглядам, что я и делал, даже находясь в тюрьме. Лезть в политику для этого было совершенно не нужно. Я не считал, что могу добавить что-то существенно новое к тому, что говорили и делали другие. Ситуация, однако, изменилась вскоре после моего освобождения.

Буквально через два месяца после того, как я, помимо своей воли, покинул Россию, страна стала другой. Точнее, она стала прежней — такой, какой была до перестройки. Как будто воскресший ГКЧП наконец решил разыграть альтернативный сценарий истории. Неудавшаяся попытка задушить революцию в Украине, последовавшее за ней присоединение Крыма к России, в свою очередь, спровоцировавшее войну на Донбассе, — эти события перевернули все в России вверх дном. В считанные месяцы Россия была отброшена политически на десятилетия назад. Произошло первое и самое главное обнуление. Путин и его окружение обнулили все, чего добилось мое поколение, поддержавшее Горбачева и Ельцина в попытке изменить Россию. Это выходило за рамки моего личного конфликта с Путиным. Речь шла уже о принципиальном расхождении во взглядах на судьбу России, ее прошлое, настоящее и будущее. Так у меня возникла мотивация заниматься политикой, которой не было ни в тюрьме, ни в момент освобождения. Она сводилась к очень простой формуле: я должен защитить убеждения и идеалы моего поколения

революционеров. Сделать так, чтобы Россия никогда больше не проигрывала своего будущего своему прошлому и не сваливалась в колею, из которой ее с таким большим трудом удалось вытащить в конце 80-х годов прошлого века.

Но как это сделать? Для большинства моих единомышленников ответ на этот вопрос звучал и продолжает звучать предельно просто: убрать из власти Путина и его клику. Выглядит заманчиво, но на деле все не так просто. Мы уже убрали Сталина — и вернулись к сталинизму. Мы убрали Брежнева — и вернулись к застою. В конце концов, мы свергли самодержавие — и спустя сто лет живем при самодержавном режиме.

Я несколько не сомневаюсь, что можно избавиться от Путина. Рано или поздно он покинет этот мир: бессмертных диктаторов не существует. Но путинизм, сталинизм и самодержавие будут возвращаться в Россию снова и снова до тех пор, пока для них существуют социально-политические и институциональные предпосылки. Хотя персонализировать зло всегда легче и удобнее, дело не в личностях, а в объективных предпосылках, позволяющих любому человеку, достигшему вершин власти в России, стать Путиным, Брежневым или Сталиным. Это работает подобно законам физики. Приходит к власти революционер, новатор, освободитель — а уходит диктатор, сатрап и душитель свободы, цепляющийся за власть вместе с жалкой кучкой коррумпированных приспешников. И конкретная фамилия ничего не значит, потому что русская действительность сломает любого. В определенном смысле не Путин сломал Россию, а традиционная Россия подмяла Путина под себя. Понимание риска для России навсегда остаться обреченной на повторение собственной истории — вот что заставило меня искать адекватные этой угрозе решения.

Постепенно я пришел к глубокому убеждению, что существующая форма власти способствует консервации российского самодержавия и без ее революционного изменения выбраться из самодержавной ловушки невозможно. Я пришел к выводу, что для России с учетом ее исторических традиций

и политического опыта приемлема только парламентская форма правления. Разумеется, речь идет о настоящей парламентской республике, а не о ее бумажной версии вроде советского парламентаризма.

Любые иные формы правления, где в руках формального главы государства сосредоточивается вся полнота исполнительной власти, в России будут с неизбежностью, сразу или через какое-то время, приводить к перерождению режима в автократический и тоталитарный. Это будет происходить по той простой причине, что культурные, экономические и социально-политические тормоза, не позволяющие государству свалиться на авторитарную обочину, у нас пока крайне плохо развиты. Любая, даже самая слабая личность, оказавшись на вершине пирамиды власти, не сможет удержаться от соблазна подмять эту пирамиду под себя. Значит, надо срезать у пирамиды вершину.

Я вижу свою миссию в следующем: убедить тех, кто разделяет мои идеалы и хочет видеть Россию свободной — не на пару месяцев или даже лет, а на десятилетия, — что достичь этого можно, только выстроив в России по-настоящему федеративную парламентскую республику с развитым местным самоуправлением. Важно избавиться от диктатора, важно расследовать преступления режима, важно восстановить хотя бы элементарные демократические нормы в стране и вернуть ей правосудие и справедливость. Но еще важнее сделать это таким образом, чтобы все возвращенное не было тут же утеряно вновь. А это возможно лишь при переходе к парламентской республике.

Построить такую республику в России намного сложнее, чем свергнуть режим Путина. Это и есть настоящая революция, которая не причисляет поверхность политической жизни, а переворачивает сами основы традиционного уклада русской жизни. Такая революция потребует много усилий и жертв, заставит рисковать и перестраивать буквально все снизу доверху. Но только такая масштабная революция может дать России долговременный иммунитет от само-

державия и шанс на новую жизнь в условиях современного постиндустриального глобального мира.

Здесь нужно разъяснить, что я понимаю под революцией. Я глубоко убежден как в том, что революция в России неизбежна, так и в том, что Россия в ней остро нуждается. Это не отменяет моего отрицательного отношения к революциям в принципе и глубокого сожаления о том, что Россия зашла в исторический тупик настолько глубоко, что выбраться из него можно только через революцию. Революция — это в любом случае испытание для общества, даже когда она несет с собой прекрасное будущее. И в то же время революция — это далеко не всегда уличные бои, штурмы, захват почт, мостов и телеграфов. Подобные события не революция, а бунт. Он часто сопровождает революцию, но не является ее обязательным и тем более главным элементом.

В моем понимании революция — это глубочайшая перестройка фундаментальных основ жизни общества, которая изменяет вектор его исторического развития. Сопровождается ли такая перестройка основ социальными взрывами или проходит почти бесшумно — уже второй вопрос. Важнее всего результат. На мой взгляд, переход России к парламентской республике — когда страной управляет правительство, представляющее коалицию партий, которые контролируют парламент по итогам реальных выборов и, в свою очередь, представляют реальное, широкое большинство общества, — это только верхушка айсберга. В его основании лежат фундаментальные изменения в самых разных сферах общественной жизни, осуществление которых необходимо для того, чтобы система парламентской демократии оставалась устойчивой и стабильной. Среди всех этих изменений самым важным является переход к реальному федерализму и самоуправлению городов. Только они могут быть политической базой стабильной парламентской республики.

Вообще в случае России парламентская республика и федерализм неотделимы друг от друга. Для того чтобы вырвать Россию из колеи самодержавия и стабильно

удерживать ее на демократической траектории, нужен переход к парламентской республике. А для того, чтобы парламентская республика не превратилась в очередной фасад самодержавия, ее надо подкрепить федерализмом.

Это уже совсем глубокая революция: страну, столетиями приученную смотреть на себя сверху вниз, надо научить взгляду на себя снизу вверх. Логика здесь простая. Демократических политических традиций в России почти нет, есть в основном антидемократические. Гражданское общество, не успевшее толком сложиться, к сегодняшнему дню практически полностью разгромлено. Даже если возникнут благоприятные, близкие к идеальным условия (в чем я сомневаюсь), для восстановления гражданского общества хотя бы до прежнего уровня потребуются годы, при том, что на прежнем уровне оно было очень незрелым. Партийной системы как на федеральном, так и на местном уровне не существует. Все существующие партии — либо политические фейки, созданные самой властью или подмятые ею под себя, либо маргинальные секты, объединенные вокруг своих микророждей и не имеющие серьезной опоры в массах.

Что в таких условиях может придавать устойчивость парламентской системе как альтернативе самодержавию? Что является силой в мире бессилия? Только регионы. Только региональные элиты с их местными интересами, с их местным самосознанием, с их локальными, веками складывавшимися связями являются в современной России потенциальными субъектами, а не объектами политики. Если они поддержат парламентскую республику, она состоится. Если нет — исчезнет как еще один русский исторический мираж. Парламентская республика возможна только при реальном федеративном устройстве, когда местные финансы и вообще местная жизнь — дело тех, кто живет на местах.

Почему тема федерализма для России так важна? Дело в том, что Россия с ее культурной, религиозной и, конечно, экономической многоукладностью может быть унифицированным государством только при жесточайшей диктатуре,

которая подавляет и нивелирует все местные особенности. Без такой диктатуры нельзя привести под единый знаменатель Москву и Грозный, Казань и Магадан, Калининград и Хабаровск, Петербург и Кемерово. Если же мы хотим хоть немного демократии, мы должны допустить существование в России многоукладности — не только экономической, но и политической. Кстати, Российская империя, так почитаемая путинцами, была политически многоукладной. В ней столетиями уживались вполне европейское самоуправление Финляндии и средневековые ханства Средней Азии. Демократия в России — это многоукладность, а политическим форматом многоукладности может быть в современных условиях только федерализм.

Но достичь этого непросто. Почему Россия всегда была сверхцентрализованным государством? Потому что, стоило центру ослабнуть и передать на места значительную часть полномочий, на местах появлялись местные царьки, каждый из которых был более жадным и злым, чем московский царь. В результате народ искал защиты у Москвы от местных сатрапов и выращенных ими бандитов, на чем центральная власть всегда и стояла. Слабый царь — сильные царьки, сильный царь — слабые царьки. Как разомкнуть этот замкнутый круг?

Выход есть. Нужно ввести третий элемент — силу, самостоятельную по отношению к этим двум полюсам. И такой элемент всем хорошо известен — это та самая сила, которую путинский режим в последние годы больше всего подавляет как институт. Это местное самоуправление. Губернатора, прибирающего к рукам власть, пока центр отвернулся, может остановить самостоятельный и самодостаточный мэр или глава администрации. Если царька ограничить местным самоуправлением, он будет вынужден превратиться в регионального конституционного монарха. А местное самоуправление будет инстинктивно искать поддержку в Москве, укрепляя тем самым центральную власть. Это поможет сбалансировать систему, ввести в нее те элементы сдержек и противовесов, без которых невозможно представить себе настоящую демократию.

Место для независимого правосудия возникает только тогда, когда складывается этот треугольник. Отношения в нем по определению не могут быть идеальными. Для их выяснения нужна либо перманентная война, либо общепризнанный арбитр. Нет и не может быть независимой судебной системы, если потребность в ней не возникает у сильных. Кроме объединенных местных элит, сильных в современной России не осталось: все выжжено. Центру, регионам и местному самоуправлению нужны будут правила и арбитр, способный следить за их соблюдением. Может быть, в такой ситуации идея по-настоящему независимого правосудия и укоренится впервые в России.

Появление же системы правосудия станет триггером постепенного глобального изменения отношений между гражданином и государством и создаст предпосылки восстановления (или скорее строительства заново) российского гражданского общества. А прогресс в этом направлении рано или поздно приведет к финальному результату. Свободу, права человека, справедливые и честные выборы на основе политической конкуренции, стабильные институты, поддерживающие правовое государство, — все это и многое другое нельзя получить сразу. К такому результату можно прийти лишь по цепочке следующих одно из другого событий. Важнейшим звеном этой цепочки, на мой взгляд, как раз и является курс на парламентскую республику.

Именно этот курс, а не «борьба с кровавым режимом», есть для меня та цель, ради которой стоило идти в политику. Но движение к ней — дело не быстрое и потребует много терпения.

К сожалению, точное определение цели движения само по себе не гарантирует попадания в точку назначения. Надо понимать, что ждет нас на маршруте. Понятно, что при движении из той точки, в которую нас загнали Путин и его друзья, ничего хорошего ожидать не приходится. Многие из предпосылок, необходимых для установления демократии в России, сейчас просто отсутствуют. Эту ситуацию игнорируют многие очень

—

достойные люди, идеалисты в самом хорошем смысле слова, которые желают, чтобы было как лучше, но в глубине души сами понимают, что будет как всегда. С одной стороны, у нас есть машина террора с огромным обслуживающим аппаратом, который свои позиции не сдаст даже после ухода Путина, а с другой — раздавленное этим террором, запуганное общество, утратившее устойчивые социальные связи, с сократившейся количественно и деградировавшей качественно элитой. Очевидно, что эту пропасть не преодолеть в один прыжок. Нам не обойтись без переходного периода, в течение которого будут подавляться остатки старого путинского общества и создаваться зоны роста общества нового. Эта мысль лежит на поверхности, но, как правило, игнорируется в широкой дискуссии о будущем России. А ведь с практической точки зрения именно устройство общественной жизни в этот переходный период представляется самым важным вопросом на сегодня.

Дело в том, что в России транзит, неважно откуда и куда, — это дремучий лес, в котором легче остаться навсегда, чем выйти наружу. А уж выйти именно там, где планировалось, не удавалось еще никому. Поэтому переходный период требует крайне серьезного к себе отношения. Уверенным можно быть только в одном: послепутинский транзит будет весьма ограничен во времени — он не может продолжаться больше двух лет. Именно на такой срок любая политическая сила, пришедшая на смену Путину, сможет получить кредит доверия. Если за два года правительство переходного периода никуда не перейдет, неизбежно произойдет одно из двух — либо это правительство вынуждено будет установить жесткую диктатуру на неопределенный срок, либо оно будет сметено массами. Это связано с необходимостью принимать в переходный период огромное количество непопулярных мер при самых неблагоприятных для этого обстоятельствах, не говоря уже о таких естественных дополнительных факторах, как сопротивление старых правящих кланов и возможное снижение уровня жизни, сопровождающие практически любую революцию вне общественного компромисса.

Итак, необходимо формирование в России устойчивого институционального каркаса для демократии, что в моем представлении означало бы создание парламентской республики, а также возвращение к федерализму и самоуправлению в совокупности с верховенством права.

Парадоксальным образом вопрос о достижимости или недостижимости этих долгосрочных политических целей зависит от способности переходного правительства обеспечить кредит доверия со стороны большинства в краткосрочной перспективе. Без него не удастся проводить эффективную, но в некоторых аспектах непопулярную политику, направленную на подавление сопротивления старых кланов и формирование базы для новой государственности.

Если переходное правительство сможет проводить жесткий «новый курс», то достижение долгосрочных целей удастся рассматривать как реальную перспективу. Если оно этого делать не сможет и скатится к популизму, то есть исполнению сиюминутных пожеланий масс, то о перспективе можно будет забыть. Доверие людей должно быть длящимся, растянутым во времени. Получить поддержку большинства на короткий период не так сложно. Люди устают от диктаторских режимов, и при определенных обстоятельствах бывает достаточно спички, чтобы их пассивная нелюбовь воспламенилась и переросла в активную ненависть. Но такие вспышки быстро проходят, и масса бросает своих новых вождей. В этом слабость «майданов»: они легко взрываются, но силы их взрыва оказываются недостаточны, чтобы довести дело до конца. Чтобы получить длящуюся поддержку, нужны другие, системные решения, а не просто использование накопившегося раздражения как социального динамита.

В связи с этими соображениями сегодня можно наконец поставить точный диагноз 1990-м, которые неожиданно снова стали предметом оживленных дискуссий в наши дни. Попытка осуществить тогда последовательные реформы, на мой взгляд, провалилась именно потому, что реформаторы пренебрегли необходимостью заручиться устойчивой поддержкой

общества. Они наивно полагали, что могут проводить преобразования, игнорируя мнение большинства, в лучшем случае при соблюдении им нейтралитета, в худшем — преодолевая его сопротивление. Это был курс, идеологически ориентированный на небольшую часть общества, разделявшую радикальные «западнические» взгляды. Экономическими выгодоприобретателями реформ тоже стала весьма разношерстная, но очень малочисленная группа. Основная же масса населения не только существенно пострадала экономически от преобразований, но и осталась чужда проповедуемым реформаторами ценностям. Естественным результатом такого положения вещей стало отчуждение общества от власти и ее курса. Впоследствии эта отчужденность выразилась в массовой поддержке контрреволюционного в своей основе, реакционного политического курса Путина. Если мы не хотим повторения этой истории в будущем, мы не должны повторять ошибок 1990-х.

Перед переходным правительством будет стоять крайне сложная задача — решить копившиеся многие десятилетия проблемы в условиях глубокого экономического кризиса и разобщенного социума, балансирующего на грани гражданского противостояния. Как же обеспечить поддержку со стороны общества действиям такого правительства?

Если оставить в стороне меры «быстрого действия» вроде консолидации на основе общей нелюбви к старому режиму (как показывает опыт, она никогда не бывает долгосрочной), то остается только проведение в жизнь «левого курса», удовлетворяющего базовые экономические потребности большинства населения. Большинство должно почувствовать, что действия правительства стратегически отвечают его долгосрочным экономическим интересам: только тогда оно будет готово сопровождать это правительство политически в его непростом путешествии через зону транзита. Иными словами, существует довольно простое, но почему-то не принимаемое многими в расчет ограничение для любых глубоких преобразований в России: они должны проводиться одновременно с реализацией «левого курса». Когда я пишу о «левом

курсе», я имею в виду прежде всего его ориентированность на массовые социальные и экономические запросы — в противоположность «правому курсу», ориентированному на запросы меньшинств. Если бы реформаторы 1990-х не разошлись с массами в вопросах социальной политики, то, возможно, нам не пришлось бы сегодня решать проблему путинизма. Если те, кто ставит перед собой цель политической борьбы с режимом, вновь не сойдутся с большинством в вопросах социальной и экономической политики, их политические цели никогда не будут достигнуты.

Сегодня это понимают почти все. Сейчас нет такой оппозиционной силы, которая, помимо политической свободы и правового государства, не обещала бы населению России социальных благ и экономического благосостояния. Но люди не спешат верить этим обещаниям. Отчасти потому, что еще свежа память о 1990-х, а отчасти потому, что в обещаниях мало конкретики и много нереалистичных при нынешнем состоянии экономики посулов.

Для того чтобы завоевать доверие большинства, достаточное для проведения масштабных преобразований, людям должны быть предложены не обещания прекрасной жизни в далеком будущем, а гарантии, работающие прямо сейчас. Как ни странно, такие гарантии существуют и могут быть предоставлены правительством переходного периода населению в обмен на долгосрочную поддержку его реформаторского курса. Это возвращение народу того, что было отобрано у него в 1990-е, а именно — права на природную ренту и справедливое распределение собственности.

Природная рента является основным источником богатства России — как частного, так и публичного. Сегодня природной рентой формально распоряжается государство, а фактически — мафиозное сообщество, подменившее собой государство. Все высказываемые идеи, касающиеся судьбы природной ренты, сводятся к одному: сила, которая придет на смену путинскому режиму, сделает так, чтобы распределение природной ренты стало более справедливым, чем сегодня.

То есть народу будет доставаться больше, чем сейчас. Поскольку народ в России привык относиться к любой государственности с глубоким недоверием, то в эти радужные перспективы он не верит.

Но возможен совсем другой подход, который вообще исключает государство как распределителя природной ренты среди населения. В последние годы мы все узнали, что в России есть две нерешаемые проблемы — пенсии и справедливое распределение прибыли от продажи природных ресурсов. Так почему бы не решить одну проблему при помощи другой: направить поступления от продажи энергоносителей, которые и так фиксируются отдельно от других статей дохода, на индивидуальные накопительные счета граждан, открываемые прямо в казначействе? Средства, необходимые для выплаты достойной пенсии, и средства, поступающие в бюджет от эксплуатации природной ренты, — это приблизительно одна и та же сумма. Поэтому замкнуть их друг на друга — мера вполне логичная. Таким образом население России получит возможность непосредственно контролировать природную ренту и перестанет кормить гигантскую бюрократию вместе с прилипшей к ней мафией. Это то, что можно и нужно будет сделать немедленно после прихода к власти. То, что обеспечит коридор политических возможностей при проведении непростых преобразований. Это самое главное, но есть и еще кое-что.

По всей видимости, восстановление доверия между государством и обществом в ближайшее время невозможно на практике без устранения последствий несправедливой приватизации, проведенной в 1990-е годы. Это та родовая травма, которая препятствует проведению в жизнь любых мер экономического оздоровления: в обществе отсутствует доверие не только к государству, но и к частной собственности как таковой, которая составляет фундамент любого конституционного политического государства. В представлении большинства вся частная собственность — результат несправедливого распределения. В значительной степени

это представление опирается на опыт приватизации 1990-х. Впрочем, отчасти оно отражает и сегодняшнюю реальность, так как сейчас существенной долей общественного богатства России распоряжается небольшая криминальная прослойка, подмявшая под себя государство.

Без устранения этой в чистом виде паразитической собственности никакое продвижение по пути демократических реформ невозможно сразу по двум причинам. Во-первых, эта собственность, оставаясь в руках коллективного бенефициара путинского режима, будет немедленно использована для того, чтобы заблокировать любую конструктивную деятельность переходного правительства. А во-вторых, без конфискации этой собственности не удастся заслужить доверия общества, которое не поддержит никакое правительство, оставившее деньги в руках этих людей.

Поэтому второй неизбежной социальной мерой переходного правительства должна будет стать экспроприация паразитического капитала путинского клана. Изъятые у него активы должны быть переданы в управление публичных инвестиционных фондов, контролируемых парламентом. Доходы от деятельности таких фондов должны направляться на дополнительное финансирование социальных расходов населения, в первую очередь расходов на образование и здравоохранение через направление средств на индивидуальные накопительные счета, открываемые для всех граждан. Эту меру можно рассматривать как компенсационную: она станет исправлением ошибок, допущенных государством при проведении приватизации, а значит, в некотором смысле мерой по восстановлению социально-экономической справедливости.

Сегодня, когда в России фактически введено чрезвычайное положение и осуществляется режим политического террора, любое практическое сопротивление действиям властей парализовано. Опыт, однако, показывает, что бесконечно это продолжаться не может: подобные замкнутые системы в конце концов сами становятся причиной своего краха. Не будет исключением и путинский режим. И если на срок

жизни этого режима сейчас повлиять трудно, то на темпы будущего выздоровления — вполне возможно. Они в значительной степени будут зависеть от глубины рефлексии происходящего элитами, от адекватности переосмысления российской истории, от наличия внятной и достижимой цели движения и, что еще более важно, подробной дорожной карты.

Наличие предварительного общественного консенсуса по всем этим пунктам значительно упростит и ускорит процесс нормализации после падения режима. Отсутствие же консенсуса и тем более отсутствие самого плана, вокруг которого его можно выстраивать, существенно усложнит оздоровление общества, а может быть, и вообще сделает его невозможным. Обстоятельства складываются так, что на какое-то, возможно даже длительное, время духовное и интеллектуальное сопротивление режиму чуть ли не единственная доступная большинству оппозиционно настроенных граждан форма сопротивления. Но «потусторонность» и кажущаяся отвлеченность такого сопротивления от настоящего не умаляют его исторической значимости. Напротив, именно по этой линии проходит сегодня фронт борьбы за будущее России. В начале любого действия лежит слово — и важно, чтобы это слово было точным и било в цель.

В нынешней России нет места для политики и мотивов для того, чтобы ею заниматься. Но они есть в будущем России. И именно мысль о той России, которая оставит путинизм в прошлом, мобилизует меня на то, чтобы заниматься политической деятельностью. Это будущее выглядит непростым. Путин оставит России тяжелое наследство, с которым продвигаться дальше будет очень нелегко. Этот путь будет усеян историческими ловушками, в которые Россия попадала уже не раз, застревая в них на десятилетия.

Я убежден, что переустройство России в качестве парламентской, действительно федеративной республики с сильным самоуправлением — та точка опоры, от которой можно будет оттолкнуться, чтобы покончить с проклятием самодержавия навсегда. Одновременно я отдаю себе отчет,

что достичь этой точки в России можно, только двигаясь по «левой полосе». Моя политическая цель сегодня — создание широкого общественного консенсуса как в отношении самой цели, так и в отношении методов ее достижения.

ЧАСТЬ I

КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ СТАРОГО ДРАКОНА?

подавляющему числу людей комфортно жить при драконе до самого последнего дня, того самого дня, когда их или их близких убьют, арестуют или выбросят на улицу из уютной обывательской скорлупы. Любовь к дракону — естественное состояние обывателя, и именно она является главной проблемой любого переходного периода от диктатуры к демократии. Не так сложно избавиться от самого дракона, как от обывательской преданности ему. Поэтому избавление от дракона не одноактный красивый революционный спектакль с фейерверком радости и счастья в финале, а многоактная драма со сложным и порою трагическим сюжетом. И в каждом акте этой драмы ее *актерам* придется разрешать сложные дилеммы, иногда не имеющие однозначного решения.

Глава 1. Стратегия победы: мирный протест или мирное восстание?

В чем состоит стратегия победы в борьбе с деспотией? Людям XVIII, XIX и тем более XX веков легко было ответить на этот вопрос. Стратегия победы — революция.

Какая революция? Конечно, насильственная. Маркс писал, что революция — повивальная бабка истории. А отец-основатель США Гамильтон выразился так: «Если народу надоест его правительство, то он может воспользоваться либо своим конституционным правом, чтобы сменить правительство в ходе выборов, либо своим революционным правом, чтобы свергнуть его в ходе восстания».

Право народа на восстание против узурпаторов власти закреплено в преамбуле американской Конституции. Ленин и его соратники считали революцию основным источником права и призывали судить врагов революции, руководствуясь революционным правосознанием. Было ясно, где враг и что с ним делать.

Но в последней четверти XX века все стало сложнее. Революции, из-за которых в Европе за двести лет пролились

реки крови, вышли из моды. А распад СССР и связанных с ним режимов в Восточной Европе создал иллюзию возможности победы над тиранами без применения насилия. Пусть не сразу, но в конечном счете насилие было исключено из стратегии борьбы с деспотией как явление нежелательное и даже недопустимое. Что же осталось в этой стратегии?

В ней остался мирный протест как единственно приемлемая и универсальная стратегия на все времена и во всех обстоятельствах. Целью стала не просто революция, а обязательно бархатная революция, революция в белых перчатках. Протест отныне не мог быть связан с насилием, даже если это насилие по отношению к тирану и его приспешникам, утопившим страну в крови.

До какого-то момента эта стратегия «непротivления злу насилием» работала — по крайней мере, так казалось со стороны. Развитием бархатных революций стали революции цветные, хотя правильнее было бы называть их «цветочные» («революция роз», «революция гвоздик» и так далее). Цветные революции стали успешной политтехнологией, позволяющей мягко выдавливать авторитарные режимы из власти, не допуская серьезного кровопролития. Во всяком случае, на этапе перехода власти в руки оппозиции. За двадцать лет, прошедших с момента «самороспуска» СССР и крушения Берлинской стены, стандарт цветной революции превратился сначала в икону революционного стиля, затем и в революционную догму. А формирование догмы неизбежно ведет к застою.

Здесь надо сделать замечание: любая революция, даже бархатная, все равно не обходится без насилия или, что случается чаще, без очевидной и неотвратимой угрозы применения насилия, из-за которой режим предпочитает идти на компромисс. Именно готовность режимов к компромиссам, а не желание революционеров любой ценой найти компромисс с режимом, делает возможной бархатную революцию. Как следствие, такие революции бывают успешны только в том случае, когда им противостоят «перезревшие диктатуры» — авторитарные режимы, в которых заправляют дети или даже внуки их создателей.

Недавно случилась революционная ситуация в Беларуси. Это был кризис новой эпохи, который оппозиция поначалу попыталась разрешить по старым правилам, применяя методы цветной революции: координация, мобилизация, солидарность, психологическое давление и моральная поддержка Запада, иногда подкрепляемая скромной финансовой помощью.

Раньше этого набора, как правило, оказывалось достаточно, чтобы диктатура капитулировала. Но в Беларуси «что-то пошло не так». Скоординировались, отобилизовались, проявили беспрецедентную солидарность, оказали мощное психологическое давление, получили поддержку Запада — и все это закончилось ничем. Режим утопил движение в насилии, а поддержку Запада компенсировал помощью от России. Попытки выводить людей на улицы снова и снова пока не приближают оппозицию к успеху, в связи с чем общее разочарование в результатах революции нарастает.

На этом фоне как в самой Беларуси, так и за ее пределами не могла не вспыхнуть дискуссия о стратегии протеста там, где режимы отказываются уступать, а возможность внешней интервенции исключена (понятно, что никто не будет ради свободы беларусов начинать ядерную войну с Россией).

С одной стороны, возникли сомнения в том, что ориентация исключительно на мирные методы борьбы действительно является универсальным и эффективным подходом к любой революционной ситуации. С другой стороны, появились опасения, что призыв к немирному протесту приведет к общей дискредитации протеста в глазах населения и мирового сообщества, что, в свою очередь, неминуемо приведет к поражению. Так возникло противопоставление мирного и немирного протеста, которое, на мой взгляд, является совершенно ложной дилеммой.

Может ли быть ненасильственным протест в недемократическом государстве в принципе? В условиях деспотии не существует легальных рамок для протеста, на то она и деспотия. Любой гражданин, реально протестующий против

диктаторского режима (а не изображающий протестующего по согласованию с властями), оказывается вне закона. Если митинги, шествия, демонстрации, пикеты и другие формы публичной политической активности находятся под запретом, то любой выход на улицу с самыми мирными намерениями может обернуться насилием, потому что приводит к провокации насилия со стороны власти, а значит, и к сопротивлению, хотя бы в пассивной форме (когда, например, избиваемый полицией человек закрывает голову от ударов).

Формы протеста, которые мы по инерции продолжаем называть мирной и немирной, в условиях диктатуры качественно ничем друг от друга не отличаются. Любые виды публичного протеста против узурпации власти являются потенциально немирными, но могут существенно различаться степенью проявления своей насильственной сущности — от почти нулевой до ярко выраженной.

В одних случаях уровень психологически допустимого для участников насилия может быть очень низким, в других — достаточно высоким, но во всех случаях этот порог не равен нулю. Иначе люди в принципе не принимали бы участия в протестных акциях. Если у нас есть диктатура со одной стороны и реальный протест против нее с другой, то мы в любом случае допускаем возможность насильственного столкновения, призывая людей не подчиняться установленным диктатурой законам.

Я считаю, вопрос о мирном или немирном протесте затемняет другой, гораздо более существенный вопрос и уводит дискуссию в сторону. Это вопрос о том, считаем ли мы легитимным революционное насилие в принципе. Только ответив на него, мы можем переходить к следующему вопросу — о желательном или нежелательном формате указанного насилия. На мой взгляд, ответ однозначен — да, революционное насилие легитимно.

Если как следует проанализировать позицию сторонников «исключительно мирного» протеста, то очень скоро выяснится, что за фасадом красивых и миролюбивых слов зачастую

скрывается попытка защитить тезис о нелегитимности революционного насилия в принципе. Это опасное заблуждение: если рассматривать мирный протест как принципиальный отказ от любого революционного насилия (а именно так многие люди его по наивности и рассматривают), то такая позиция наверняка найдет понимание у любого диктатора, но сделает борьбу с диктатурой совершенно невозможной.

Ни одна диктатура в истории человечества не ушла без открытого или скрытого силового давления — только потому, что устала. Если не насилие, то угроза его применения всегда имели решающее значение для победы революции. Другое дело, что угроза применения насилия всегда и практически во всех отношениях действует лучше, чем его открытое применение.

Дело здесь не только в гуманизме. Если революция начинается с насилия, то им же она и заканчивается. А если революция заканчивается насилием, то она на этом никогда не останавливается. Насильственная революция делает практически неизбежной послереволюционную диктатуру с целью подавления контрреволюции. Это надо учитывать всем, кто, в отличие от сторонников исключительно мирного протеста, напротив, выступает за быстрый переход к насильственным методам борьбы.

Тем не менее, как показал опыт Беларуси (а российский опыт обещает быть еще более впечатляющим), если режим готов стрелять, то демонстративный и заблаговременный отказ оппозиции от насилия как инструмента захвата власти контрпродуктивен. Сужение стратегии протеста до рамок оказания психологического давления на власть, если только это давление не подкреплено угрозой прямого иностранного вмешательства, не может привести к крушению готового на все режима — даже если протест имеет массовую поддержку в обществе. Именно поэтому концепция мирного протеста как полного и абсолютного отказа от революционного насилия является не чем иным, как догмой. Отрицая насилие в принципе, мы отрицаем революцию.

На самом же деле революционное насилие не просто легитимно, а исторически всегда и везде становилось источником новой легитимности. Революция и конституция всегда идут бок о бок. Без революционного насилия в мире не возникло и не установилось бы ни одного конституционного порядка — об этом не стоит забывать даже по прошествии нескольких столетий.

Если происходит вырождение конституционного порядка, то очень часто единственным реальным способом его восстановления является возвращение к практике революционного насилия. Именно поэтому в старых конституциях не забывали написать о революционном праве народа на восстание. Именно поэтому в старых конституциях так много внимания уделялось вооружению народа. Узурпатор власти должен был понимать: все, что силой взято им у народа, силой же может быть народу возвращено, потому что легитимность восставшего народа выше легитимности деспотического режима. Это жесткие истины, азбука революции, но ее надо выучить наизусть. Конечно, если хочешь победить, а не проиграть.

Признание легитимности революционного насилия как метода борьбы с диктатурой вовсе не означает готовность немедленно применить это насилие на практике. Признавать возможность и легитимность насилия в революционной борьбе с диктатурой — вопрос стратегический. Применять или не применять насилие в конкретном случае и, если применять, в каких пределах и в каких формах — это вопрос революционной тактики, который может решаться по-разному.

Зачастую преднамеренный отказ от эскалации насилия во избежание больших жертв, особенно в тех случаях, когда большинство не готово к активным действиям при отсутствии в стране революционной ситуации, является единственно правильным решением. Но возведение этого решения в догму, убежденность в том, что *при любых обстоятельствах* протест должен оставаться мирным, равносильно добровольному разоружению перед диктатурой и, по сути, отказу от реальной борьбы за власть. Режим должен всегда находиться под напря-

жением и помнить, что на всякую силу найдется контрсила, а за всяким преступлением последует наказание. Только в этом случае у восставших против режима есть шанс на успех.

К тому же мирное давление далеко не всегда может быть таким мирным, как его изображают. Не связанный с каким-либо насилием мирный протест может сжигать ресурсы власти и ограничивать ее собственную возможность применять насилие. Это может случиться по самым разным причинам — из-за деградации силовых структур, из-за истощения материальных запасов (в этом смысле забастовка — вполне силовой прием) или по другим причинам. Правда, в этом случае есть угроза, что, когда режим рухнет от истощения, главными бенефициарами на поле боя окажутся мародеры — либо криминал, либо интервенты. И тогда уже протестному движению придется применять насилие к третьим лицам.

Ясно только одно — протест не может допускать внутренней самоцензуры. Если у революции имеется встроенный ограничитель скорости, она никогда не взлетит. Сказав «А», лидеры протеста должны всегда быть готовы сказать «Б». Если ты выводишь людей на улицы, то ты уже тем самым допускаешь возможность революционного насилия. Другое дело, что ты можешь призвать своих сторонников к сдержанности из тактических соображений.

Предательством протеста в одинаковой мере является как провокация насилия в отсутствие революционной ситуации, так и абсолютный отказ от насилия, необходимого, чтобы поставить финальную точку в революции, когда революционная ситуация сложилась. Последнее означало бы оставление движения без лидеров на произвол судьбы. Как правило, это приводит к немедленному поражению революции и к еще большему насилию и жертвам, но уже со стороны не революции, а контрреволюции. Поэтому протест должен, конечно, стараться остаться мирным, и он останется таким, если готовность противостоять насилию насилием будет убедительная.

Глава 2. Объединение протеста: многопартийность или монопартийность?

Все помнят каноническую метафору со сломанными стрелами, кочующую из одного эпоса в другой. Мудрый вождь (или царь) сначала демонстративно легко ломает стрелы по одной, а затем бессильно опускает руки, пытаясь сломать собранный из таких же стрел пучок. Затасканность этого образа не отменяет той простой истины, что единство протеста, в чем бы он ни состоял, является ключевым условием его эффективности. С этим мало кто будет спорить, но, что такое единство, каждый, как правило, понимает по-своему. Бывает единство многоголосое, а бывает такое, когда все должны петь одним голосом.

Именно об это споткнулась сегодня демократическая оппозиция в России.

На словах лидеры всех сколько-нибудь значимых протестных движений выступают за объединение. Странно было бы услышать от них заявления о том, что они против широкого фронта борьбы с диктатурой. Но многие из тех, кто на словах выступает за единство, на практике руководствуются другим принципом, который был сформулирован

при сходных исторических обстоятельствах еще Лениным: «прежде чем объединяться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться». Опасность этого лозунга состоит в том, что по ходу дела конечная цель — объединение — уходит на второй план, зато размежевание идет по полной программе. Именно это мы и наблюдаем сегодня в России.

Оглядываясь назад, мы видим, что пути к успеху протестного движения весьма разнообразны. Среди прочих классификаций можно выделить два типа успешных революций. Одни осуществлялись сплоченными группами единомышленников, не только объединенных сходством политических взглядов, но и собранных в организацию полувоенного типа, которая после победы становилась основой новой государственности. Другие успешные революции совершались широкими коалициями самых разных политических сил, соединенных непрочной организационной связью, которая редко переживала саму революцию.

Присмотревшись к этому опыту более внимательно, мы не сможем не заметить, что очень часто тактические революционные задачи (захват и удержание власти) более эффективно решались именно полувоенными, заговорщицкими организациями, по своей структуре больше напоминавшими религиозные секты, чем политические партии в строгом смысле слова. Зато стратегические задачи, которые, собственно, ставили перед собой революции, в особенности задачи демократического характера, решались лучше именно там, где во главе революции стояла коалиция разнородных сил, объединившихся на время и по случаю.

Казалось бы, зная об этом, все ответственные политические силы должны стремиться к созданию широких коалиций. На практике, однако, этого не происходит. Коалиции не создаются, а если и создаются, то почти сразу распадаются. К сожалению, для этого есть веские объективные причины. Исторический опыт показывает, что чем агрессивнее диктатура, чем более беспощаден режим, тем меньше шансов у коалиции сложиться и победить. Это происходит по понятным

причинам: сам режим прекрасно знает, что единство оппозиционных сил является для него главной угрозой, и делает все от него зависящее, чтобы такого единства не возникло, в том числе поддерживая в оппозиционной среде раскольнические настроения. Выбирая между «непримиримой» и «самой непримиримой» оппозицией, режим, как ни странно, предпочитает иметь главным оппонентом именно вторую — даже рискуя вырастить таким образом своего могильщика, как это уже случилось один раз в русской истории в начале XX века.

Нельзя забывать о том, что в России существует не только традиция самодержавия, но и традиция большевизма — сектантства и раскольничества в революционном движении. Обе традиции теснейшим образом связаны между собой. В отечественной истории большевизм сыграл не менее печальную роль, чем самодержавие, которое он вначале уничтожил, а потом возродил в еще более изощренной форме. Для подавляющего большинства наших современников большевизм и коммунизм — одно и то же. Но это далеко не так, поскольку можно не быть коммунистом и даже быть антикоммунистом, но при этом оставаться большевиком. Более того, если коммунизм для России — явление в значительной степени случайное, то большевизм произрастает из самих основ русской культуры.

Большевизм — движение, выросшее из русского народничества, далекое не только от либеральных идеалов. Для большевизма, как и для самодержавия, «социальным демиургом» является государство, а не общество. Но если самодержавие с помощью государства стремится законсервировать общество, то большевизм с помощью государства стремится вывернуть его наизнанку. Большевикам никогда не были нужны союзники во власти, им нужна была только сама власть. Большевизм очень живуч и способен принимать самые неожиданные формы. Это не только ленинизм и сталинизм, но и, например, ельцинизм в своей крайней форме. К сожалению, многие реформы 1990-х годов проводились теми же большевистскими, «кавалерийскими» методами, что

и советские реформы, хотя это и не было так очевидно. И сегодня в российском протестном движении наблюдается подъем необольшевистских настроений. Эта философия и идеология становятся все более привлекательными по мере ужесточения режима.

Сила необольшевизма в том, что он нацелен на создание в буквальном смысле слова армии единомышленников, которая готова слаженно и организованно действовать по команде из единого центра. Ленин называл это партией нового типа. Такая армия гораздо эффективнее решает политические задачи в условиях гражданской войны, которую режим ведет с собственным народом, чем аморфная и трудноуправляемая коалиция. Но есть и обратная сторона медали. Война создает благодатную почву, на которой необольшевизм расцветает пышным цветом насилия. Это его стихия, поэтому он, сознательно или подсознательно, всегда настроен на войну. На гражданскую войну, объявленную народу диктатурой, необольшевизм отвечает собственной гражданской войной. Он тушит пожар встречным огнем.

Большевистская традиция в российском протестном движении предполагает, что единство протеста должно быть монопартийным. Это значит, что ядро протестного движения должно быть идеологически и организационно однородным, управляемым из одного центра вождем или группой вождей. У этого ядра может быть периферия, состоящая из «попутчиков», но союзы с ними носят временный и конъюнктурный характер. Предательство союзников для необольшевизма — политическая и этическая норма. Хороший союзник должен полностью организационно и политически раствориться в партии. Партия же не должна представлять интересы общества, а быть «приводным ремнем» между вождями и революционным классом.

Естественно, когда речь идет о вооруженном восстании и войне, такая форма организации протестного движения оптимальна. Проблема в том, что война таким образом становится для необольшевиков самоцелью. В условиях

относительно мирного развития ситуации у них нет никаких шансов прийти к власти. Они вообще не могут *прийти* к власти, а могут лишь ее «подобрать», когда общая разруха приводит к параличу всех государственных институтов. Поэтому главными лозунгами необольшевизма всегда были и остаются две максимы: «чем хуже, тем лучше» и «кто не с нами, тот против нас».

Парадоксальным образом необольшевизм как радикальное течение в протестном движении способствует временной стабилизации и укреплению режима. Он делает невозможной любую другую формат изменений кроме насильственного переворота, совершенного в момент окончательного коллапса режима, который наступает в условиях полной разрухи в результате войны, масштабной экологической катастрофы и других аналогичных причин. Необольшевизм, который рассчитывает стать главным бенефициаром этой разрухи, препятствует объединению протеста и исключает любую возможность совершить транзит власти ранее этого момента и в менее насильственных формах. Он продлевает режиму жизнь, рассчитывая впоследствии стать его могильщиком. За это режим его и ценит.

В большинстве случаев необольшевизм оказывается тупиковым направлением в протестном движении, так как условия, необходимые для его победы, просто не успевают сложиться. Но в тех редких случаях, когда война или иное аналогичное по масштабу событие сносит режим и у необольшевистской секты появляется шанс на успешный переворот, его следствием всегда становится гражданская война и новая диктатура, иногда гораздо более жестокая, чем та, которую он устранил. Это вытекает из самой природы необольшевизма и необходимости захватить и удерживать власть силами нескольких процентов населения. Та ли это революция, которой ждет Россия, и та ли это победа над режимом, которая стоит жертв?

Альтернативой необольшевизму может быть протестная коалиция, многопартийный, многоликий протест — собрание

разногласных политических групп. Конечно, коалиция не лучшая форма организации на войне. Но главный принцип коалиции звучит так: лучше раньше, чем хуже. Объединение оппозиции создаст условия для смены режима раньше того момента, когда наступит его естественный коллапс. Цена падения режима измеряется количеством жизней, которыми будет оплачена победа. Нам совсем не безразлично, сколько их будет в конечном счете.

Коалиция — это всегда компромисс. В коалиции объединяются силы радикальные, менее радикальные и даже склонные сотрудничать с режимом. Небольшевизм всегда исключительно радикален. Он тоже идет на компромиссы, но только тактические, цель которых состоит в том, чтобы достигнуть результата и затем расправиться с «попутчиком». Именно поэтому все исторические союзы большевиков плохо заканчивались для их временных союзников. Главный лозунг коалиции противоположен небольшевистскому: все, кто не против нас, те с нами. Хотелось бы, чтобы результатом революции стала не послереволюционная разруха, а послереволюционное демократическое и правовое государство.

Тот, кто на этапе подготовки революции готов к компромиссам, и после революции будет к ним готов. А тот, кто отрицает компромисс на стадии революции, тем более будет отрицать его после революции и станет революционным диктатором. Наконец, каждый революционный диктатор со временем превращается просто в диктатора, которого надо свергать с помощью новой революции. Это замкнутый круг, по которому Россия ходит уже более ста лет. И если самые радикальные революционеры не готовы объединяться с отнюдь не радикальными и даже не революционерами, то это значит лишь, что они продолжают удобрять почву для вечного Путина.

Конечно, компромиссы тоже бывают разные. Нужна разумная середина между монопартийностью, уводящей в небольшевизм, и многопартийностью, уводящей в болтовню и неспособность к действию. На определенных этапах революции она не может обойтись без военных вождей.

Но рядом с этими вождями всегда должен существовать орган, легитимирующий революционную власть вождей, не позволяющий им встать над революцией и над обществом.

Создание революционной коалиции, несмотря на ее непопулярность среди протестных масс, является важнейшим делом оппозиции. Коалиция, на самом деле, приближает революцию, так как формирует протестное большинство и, что самое главное, гарантирует, что революция не закончится новой диктатурой. Ради создания коалиции возможны и необходимы компромиссы. У любой успешной революции, помимо радикального ядра, обязательно должна быть очень широкая и менее радикальная периферия. Она и обеспечивает связь революции с народом. Иначе успеха добиться невозможно.

Глава 3. Как вырастить протест: подполье или эмиграция?

Протест — явление тонкое и сложное.

С одной стороны, его нельзя ни создать, ни искусственно подтолкнуть. Он возникает сам по себе и движется по своей собственной траектории. Лидерам протеста нужно следить за этой траекторией и стараться не просто перемещаться по ней, а предугадывать каждый следующий шаг протеста, чтобы всегда оказываться в нужное время в нужном месте.

С другой стороны, чтобы быть в состоянии предугадывать и оказываться в нужном месте, необходимо все время находиться в состоянии готовности, поддерживать связь с массой, подпитываться ее энергией и одновременно подпитывать ее идеологией. Причем в этом состоянии бездеятельной готовности, возможно, придется находиться долго — годы и даже десятилетия. Это непросто и психологически, и чисто технически.

Естественным образом возникает вопрос: где должны находиться лидеры, пока протест не наберет силу и не выйдет на свою политическую орбиту? Ответить на него

очень непросто даже сегодня, а завтра будет еще сложнее. Мы стали свидетелями того, как режим буквально за считанные годы сначала совершил переход из стыдливо авторитарного в откровенно фашистский формат, а затем, не затормозив на этом полустанке, провалился в откровенный нацизм. При этом употребление таких терминов мною является весьма условным, потому что речь идет о явлениях сугубо русских, выросших на почве отечественной истории, поэтому лишь внешне сопоставимых с тем, что нам известно о фашизме и нацизме на примере Европы. Это имеет множество последствий, но одно из важнейших в практическом плане состоит в том, что в новой ситуации поле для легальной политической работы будет как минимум резко сужено, а как максимум — исчезнет совсем.

Это очень важно осознать прямо сейчас и соответствующим образом перестроиться. Многие привычные сегодня формы легальной и полуполигальной институционализации протеста просто исчезнут. Допускаю, что в ближайшее время исчезнут все более-менее комфортные медийные площадки для относительно свободной критики власти. Интернет станет для российских спецслужб таким же полем борьбы, каким был коротковолновый диапазон радиочастот в годы холодной войны. Режим будет глушить «голоса», а население (точнее, его резко уменьшившаяся активная часть) — изобретать все новые способы, чтобы дотянуться до правды. Оппозицию может ждать судьба диссидентского движения, выведенного репрессиями на самую периферию общественной жизни.

В среде оппозиции нет единой точки зрения, где и какими средствами надо продолжать борьбу в таких условиях (а многие стараются и не заглядывать в это пугающее будущее). Обычный дискурс вращается вокруг двух вариантов — эмиграция или подполье. Кто-то считает, что противостоять режиму возможно будет, только уехав за пределы страны. Другие, наоборот, полагают, что связь с протестным движением можно поддерживать, только оставаясь в России.

Как это часто бывает, и те и другие по-своему правы: бороться с неототалитарной диктатурой будет необходимо, используя все доступные средства, в том числе подполье и эмиграцию. Поэтому, вместо того чтобы спорить, где место для настоящего оппозиционера, стоит уже сегодня подумать, как соединить усилия тех, кто работает для будущего России «изнутри» и «снаружи». Лучшее место для оппозиционера — то, где он в данный момент может быть наиболее полезен для дела.

Начать нужно с осознания современных реалий. В эпоху глобального электронного контроля возможности для нелегальной работы из подполья окажутся предельно сужены не только по сравнению с царской Россией, но и даже по сравнению с Советским Союзом (хотя, казалось бы, уже некуда). Для того чтобы в наше время остаться невидимым для спецслужб, оппозиционерам придется приобрести навыки квалифицированных агентов спецслужб, что в реальной жизни сделать очень трудно. Подполье — это по определению путь для очень немногих, исключительных личностей, от природы склонных к такого рода деятельности и по характеру «отмороженных», то есть изначально готовых провести большую часть жизни в тюрьме или вообще лишиться жизни ради идеи. Пропагандировать «широкое подполье» — значит пропагандировать утопию.

Что остается? Прежде всего игра с властью в «кошки-мышки» в легальной сфере. Даже в самой жесткой тоталитарной системе режим вынужден оставлять некоторые лакуны для псевдообщественной легальной активности, которую он, конечно, старается полностью контролировать изнутри, но которая внешне выглядит как деятельность работающих «общественных институтов». В советские времена каноническим примером таких псевдообщественных образований были творческие союзы (писателей, художников, кинематографистов, журналистов и так далее). Позднее, в годы перестройки, некоторые из них сыграли выдающуюся роль в ускорении преобразовательных процессов. В большой «шахматной игре», в которую оппозиции придется

начать играть с режимом, окончательно покончившим с горбачевско-ельцинским наследием, каждый такой союз, каждая такая «ячейка», создаваемая и сохраняемая властью в своих целях, должна рассматриваться как клетка, которую необходимо занять. Если ее не занимает оппозиция, она остается за властью.

Режим тоже постоянно оценивает расстановку сил. Он может запретить все, но чем больше он запрещает, тем труднее становится управлять ситуацией. Ему надо найти золотую середину. Поэтому он оставляет какие-то позиции открытыми, если считает, что плюсы перевешивают минусы. Вот там, где он увидит плюсов больше, чем минусов, и придется работать, перебегая с места на место. Потому что какие-то окна все время будут закрываться, но какие-то будут и открываться.

Работа в условиях ограниченной легальности будет накладывать определенные рамки. Очевидно, что надо будет заново учиться эзопову языку и тщательно подбирать слова. Режим будет уничтожать тех, кто пытается претендовать на власть, но у «непретендующих» будут оставаться определенные возможности. Поэтому придется регулировать и свои амбиции.

Одной из важнейших задач оппозиции станет перевербовка тех, кто завербован властью. Это уже сегодня следует иметь в виду тем, кто занимает крайне нетерпимые позиции по отношению к «лоялистам». Сегодня радикальная оппозиция имеет возможность говорить собственным голосом только из-за границы. При этом все, кто не разделяет радикальную точку зрения, кто подстраивается, подлаживается под режим, кто частично принимает режим, и тем более те, кто является частью режима, но не самой худшей, — все эти люди подвергаются сегодня жесткой критике как коллаборационисты. Но эта возможность говорить своим голосом может очень скоро исчезнуть вовсе, и тогда слышны будут только голоса тех, кто остался в серой зоне. Если оппозиция хочет быть услышана, она должна научиться общаться из этой серой зоной.

С точки зрения влияния на общественное мнение никакая подпольная работа не заменит возможности легальной. Об этом говорит весь имеющийся опыт длительной борьбы с тоталитарными режимами. Поэтому союзнические отношения с колеблющимися — одно из важнейших условий успеха, так как именно они открывают путь к легальной работе даже в самых неблагоприятных условиях. В чем могут заключаться союзнические отношения? Во-первых, в привлечении на свою сторону тех, кому режим пока позволяет писать и говорить. Во-вторых, в налаживании работы внутри тех организаций, которые режим создает в качестве симулякров гражданского общества, и в формировании внутри них фракций из сочувствующих. В-третьих, в разворачивании самостоятельной работы в тех пограничных областях, которые режиму трудно уничтожить сразу: правозащита, социальная помощь, благотворительность, образовательная деятельность, экономические инициативы и так далее.

Что же останется подполью? Безусловно, это подготовка публичных акций протеста — не для того, чтобы «захватить власть», а скорее для демонстрации флага, символов, которые должны поддерживать движение в тонусе. Разумеется, это и поддержание в состоянии готовности коммуникации и организационных связей, которые позволят в случае изменения политической ситуации как можно быстрее выйти из подполья и развернуться в нормальную политическую организацию. Наконец, это помощь арестованным и их семьям. При этом надо отдавать себе отчет в том, что финансирование нелегальной работы в современных условиях из каких-либо внешних источников будет практически невозможным, чреватым мгновенным раскрытием и санкциями, поэтому всем местным активистам и сохранившимся организациям придется переходить в основном на самофинансирование, что уже само по себе снизит число таких структур.

Тем не менее, если наметившиеся тенденции в развитии российской государственности сохранятся, оппозиция рано или поздно столкнется с тем, что центр тяжести политической работы придется перенести за границу. К этому надо отнестись спокойно и психологически начать готовиться. По крайней мере, координационный центр оппозиции, как показывает опыт последних лет, в том числе белорусский, может располагаться только вне страны. Любая попытка создать его внутри будет строго пресекаться режимом. Только за границей можно будет развернуть в полном объеме работу независимых оппозиционных медиа, хотя распространение их контента в России будет отдельным квестом (но чтобы распространять что-то хорошее, надо все равно сначала это хорошее создать). Там же придется сосредоточить образовательные проекты для подготовки кадров будущей России. Там же можно будет организовать сбор финансовых средств и воздействие на общественное мнение Запада.

Конечно, эмиграция — это всегда компромисс. Но проблема в том, что компромисс, на который вскоре придется идти тем, кто попытается выжить, не уезжая, будет еще более существенным. Думаю, нам, скорее всего, придется изменить привычное отношение к политической эмиграции как к вынужденному бегству и перестать делить оппозиционеров на «местных» и «неместных». Эмиграция становится просто вторым фронтом (а если ситуация совсем ухудшится, то и первым) в борьбе с режимом. Нужно будет наладить четкое взаимодействие между теми, кто борется изнутри, и теми, кто борется снаружи. Только во взаимодействии этих двух фронтов оппозиция сможет сохраниться и действовать.

Те, кто будет работать в эмиграции, столкнутся с дополнительными сложностями. Нет сомнений в том, что режим будет представлять всех политических эмигрантов шпионами и диверсантами, живущими на деньги иностранных спецслужб. Но это полбеда: загвоздка в том, что в действительности отношения политэмигрантов с правительствами и спецслужбами тех стран, где они попытаются создать

свои центры, будут совсем не радужными. Исторический опыт показывает, что европейские правительства бывают не очень рады тому, что на их территории действуют борцы с российским режимом, ведь для них это лишняя нагрузка и осложнения в отношениях с Кремлем.

По всей видимости, в будущем произойдет определенное разделение труда. С какого-то момента свободная дискуссия о модели новой России окажется возможной только на свободной от диктатуры территории. А вот дистрибуция свободных идей извне будет затруднена — этим придется заниматься тем, кто нашел в себе мужество бороться изнутри. Надо быть готовыми к тому, что довольно значительное время протесту придется находиться в инкубаторе, прежде чем он вырвется на политический простор. Поэтому надо заранее позаботиться о том, чтобы работа этого инкубатора была хорошо отлажена. Чем больше удастся сделать сейчас, тем меньше придется делать потом.

Глава 4. Точка невозврата: улица или командные высоты

С какого момента революция становится необратимой? Многие полагают, что для этого ей надо «овладеть улицей». Так ли это?

Улица была и остается главной мантрой русской либерально настроенной интеллигенции. Свою миссию она видит, как правило, в том, чтобы вывести массы на улицу. Но получается у нее это обычно не очень хорошо. Чаще всего массы реагируют не столько на призывы интеллигенции, сколько на тайные намеки власти, как это было при Горбачеве, когда раскол в ЦК обеспечил успех самого массового митинга в истории России. Иногда массы выходят на улицу сами по себе, как в начале прошлого столетия, когда интеллигенция бежала вслед за массами, едва поспевая. Но гораздо более серьезная проблема состоит в том, что интеллигентные лидеры революции не очень понимают, что с этими вышедшими на улицу массами делать, а неинтеллигентные — понимают, но предпочитают вслух не говорить. Так что со времен Ленина в России откровенно и по делу на эту тему никто не высказывался. Впрочем, обвинять тут никого нельзя. Сначала на

то были веские причины, а потом повода говорить об этом просто не было.

Для чего же политические лидеры зовут народ на улицу? Есть две принципиально разных ситуации, рассмотренных нами выше, — мирный и немирный протест. Ситуацию с мирным протестом можно в этом контексте не рассматривать. Если остается надежда на то, что диктатура отступит под психологическим прессингом (потому что «одряхла», или потому что имеется раскол элит, или потому что режим боится интервенции), людей выводят на улицу исключительно для демонстрации силы, а не для ее непосредственного применения. В этом случае под прикрытием толп на улице лидеры оппозиции ведут переговоры с представителями режима и обсуждают условия его капитуляции. А вот случай, когда никакой капитуляции не предвидится, когда режим готов отстреливаться, требует отдельного рассмотрения.

В ситуации, когда дело доходит до возможности реализации самого жесткого сценария смены власти, призыв выйти на улицу — это призыв к началу атаки, то есть откровенный призыв к восстанию. Это весьма ответственный поступок. В таком случае лидеры должны быть готовы эту атаку возглавить и вести ее по всем правилам революционной и военной науки. В противном случае они не имеют права звать людей на улицу, потому что тогда этот призыв сильно смахивает на провокацию и бессмысленное бросание людей под дубинки, а то и под пули. Но, чтобы руководить восстанием, вести уличные бои в прямом смысле этого слова, одного желания мало. Как писал автор единственного успешного революционного восстания в России, восстание — это искусство, которому нужно учиться. Разумеется, к восстанию нужно готовиться заранее. Это не тот случай, когда дело решает экспромт.

Цель, ради которой людей выводят на улицу в революционной ситуации, — захват командных высот. То есть улица важна не сама по себе (как в утопиях «диванных вождей»), а исключительно как маршрутизатор движения массы, как способ вывести в нужное время и собрать в нужной точке

или точках критическую массу невооруженных или плохо вооруженных людей. Массу, достаточную для того, чтобы парализовать волю к сопротивлению локальных командиров режима, принимающих решения в таких точках, которые, соответственно, должны быть обозначены.

Более ста лет назад один революционер под псевдонимом Посторонний срочно диктовал советы питерским товарищам по организации революционного восстания. Какие-то из них устарели, но некоторые и сто лет спустя остаются актуальными:

«Вооруженное восстание есть *особый* вид политической борьбы, подчиненный особым законам, в которые надо внимательно вдуматься. Замечательно рельефно выразил эту истину Карл Маркс, писавший, что вооруженное “восстание, как и война, есть искусство”.

Из главных правил этого искусства Маркс выставил:

1. Никогда *не играть* с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо *идти до конца*.

2. Необходимо собрать *большой перевес сил* в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3. Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью* и непременно, безусловно переходить в наступление. “Оборона есть смерть вооруженного восстания”.

4. Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5. Надо добиваться *ежедневно* хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая, во что бы то ни стало, “*моральный перевес*”.

Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами “величайшего в истории мастера революционной тактики Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость”.

В применении к России и к октябрю 1917 года это значит...

Комбинировать наши *три* главные силы — флот, рабочих и войсковые части — так, чтобы непременно были заняты и ценой *каких угодно потерь* были удержаны: а) телефон; б) телеграф; в) железнодорожные станции; г) мосты в первую голову.

Выделить *самые решительные* элементы (наших “ударников” и *рабочую молодежь*, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и *для участия* их везде, во всех важных операциях, например... Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения “центров” врага (юнкерские школы, телеграф и телефон и прочее) с лозунгом: *погибнуть всем, но не пропустить неприятеля*...

Вчитываясь в эти строки сто лет спустя и уже зная итог, начинаешь понимать всю важность осознания простых истин. Простота, к сожалению, не означает легкости усвоения. Попробуем посмотреть на эти советы с позиций сегодняшнего дня. Аксиомы Маркса можно оставить в стороне: это философские истины, трудно применимые в каждой конкретной ситуации. А вот к советам относительно мостов, почт, телеграфа и так далее стоит присмотреться. Времена сильно изменились, телеграф канул в Лету, почта стала электронной, мосты утратили свое значение, но дело не в них самих.

Первое, что было и остается актуальным, — необходимость удержать единое пространство политического действия, не дать разбить восстание на сектора, каждый из которых потом можно подавить по отдельности. Ленину для этого нужны были мосты, но в целом речь идет об основных транспортных узлах, которые нужно вычлениить и суметь сразу же поставить под контроль.

Второй, еще более важный момент — обеспечение бесперебойной коммуникации между восставшими. Для этого в современных условиях нужен контроль за провайдерами интернета и мобильной связи, а также за системами передачи

сигнала (пункты управления, антенны и прочее). Лишенная координации революционная масса быстро превратится в неуправляемую толпу и будет раздавлена.

Третье: никто не отменял важности контроля и более традиционных средств массовой коммуникации — телевидения, радио, газет, типографий. Если они не могут быть поставлены под контроль, то, по крайней мере, должны быть нейтрализованы.

Четвертое: очень важно не дать режиму наращивать репрессии и выдергивать из толпы лидеров. Для этого необходимо в первую очередь блокировать тюрьмы и полицейские участки, добиваться физического освобождения ранее арестованных товарищей.

Пятое: сохраняется актуальность формирования передовых отрядов из подготовленной и по возможности вооруженной молодежи, которая сможет хотя бы отчасти нейтрализовать действия силовиков и прикрыть основную массу. Соответственно, подготовка и вооружение этих отрядов за счет трофеев или за счет кустарного производства (коктейли Молотова и так далее) является важной задачей.

Революция — дело серьезное, и играть в нее нельзя. Не уверен — не обгоняй историю. Не готов идти до конца — не выходи из комнаты, не начинай движения, оставайся на месте. Не зови людей на улицу, если не знаешь, по какой улице и куда им надо пойти, и не готов идти впереди. Но если позвал — не останавливайся, в том числе перед жертвами, иначе этих жертв будет еще больше, а самое главное — все они будут напрасными. Если чувствуешь себя на это способным, то готовься. Революция — это профессия. Как и любая профессия, она не любит дилетантов. Готовиться — значит в том числе додумывать вещи до конца, не пугаясь выводов, которые могут оказаться жестче, чем всем нам бы хотелось.

Глава 5. Как организовать новую власть: конституционная или декретная демократия?

Честный и принципиальный человек, критически настроенный по отношению к существующему в России режиму, вправе спросить: в чем же состоит проблема при переходе от плохого авторитарного государства к хорошему демократическому?

И действительно, на первый взгляд все выглядит предельно просто. После того как силы демократии тем или иным способом победят, они должны первым делом созвать Учредительное (конституционное) собрание. Потом нужно принять новую редакцию Конституции или как минимум очистить старую от всех неконституционных поправок. А после этого надо провести свободные выборы в новые органы демократической власти. В общих чертах все так и есть. Но реальность немного сложнее. Стоит подробнее присмотреться к этому плану, как возникает много практических вопросов, которые было бы лучше обсудить заранее.

Здравый смысл подсказывает, что даже при самых благоприятных условиях все три основополагающих, конституирующих новую власть мероприятия (созыв

Учредительного собрания, приведение Конституции в соответствие с демократическими принципами и проведение свободных выборов в новые органы власти) невозможно осуществить ни за день, ни даже за месяц. На все потребуется как минимум год, а то и больше. И это при идеальных условиях, а они таковыми явно не будут.

На этих условиях нужно остановиться подробнее, потому что они имеют существенное значение. Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что, когда Путин уйдет, привычка жить по-путински у очень многих останется. А это значит, что реальные изменения в жизни России будут происходить значительно медленнее, чем нам бы хотелось.

Мы часто недооцениваем силу социальной инерции. Людям свойственно цепляться за то, к чему они привыкли за долгие годы. В результате обветшалые институты, которые, казалось бы, должны сами развалиться под грузом коррупции и неэффективности, продолжают работать. Система демонстрирует чудеса живучести. Зато, когда инерция исчерпывает себя (а вечной она быть не может), происходит резкий и трудноуправляемый системный обвал. Чем сильнее инерция и чем дольше она длится, тем рискованнее могут быть испытания переходного периода.

Что ожидает любое временное правительство, которому придется одновременно вытаскивать Россию из прошлого и готовить ее к будущему? Во-первых, резкий скачок бедности при усугубившемся бюджетном дефиците и ограниченных возможностях финансового маневра. Во-вторых, усиление дезинтеграционных процессов и рост сепаратистских настроений. В-третьих, саботаж и сопротивление старых элит, в особенности силовых. В-четвертых, бегство капиталов, прямо или косвенно связанных со старым режимом. В-пятых, обострение криминальной обстановки, в том числе из-за начавшегося передела собственности. В-шестых, ухудшение международной обстановки, так как внутреннее ослабление неизбежно провоцирует усиление давления извне.

При неудачном стечении обстоятельств все эти факторы могут сложиться в «идеальный шторм». Временное правительство, какими бы благими намерениями оно ни руководствовалось, довольно быстро окажется в положении правительства чрезвычайных мер. Две повестки будут накладываться друг на друга и мешать друг другу: преобразовательная повестка, нацеленная на формирование в России условий для стабильного конституционного правления, и чрезвычайная повестка, цели которой состоят в удержании завоеванного политического плацдарма, подавлении сопротивления сил старого общества и стабилизации общей социально-экономической и политической ситуации в стране.

Политика — непрерывный процесс. Если в этом процессе происходит разрыв, пусть даже всего в несколько дней, не говоря уже о неделях и месяцах, то в образовавшуюся щель неминуемо хлынет хаос. Мы же говорим о периоде длительностью от одного до двух лет. Смута и безначалие могут обернуться для России еще худшим режимом, чем путинский. Если не подумать об этом заранее, то кто-то может просто захватить валяющуюся под ногами власть. Захочет ли он потом ею с кем-то делиться — большой вопрос.

С практической точки зрения успех преобразований будет во многом зависеть не столько от того, как работает Учредительное собрание, сколько от того, насколько эффективным окажется то правительство, которое появится в первый день революции и будет руководить страной до тех пор, пока ему на смену не придет новое, сформированное по итогам свободных выборов. Это временное правительство должно закрыть собою дыру между началом демократических преобразований и их первым институциональным воплощением. Обсуждение целей и задач временного правительства имеет сейчас большее значение, чем дискуссия о будущих конституционных новациях. О них еще будет время поспорить в Учредительном собрании, а вот у временного правительства времени на раскачку не будет.

Выражение «после Путина» имеет довольно абстрактный характер. «После Путина» может случиться как при жизни Путина, так и через много лет после его смерти. Нельзя исключить, что после Путина к власти в России придет такой же Путин или даже худшая его версия. И так может повториться несколько раз. Режим большевиков, которому чуть ли не каждый год предвещали крах его оппоненты, просуществовал почти семьдесят лет. Другое дело, что это не может продолжаться бесконечно. В какой-то момент будет принято решение пустить гражданское общество в политику. Это и станет точкой отсчета переходного времени.

В некотором смысле совершенно не важно, кто и как сделает первые шаги. Это может быть один из череды преемников, который, как Горбачев, продекларирует, что так дальше жить нельзя, и начнет потихоньку отпускать гайки. Это может быть и прорвавшийся на вершину власти «предатель своего класса» вроде Ельцина, который устроит «революцию сверху». В конце концов, не исключено, что это будет коалиция демократических сил, которые совершат «революцию снизу», хотя в такой полицейской стране, как Россия, это пока и кажется маловероятным.

Таковы три разных сценария для России, три разных ее судьбы, но первый акт драмы будет выглядеть одинаково. Буквально из ничего возникает правительство, которое начинает демонтаж старой системы, выстроенной строго сверху вниз, и вовлекать «низы» (гражданское общество) в политический процесс. У этого правительства уже нет старой «легитимности покоя», но и нет еще новой «легитимности движения». Срок его жизни ограничен, но при этом ему надо проделать тяжелейшую и самую важную работу — сделать процесс преобразований необратимым и удержать страну от разрушения. Его миссия будет завершена, когда сформируется правительство нового конституционного большинства.

Исторический опыт, как российский, так и других стран, показывает, что два года — тот предельный период, в течение

которого действует кредит доверия, выдаваемый населением демократическим силам, которые начинают преобразования в стране. Дальше возникает понятная развилка. Надо либо уходить, передавая власть вновь избранному правительству (которое редко оказывается дружественным к своим предшественникам), либо удерживать власть при помощи «революционного насилия», преодолевая сопротивление со стороны все более негативно настроенной к преобразователям массы.

Второй вариант — наиболее распространенный путь, но следование по нему, как правило, заставляет распрощаться с планами демократизации до следующего исторического случая. Собственно, это и случилось в России ровно через два года после общедемократической революции в 1993 году. Россия получила Конституцию вместе с танком, расстрелявшим первый в новой России парламент. Поэтому, как бы ни было трудно, надо уложиться максимум в два года с момента, когда будут сделаны первые шаги.

Итак, исторической миссией временного демократического правительства, которое придет к власти после конца путинского режима, будет перезапуск демократических процессов в России и подготовка условий для формирования постоянного, то есть законно избранного конституционного правительства. Проблема, однако, в том, что реализовывать эту миссию ему придется в самых экстремальных условиях. Одним из главных вызовов переходного периода после любого длительного авторитарного правления является практически неизбежный нырок вниз как в экономике, так и в политике. Поэтому другая, не менее важная миссия временного правительства состоит в том, чтобы не позволить обществу погрузиться в хаос.

С большой долей вероятности можно утверждать, что никакое временное правительство не сможет обеспечить высокие стандарты демократии. Более того, в начальном периоде, возможно, потребуются демонтировать старые декоративные институты, такие как Дума или Совет Федерации. Очень

непрост будет вопрос с судами, где возникнет противоречие между несменяемостью и независимостью, с одной стороны, необходимостью провести радикальную чистку коррумпированных кадров прошлого режима — с другой, правами преступников, подозреваемых и потерпевших — с третьей. В то же время правительству нужно будет поддерживать вектор развития в сторону демократизации, не допустить, чтобы временные ограничения стали постоянными, обеспечить созыв и реальную работу Учредительного собрания, принятие новой Конституции и проведение свободных выборов.

Каким образом должно быть организовано правительство, которому предстоит двигаться по этим расходящимся в разные стороны траекториям? В идеале это должно быть правительство национального единства, представляющее разные политические силы и опирающееся на консенсус гражданского общества. Что-то вроде «координационного совета оппозиции», облеченного властью. Но в жизни такой идеал практически недостижим. Во-первых, на момент начала движения в стране не будет никаких четко оформившихся политических сил, реально представляющих гражданское общество, на которые можно было бы опереться. Вместо них мы увидим множество политических групп с неясными целями и неочевидной легитимностью. Во-вторых, даже если бы кто-то захотел сделать этот политический калейдоскоп базой для формирования временного правительства, у него бы ничего не вышло (как это и случилось с «координационным советом» образца 2012 года). В-третьих, тот, в чьих руках власть окажется поначалу, должен иметь очень сильную мотивацию для того, чтобы пригласить других поделить с ним власть. В России такое великодушие до сих пор никто не проявлял — было бы странно ожидать его и в будущем.

Таким образом, как бы ни было желательно образование коалиционного революционного временного правительства, которое с самого начала представляет значительный спектр гражданского общества, на практике оно маловероятно. Скорее всего, власть окажется в руках одной политической

силы — либо реформаторов сверху, либо революционеров снизу. И ни времени, ни желания эту власть распылять у такой силы не будет.

Это, в свою очередь, резко повышает риск того, что неизбежная временная диктатура революции превратится в долгосрочный проект. Что же можно предпринять для того, чтобы процесс демократизации и перехода на конституционные рельсы не застопорился?

Здравый смысл подсказывает, что для этого нужен какой-то баланс сил, позволяющий уравновесить работу временного правительства. Но где можно найти такой противовес? Практически все декоративные представительные институты старой власти дискредитировали и исчерпали себя. К тому же на момент начала революционных преобразований они будут в массе своей настроены контрреволюционно и никакой помощи оказать не смогут. Скорее всего, деятельность Государственной думы и Совета Федерации в том виде, в котором они существуют, вообще придется приостановить. А быстро провести выборы в новые представительные органы невозможно. На это нужны как минимум месяцы, в то время как на счету будет каждый день.

Возможное решение, как ни странно, подсказывает нам сам нынешний режим. В стремлении изобрести гарантии вечного пребывания у власти для своего вождя он в числе прочего изобрел и даже легализовал через Конституцию квазипредставительный орган власти — Государственный совет. Орган этот задумывался как механизм тотального сдерживания любых перемен. Но если привести в него других людей, подбираемых по другому принципу, контрреволюционный механизм превратится в революционный.

Госсовет, который можно практически мгновенно переформатировать, наполнив его представителями гражданского общества и регионов по указу того же временного правительства, может стать на переходный период сдерживающим политическим центром силы. Он может временно выполнять функции чрезвычайного законодательного

органа и органа контроля за деятельностью временного правительства. При этом он позволит сохранить определенную конституционную преемственность между старой и новой властью. Госсовет может издавать временные декреты, которые сформируют нормативно-правовую базу для работы правительства в переходный период.

Принципы формирования Госсовета — тема для длительной и отдельной дискуссии, которую можно будет эффективно вести только тогда, когда будут понятны общие очертания транзита. Но одно не вызывает сомнения: если переход будет осуществляться в жестком режиме, то единственной легитимной основой для формирования Госсовета будет региональное представительство, так как легитимность всех других институтов власти будет поставлена под вопрос. Таким образом, Госсовет будет формироваться из числа региональных уполномоченных, скорее всего, избираемых или назначаемых местными законодательными собраниями. Также очевидно, что для нормальной оперативной работы этот Госсовет должен будет сформировать компактный руководящий орган, действующий на постоянной основе.

В такой конфигурации «временное правительство — Госсовет» система власти должна проработать в течение срока, необходимого для того, чтобы созвать Учредительное собрание, обеспечить его работу, принять новую Конституцию и избирательные законы, а также провести свободные выборы в новые, уже конституционные органы власти. На все это должно уйти не больше двух лет. В противном случае российская история зайдет на очередной тоталитарный круг.

Глава 6. Как закончить войну: драка до победного конца, капитуляция или поиск компромисса?

Эта глава была написана почти за год до того, как разразилась крупнейшая за сто лет геополитическая катастрофа России — война против Украины. Как это ни парадоксально, она почти не нуждается в правках.

Временному правительству, которому придется заниматься демонтажом режима, нужно будет решить множество проблем. Но уже сейчас понятно, что главная из них будет состоять в том, чтобы закончить ту войну с Украиной, а фактически — с Западом, в которую режим Путина втянул Россию.

Война с Украиной — всего лишь верхушка айсберга, основой которого является глобальное противостояние с Западом повсюду, куда хватает сил дотянуться. Милитаризм — суть путинского режима. У него нет другого способа внутренне себя стабилизировать, кроме как вести постоянные войны с выдуманными внешними и внутренними врагами. Война — это расплата за коррупцию. Банда коррумпированных авантюристов, захвативших и узурпировавших власть в России

в начале века, не может ее удержать без войны и ведет последнюю в своих узко клановых интересах.

Россия находилась в состоянии холодной войны с Западом начиная с мюнхенской речи Путина. В феврале 2022 года эта война перестала быть холодной. Пока она ведется на территории Украины. Но не надо себя обманывать: Украина лишь первая из намеченных целей. Эта война, необходимая Кремлю, чтобы стабилизировать и удерживать на плаву фашистский режим, является империалистической, преступной и, разумеется, несправедливой. Но, помимо всего того горя и страданий, которые она несет украинскому народу, помимо того горя, которое она несет в семье убитых и раненых в ненужной и преступной войне российских солдат, эта война выжимает из страны ресурсы, необходимые для ее развития, она уничтожает будущее самой России. Война является главным препятствием для формирования альтернативной стратегии развития. Не прекратив эту бессмысленную и изматывающую войну, невозможно переключиться на конструктивную, созидательную и социально ориентированную повестку. Проблема здесь в том, что закончить войну гораздо труднее, чем начать. Поэтому для любого временного правительства в переходный период это будет очень серьезным вызовом. В том числе и потому, что неумное и сумбурное прекращение войны не менее политически опасно, чем ее продолжение.

В теории есть всего три способа закончить войну: победить, капитулировать и найти компромиссное решение. Стремиться к победе в нынешней войне Украиной — преступно и аморально. Но, кроме того, если мы понимаем реальную природу этой войны и ее конечную цель — победить Запад, то это еще и утопично. Если это не удалось режиму на пике своего могущества, то тем более это будет не под силу сделать временному правительству в условиях естественного для переходного периода экономического спада и политической нестабильности. Поэтому в качестве реальных опций остается рассматривать только две стратегии — безоговорочную капитуляцию или поиск более или

менее приемлемых условий мира. Проблема только в том, что после всего содеянного путинским режимом оговаривать какие-либо условия будет очень сложно.

Развязав войну, Путин снял вопрос о русском мире с практической повестки дня. Сам русский мир теперь ассоциируется только с агрессией. При этом Москва более не может играть роль его центра. Надо ясно и четко осознавать последствия случившегося, не пряча голову в песок как страус. Путин превратил русскую культуру, русскую цивилизацию из мировой в региональную. Такой фазовый переход, скорее всего, является окончательным и пересмотру истории не подлежит. Частным вопросом на общем фоне является превращение русского православия в сугубо региональную, местную религию без претензий на всемирное нравоучительство и роль Третьего Рима. И это тот мир, в котором мы будем жить вне зависимости от существования Путина. Даже если Путин уйдет, ничего из этого уже не вернется.

Но есть даже более серьезные последствия. Став свидетелями путинской агрессии, очень многие страны, и среди них практически все соседи России, будут видеть гарантии своей безопасности в расчленении России. Угроза распада России — главное последствие путинской войны, с которым столкнется временное правительство. И времени у этого правительства будет очень мало. Единственный путь сохранить Россию как единое суверенное государство — действовать на опережение по всем направлениям. В первую очередь в заключении мира со всеми вовлеченными в конфликт сторонами и в проведении федерализации. Федерализация — тема отдельного разговора, а вот о мире нужно сказать здесь.

Не вдаваясь в детали, скажу лишь, что после всего случившегося ответ на вопрос «Чей Крым?» имеет однозначный ответ — украинский. Хотя бы в качестве компенсации за моральный и материальный ущерб, причиненный войной Украине. Это же касается других оккупированных российской армией территорий Украины, включая Донбасс. Другое дело, что передача территорий под контроль Украины должна

быть проведена таким образом, чтобы не допустить попыток отомстить проживающему там населению за коллаборационизм во время российской оккупации. Это будет являться как этической, так и политической проблемой для временного правительства.

Дело в том, что историческое действие, направленное на восстановление поправленной справедливости, как правило, приводит к рождению новой несправедливости взамен старой. То есть в нашем случае передача Крыма и других оккупированных территорий обратно под юрисдикцию Украины не равноценна возвращению к тому состоянию, которое существовало до момента аннексии. Хотя бы потому, что той исторической, социальной и политической реальности больше нет и никогда уже не будет. Есть другая реальность — Крым и Донбасс после аннексии, с которой невозможно не считаться.

Что это за реальность? Значительная часть населения Крыма и Донбасса реально поддержала и продолжает поддерживать российскую аннексию. Причины тому разные, многие из них изначально были надуманными, но в том числе это связано с языковым вопросом. Можно спорить, насколько проблема была существенной до аннексии. На мой взгляд, существенной она не была. Но сейчас она может стать таковой, потому что агрессия изменила обе стороны и сегодняшняя Украина живет по закону, который не предусматривает для каких-либо регионов возможности пользоваться вторым государственным языком. Что произойдет, если безо всяких условий и оговорок сегодня передать Крым и другие оккупированные территории Украине? Скорее всего, случится довольно серьезная гуманитарная катастрофа. Либо та самая лояльная России часть населения территорий окажет вооруженное сопротивление, либо она начнет покидать их и превратится в еще один поток русскоязычных беженцев. И это только один из аспектов проблемы.

Кто-то скажет: но ведь все можно обсудить. Это так. Но, во-первых, на обсуждение потребуется время, которого будет в обрез. А во-вторых, обсуждать не значит прийти

к согласию. Сейчас мы не можем знать, какую позицию займет другая сторона. После всего, что было при Путине между Россией и Украиной и, шире, между Россией и Западом, желания искать компромисс у другой стороны будет немного. Скорее всего, Россия столкнется с серьезным тотальным давлением. По крайней мере, опыт 1990-х говорит именно об этом. Никакого «плана Маршалла» России тогда никто не предлагал и вряд ли будет предлагать сейчас. Все это приведет к тому, что восстановление справедливости, кажущееся совершенно логичным шагом, для одних будет благом, а для других — потрясением и несправедливостью.

Здесь можно перейти ко второму аспекту проблемы реституции — политическому. Станет ли она популярной в самом российском обществе, даже в той части, которая будет готова поддерживать временное правительство в его стремлении демонтировать режим Путина? Вряд ли. Особенно если гуманитарные последствия быстрой и безусловной реституции начнут сразу проявлять себя. С большой долей вероятности она приведет к резкому росту недовольства, чем незамедлительно воспользуются силы реакции. В итоге временное правительство не продержится у власти и нескольких месяцев. Политика — искусство возможного. Выйти из развязанной Путиным войны с Западом таким простым способом — признав, что мы были неправы и вернем все обратно, — скорее всего, не получится.

Многие сторонники простых решений ссылаются на Брестский мир, заключенный большевиками с Германией, полагая, что после начала демонтажа режима Россия должна заключить похожие соглашения со всеми, против кого Путин вел войну. Но Брестский мир — плохой пример. Большевики действовали в состоянии крайнего форс-мажора, когда при любом другом решении они просто потеряли бы власть. При этом они были готовы отказаться от всех соглашений при первой же возможности, что и произошло буквально через несколько месяцев, когда в Германии произошла революция. Воспользовавшись неразберихой, московское правительство

вернуло все отданное, в том числе растоптало независимость Украины, возникшую было на полях брестских договоренностей. Если бы не революция в Германии, авантюра большевиков могла бы иметь совсем иные последствия.

По всей видимости, единственным эффективным сценарием будет движение не назад, а вперед. Безусловно, потребуется мужество, чтобы признать ошибки и назвать вещи своими именами, в том числе преступления — преступлениями. Лица, виновные в преступлениях, должны понести за них ответственность по полной программе. Но выход из положения надо будет искать на путях признания новой реальности, сложившейся на сегодняшний день. Это непростая задача: для каждого конкретного случая придется искать баланс между восстановлением старой справедливости и созданием новой несправедливости, между признанием политически необходимого и отказом от политически невозможного.

Если вернуться к самой наболевшей проблеме, Крыму и другим оккупированным территориям, то здесь есть, на мой взгляд, два ключевых момента. Первый: игнорировать этот вопрос и сказать, что Путина мы убрали, но Крым будет нашим, нельзя. Без решения проблемы войну не прекратить. Второй момент: просто отдать Крым обратно под юрисдикцию Украины уже нельзя по указанным выше причинам, главной из которых является практическая невозможность избежать насилия на полуострове после акта реституции. Придется находить довольно сложные решения с поэтапным возвращением и привлечением третьих стран в качестве гарантов.

Отказ от путинского наследия, к сожалению, не означает, что его можно просто игнорировать. Война — это новая реальность, и выход из нее должен быть организованным и продуманным. Необходимо в этой работе соблюдать несколько важных принципов, а именно:

1. Помнить, что нельзя решать старые проблемы путем создания новых.

2. Отделять политически желательное от политически возможного.

3. Четко понимать, где заканчиваются интересы путинского режима и где начинаются национальные интересы России, и не решать проблему депутинизации в ущерб этим интересам.

4. К каждому случаю подходить отдельно, принимая во внимание всю его уникальную сложность и не стремясь к универсальным, стандартным решениям.

5. Быть готовым к тому, что апробированных историей способов решения многих проблем просто не существует и их придется выдумывать заново.

6. Быть готовым к тому, что для решения многих проблем понадобится время и политическая воля.

Глава 7. Как подавить внутреннюю контрреволюцию: люстрация или исправление?

Россия пережила тяжелое возвращение в советское прошлое, уже пройдя точку, из которой, как казалось, пути назад нет. Последовательная цепочка событий: продвижение Ельциным Путина в качестве своего преемника, постепенная узурпация власти Путиным, последовательные контрреформы, возвращение, по сути, к государственному контролю над экономикой, но в опосредованной, «мафиозной» (то есть еще худшей, чем в советские времена) форме — все это привело к тому, что через четверть века после горбачевской перестройки Россия не просто вернулась в начальную точку пути, но и по многим параметрам оказалась отброшена на несколько десятилетий назад.

Эта советская реставрация ставит в практическом плане вопрос о силе реакции, которая стремится погасить любую реформу или революцию и восстановить себя в правах. Нет необходимости доказывать, что и сам Путин, и его ближайшее окружение — представители второго и третьего эшелонов советской номенклатуры (первый эшелон, как правило, несет наибольшие потери и оказывается уже не в состоянии

восстановить себя на прежних позициях). Эти люди, отойдя на задний план, отсиделись там как в засаде, а когда представился удобный случай, снова вышли на первый план и постарались вернуть ценности и алгоритмы правления, которые были им хорошо знакомы со времен их молодости. Разумеется, с поправкой на современность — в первую очередь в том, что касается необходимости личного обогащения.

Понятно, что это не какое-то уникальное явление. Приход к власти временного правительства нигде и никогда не приводит к одномоментному исчезновению с лица земли сил, связанных со старым режимом. Кто-то будет отодвинут от власти, но многие останутся. И не просто останутся, а останутся со всеми своими деньгами, челядью, налаженными связями и прочим экономическим и социальным капиталом. Они — точнее, уже их второй и третий эшелон — тоже будут ждать подходящего случая, чтобы восстановить позиции. Поэтому любой новой власти приходится заботиться о том, чтобы не быть раздавленной властью старой. Но как это обеспечить? Как определить границы необходимой политической обороны? Как не перейти черту, когда защита от старого террора приводит к появлению на свет террора нового? Где проходит граница разумной достаточности в деле подавления внутренней контрреволюции?

Этими вопросами многие задаются сегодня не в абстрактном ключе, а применительно к недавнему историческому опыту. Пристально вглядываясь в 1990-е годы, люди хотят понять: что было упущено? Что было сделано не так и почему Советский Союз вернулся? Наиболее популярный ответ звучит так: потому что мы не объявили люстрацию. С учетом сегодняшней политической обстановки отказ от люстрации выглядят бесспорным упущением. Но я бы не стал торопиться с выводами.

В самом широком смысле слова люстрация — это поражение в правах представителей старых элит. Оно может быть более или менее широким по кругу включаемых в процесс субъектов и по набору тех прав, которых эти субъекты

лишаются. Если говорить о России, то, пожалуй, самую широкую люстрацию провели после революции большевики. Они применяли меры репрессивного воздействия к миллионам людей, входивших в так называемые привилегированные сословия старой России (дворяне, священнослужители, военнослужащие, кулаки и другие). Значительная часть их была в разных формах репрессирована и ликвидирована, а миллионы прочих были лишены права занимать определенные должности, доступа ко многим профессиям, их дети были лишены возможности обучаться и так далее.

Но это крайний пример. После бархатных революций в Европе возникла мода на бархатные люстрации. Они были менее масштабными и гораздо более щадящими по уровню давления, оказываемого на представителей старых элит. В число люстрируемых перестали включать целые социальные сословия. Речь теперь шла о лицах, непосредственно сотрудничавших с режимом либо занимавших в его иерархии особое положение. Это могли быть чиновники (в первую очередь, конечно, сотрудники правоохранительных органов и спецслужб), судьи, тайные агенты и другие аналогичные категории. Эти перечни могли быть разными в разных странах, но общий принцип один — переход от сословных репрессий к узкопрофессиональным и политическим.

Конечно, в современной России найдется немного желающих повторить «красный террор». Но в отношении мягких ограничений — таких как в Восточной Европе или некоторых странах на постсоветском пространстве — превалирует другое мнение. Значительная часть либерально настроенной интеллигенции сегодня приветствовала бы такую меру. Аргументы в основном обращены в прошлое: мы этого не сделали в 1990-е — и смотрите, что из этого вышло. Но прежде чем отвечать на вопрос, нужно ли это делать, хотелось бы ответить на вопрос, можно ли в России это сделать в принципе. Ответ на него не так прост, как может казаться.

Так называемая мягкая люстрация нацелена преимущественно на то, чтобы разорвать цепочку автоматического

воспроизводства номенклатуры — достаточно замкнутого сословия профессиональных госслужащих, которые поразительным образом умудряются восстанавливать свои позиции внутри любого аппарата власти после любой революции. Примеров много, и все они показывают, что никакая люстрация, по крайней мере в странах бывшего СССР, эту проблему решить не смогла.

Начать можно с тех же большевиков. Уже в начале 1920-х годов, буквально три года спустя после революции и начала «красного террора», Ленин жаловался в письмах своим соратникам, что большевикам не удалось решить проблему чистки старого царского госаппарата, что среди советских госслужащих их оказалось подавляющее большинство, что новый госаппарат оказался в еще большем объеме, чем старый, болен всеми бюрократическими болезнями. Справедливости ради надо отметить, что политическое сопротивление старых элит большевикам в конечном счете подавить удалось, но скорее с помощью террора, а не мер, которые в узком смысле слова могут быть отнесены к люстрации.

Новейший опыт Украины в вопросе о люстрации тоже сложно назвать вдохновляющим. Во-первых, оказалось, что попытки применить законодательство о люстрациях на практике сопряжены с огромными и часто непреодолимыми трудностями. Во-вторых, выяснилось, что после отстранения всех подлежащих люстрации чиновников заполнять ключевые позиции в аппарате новой власти оказалось зачастую просто некем. Именно это последнее обстоятельство является общим знаменателем для всех неудачных попыток применения люстрации на постсоветском пространстве — в сравнении с относительно положительным опытом ее применения в странах Восточной Европы.

Проблема России, как и многих других постсоветских государств, состоит в том, что политический класс, да и вообще культурный слой в них, весьма невелик. Поэтому «скамейка запасных» для заполнения позиций в будущем аппарате власти оказывается очень короткой. Неоткуда

брать огромное количество новых судей, прокуроров, полицейских, а тем более банкиров, финансовых инспекторов и так далее. И чем дальше, тем это оказывается труднее, потому что работа в госаппарате становится все более сложной, а возлагаемые на него функции — все более масштабными. Иными словами, люстрация хороша в теории, но редко приживается на практике. Даже для большевиков с их уверенностью, что управлять государством может любая кухарка, это оказалось неразрешимой проблемой. Кончилось тем, что кухарки становились начальниками, а вот работали под их началом в основном старые спецы. В реальной жизни люстрации придется искать альтернативу.

Выход есть. На самом деле, одни и те же люди, поставленные в совершенно разные условия, могут демонстрировать совершенно разные результаты деятельности. Задача должна состоять в том, чтобы поменять не людей, а матрицу, которая задает параметры их поведения. Эта задача, в свою очередь, распадается на две крупные подзадачи: удаление из матрицы «первых учеников» и исключение неприемлемых социальных и политических практик.

Как показывает уже накопленный опыт, попытка поражения в правах социальных и профессиональных групп при отсутствии в обществе тех, кто мог бы их заменить, приводит лишь к усложнению ситуации. В той или иной форме представители этих групп все равно встраиваются в новую общественную инфраструктуру, а вот общество несет серьезный урон — как моральный, так и политический. Здесь может оказаться полезным более персонализированный подход, который позволит на время исключить из этой инфраструктуры наиболее одиозные фигуры. Речь идет, конечно, не о тех, в отношении кого имеются достаточные доказательства для предъявления им уголовных обвинений в связи с совершением особо тяжких преступлений. Такие лица обязаны предстать перед судом с соблюдением всех конституционных гарантий.

Речь идет о людях, в отношении которых нет подозрений в совершении ими лично особо опасных преступлений, но которые были ключевыми фигурами в обеспечении работы преступного режима. О его спонсорах, пропагандистах, руководителях ключевых подразделений в репрессивном аппарате. Предать их всех суду было бы накладно, если вообще возможно, а предоставить им возможность продолжать заниматься политической деятельностью — опасно. Выход можно найти в адресных и точечных санкциях, которые в любом случае гуманнее, чем люстрации по профессиональному и социальному признакам. Речь идет о чем-то вроде «внутреннего акта Магнитского», который позволит на время отстранить от общественной инфраструктуры «первых учеников» режима.

Но этого, разумеется, недостаточно. Если просто отстранить «первых учеников», то вторые и третьи ученики очень скоро захотят стать первыми. Поэтому меры по противодействию внутренней контрреволюции следует дополнить запрещением пропаганды неприемлемых социальных и политических практик, которые неразрывно связаны с массовыми нарушениями прав и свобод человека. Именно это стремление отражали процессы декоммунизации и десталинизации — еще две возможности, упущенные, как считают многие, в 1990-е годы. Отчасти это правда, но все не так просто.

В 1990-е годы под декоммунизацией понимали в первую очередь запрет на деятельность коммунистической партии — реальной политической силы, которую и до сегодняшнего дня поддерживают миллионы людей. Попытка сделать это вызвала — и точно так же вызовет сегодня — неминуемый раскол общества, да и вряд ли вообще может увенчаться успехом.

Дело в том, что в самой коммунистической идее нет детерминистской предрасположенности к террору. Это только одна из возможных линий ее эволюции, которая, к сожалению, стала реальностью в России. Вместо того чтобы раскалывать общество, запрещая ярлыки, надо жестко пресекать попытки распространять и пропагандировать практики,

которые этими ярлыками прикрываются. Применительно к коммунистическим идеям это примерно следующее: попытки оправдать большой террор и террор вообще, пропаганда насильственной экспроприации собственности, геноцида по социальному или национальному признаку — то есть все то, что составляет темные страницы истории России в XX веке. В некотором смысле это похоже на китайский подход к демаскизации: не трогая фигуру самого Мао, однозначная оценка которого как национального лидера представляется до сих пор затруднительной, компартия Китая нашла нужным очень жестко осудить крайности маоистского террора, включая так называемую культурную революцию и перегибы в борьбе с частной собственностью.

Таким образом, необходимо соблюсти баланс: с одной стороны, защитить новую власть и не допустить очередной реставрации режима, а с другой — не допустить раскола общества и гражданской войны (что все равно приведет к реставрации, только чуть позже). Люстрация не догма, а общая идея, практическое осуществление которой должно учитывать обстоятельства места и времени. Люстрация как самоцель не приведет ни к чему хорошему и не защитит ни от каких контрреволюций.

Глава 8. Как поставить под контроль «человека с ружьем»: партия или органы?

В периоды стабильного развития работа реально действующих или даже декоративных институтов скрывает насильственную сущность любого государства. Но эта сущность никуда не девается. Государство, будучи сложным и многофункциональным явлением, в конечном счете всегда остается машиной насилия. Точнее, машиной легитимизированного насилия, ведь только легитимность применяемого насилия отличает государство от любой вооруженной банды, которая навязывает свою волю окружающим с помощью силы. Но когда на смену политической стабильности приходит время перемен, когда старый уклад жизни рушится, а новый еще не успевает сложиться, эта насильственная природа государственной власти выходит на первый план.

Поэтому перед любым временным правительством в первые же дни встает огромная проблема — контроль над «человеком с ружьем», или, как сегодня принято говорить, силовиками. Сегодня они замкнуты в закольцованную систему, где все следят друг за другом, а Путин

лично — за всеми сразу. Но, как только Путин уйдет, кольцо разомкнется и десятки, если не сотни, вооруженных и организованных разрозненных групп окажутся предоставлены сами себе. Они могут признать авторитет временного правительства, а могут встать на сторону реакции или вообще попытаться стать самостоятельной силой, хотя последнее в России маловероятно в силу отсутствия соответствующей традиции.

Если события будут развиваться по такому сценарию, они неминуемо будут иметь множество отрицательных последствий, самым тяжелым из которых может стать контрреволюционный переворот или сползание к гражданской войне с перспективой распада государства на части. Поэтому подчинение старших и средних командиров силовых структур своей политической воле является для временного правительства безотлагательным делом и вопросом жизни и смерти с самого первого момента. Как бы хорошо ни была отлажена система демократических институтов, при малейшем сбое этот вопрос тут же выходит на первый план. Достаточно вспомнить, как много сил обе стороны конфликта в демократических США потратили на взаимодействие с руководством Министерства обороны и Комитетом начальников штабов, которые должны были принять решение, вводить или не вводить национальную гвардию в Вашингтон в тот день, когда приверженцы Трампа штурмовали Капитолий.

Вопрос контроля над «человеком с ружьем» в скрытой форме вставал при каждой смене правителя и в таком тоталитарном государстве, как СССР с его хорошо отлаженной системой идеологического наследования власти. Успех анти-бериевского переворота 1953 года был обеспечен во многом благодаря тому, что армия осталась лояльна партийному и советскому руководству в лице Хрущева и Маленкова. Падение самого Хрущева в значительной степени было обеспечено предательством тогдашнего руководства КГБ СССР, которое поддержало Брежнева, имевшего и без того сильную поддержку со стороны армии. Горбачеву во многом

помогло то, что он рассматривался как ставленник выходца из КГБ Андропова, что обеспечило ему на первых порах лояльность руководства КГБ при нейтральной позиции армейских кругов. Отказ группы «Альфа» штурмовать Белый дом стал приговором реставрационному проекту ГКЧП. Так или иначе, любой транзит власти неизбежно включает в себя разрешение вопроса о том, кто контролирует вооруженных людей. Эта тема не обсуждается широко в учебниках по демократии, но ни одна демократия в мире не состоялась бы, если бы этот вопрос не разрешался каждый раз практически.

В России он разрешается в полном соответствии с ее многовековыми традициями и укладом — как правило, путем превентивного насилия, иногда ярко выраженного, а иногда более скрытного. В 1953 году в острой фазе конфликта Берия и его ближайшие соратники были фактически уничтожены без суда и следствия. В случае с ГКЧП обошлось без кровопролития: после недолгого ареста участники заговора были освобождены и даже получили возможность реинтегрироваться в политическую жизнь новой России. При удачном раскладе сил вопрос может быть решен простой заменой старого руководства на новое, более лояльное, но такой расклад трудно гарантировать.

В любом случае временному правительству придется в первые же часы своего правления проводить «вотум доверия» среди силовиков, требуя от них полного признания своей легитимности. Если такое признание можно получить сразу, то это снимает проблему и дает время для поэтапного усиления политического контроля над силовыми структурами. Но в случае возникновения сомнений и тем более сопротивления временному правительству придется действовать жестко, вплоть до физической нейтрализации тех, кто не признает его полномочий (в лучшем случае — путем ареста, что тоже может оказаться непростой задачей). Все это возможно, все это делалось в истории не один раз и никак иначе делаться не может. Либо новая власть показывает сразу, кто в доме хозяин, либо она будет уничтожена — если

не сразу, то немного позже. Политика — жесткая вещь, и не говорить об этом означает не называть вещи своими именами. Я считаю это недопустимым, потому что в основе новой политики должна лежать беспощадная честность.

Итак, новая власть в течение самого короткого времени должна подчинить себе силовые структуры. Если она не способна этого сделать, то она не власть. Как именно она это сделает, нет смысла обсуждать заранее: здесь не существует готовых рецептов.

Но есть другая важная тема. Нет проблемы в том, чтобы применить насилие и поставить «человека с ружьем» под контроль. Есть проблема в том, чтобы после этого остановиться. Кто принимает решение об устранении и форме устранения старых силовиков? Кто принимает решение о назначении новых силовиков? Новый лидер, глава временного правительства? В таком случае он и становится новым диктатором России. Во-первых, потому что, если им пролита кровь (если пролита), пути назад уже нет. А во-вторых, потому что новые люди, назначенные им лично, ему же лично дальше и будут преданы.

Мы все это видели на примере Ельцина в 1993 году. Сначала была неудачная попытка переворота, и Ельцин проявил себя жестко (по крайней мере, с точки зрения технологии борьбы за власть), не дав вытащить из-под себя стул и подавив восстание «белодомовцев». Итогом стало то, что на все ключевые посты он расставил лично преданных ему людей. А вот дальше оказалось, что больше ему ничего делать не надо. Расставив своих людей по всем силовым ведомствам, он перестал нуждаться в политике и в искусстве компромиссов, без которых настоящая политика не существует. После 1993 года Ельцин лишь имитировал политический процесс, удерживая власть преимущественно силовыми методами, а потом просто передал ее по наследству тому, у кого это получалось лучше.

Как избежать этой ловушки? Как обеспечить победу революции и не скатиться к реставрации? Мне кажется, что одним из возможных инструментов для этого

является делегирование решений, связанных с санкциями в отношении силовиков, специально созданной структуре, формально отделенной от временного правительства. Выше я уже касался вопроса о том, что в условиях временной дисфункциональности представительной и судебной власти их полномочия на короткий период мог бы взять на себя Госсовет, сформированный по смешанному регионально-партийному принципу. Вот внутри этого Госсовета и нужно было бы образовать что-то вроде военной комиссии — специального чрезвычайного органа, наделенного полномочиями принимать решения о смещении и назначении руководителей силовых структур по представлению временного правительства и в интересах защиты новой власти.

Такое разделение полномочий может оказаться работающей и полезной идеей, предотвращающей сосредоточение в руках главы временного правительства слишком большой власти, которой он впоследствии может распорядиться не в интересах общества, а в своих собственных. Без применения насилия в более или менее мягкой форме не обходится ни одна революция. Но применение насилия может быстро привести общество на новый авторитарный круг. Эту порочную практику надо как-то разрывать, иначе террор не закончится никогда. Одним из способов для этого, на мой взгляд, является договоренность о том, что новая власть с самого начала будет стремиться рассредоточить процесс принятия решений о применении репрессивных мер.

Это главное. Детали могут быть разными, и о них можно договориться позже. Один вариант я описал выше — решения в отношении руководства силовых структур по рекомендации временного правительства должна принимать специальная комиссия Госсовета. Это временная конструкция, из которой впоследствии должно вырасти полноценное конституционное разделение властей. Но если не предпринять в этом отношении никаких мер, то кроме насилия и террора под новыми лозунгами не вырастет вообще ничего.

Глава 9. Как создать гражданскую службу: плохие свои или хорошие чужие?

Есть одна реформа, с началом которой медлить нельзя, — реформа административная. Казалось бы, в переходный период у временного правительства будет много других неотложных задач. Но дело в том, что для того, чтобы что-то решать, надо иметь в руках работающий инструмент. Если у правительства не будет в распоряжении эффективно функционирующей государственной машины, если все его распоряжения будут тонуть в бюрократической трясине, то никакими другими задачами оно заниматься не сможет.

Вопрос о качестве аппарата будущей власти кажется второстепенным до тех пор, пока будущее не наступило. Может быть, поэтому сегодня он находится на периферии общественного внимания. Но известно, что после любого транзита власти эта тема очень быстро становится одной из самых актуальных, а времени на ее обсуждение уже не остается. Как правило, новой власти приходится прибегать к помощи старой государственной машины. Чтобы избежать этого, есть смысл договориться об основных подходах к проблеме заранее.

Проблема эффективности государственного аппарата мало кого волнует в оппозиционной среде по той причине, что в этой среде доминирует точка зрения, согласно которой у российской власти есть только две беды — отсутствие демократии и коррупция. Многие искренне полагают, что стоит решить хотя бы одну из них, как все остальное сразу образуется само собой. В деле государственного строительства российская оппозиция остается верна старой русской традиции полагаться на авось: вот восторжествует демократия, вместе с ней исчезнет коррупция — и все сразу сложится.

Корни такого отношения увидеть нетрудно. В условиях, когда главная задача оппозиции — борьба с авторитарным режимом, к тому же имеющим тенденцию деградировать в неототалитаризм, кажется естественным, что основным вопросом повестки дня является демократизация. В каком-то смысле так и есть. Но то, что не актуально сегодня, станет одной из главных проблем завтра, когда временное правительство приступит к исполнению своих обязанностей. Способность новой власти выжить и доказать свое конкурентное преимущество перед старой властью будет зависеть в том числе от ее умения быстро и грамотно построить новую машину государственного управления.

К сожалению, демократизация сама по себе не только не решает проблему эффективности государственного управления, которая в большей степени зависит от качества новой бюрократии, но и зачастую усложняет ее решение. Демократизация и повышение эффективности государственной машины, вопреки распространенному мнению, не просто разные задачи, а задачи, решение которых может мешать друг другу. Демократизация, особенно когда она происходит резко и спонтанно, может приводить к расшатыванию дисциплины, разбалансировке в работе институтов. В этом нет ничего удивительного. Но это может быть очень опасно, если в качестве первых же шагов нового правительства не будут приниматься меры по восстановлению дисциплины и общему повышению эффективности работы бюрократической системы. Если

демократия основывается на неработоспособном государственном механизме, то кроме дискредитации самой идеи демократии из этого обычно ничего не выходит.

В то же время беспрецедентный размах коррупции в России, вопреки распространенному мнению, не является абсолютной преградой для того, чтобы выстроить в стране эффективную и современную гражданскую службу. Наоборот, именно начало работы по созданию такой службы станет первым шагом к преодолению коррупции в России. Конечно, коррупцию как явление невозможно истребить полностью в любом обществе. Мы видим, как широко она распространена на Западе — и, кстати, как активно этим пользуется путинский режим для продвижения своего влияния. Но быстро снизить тот запредельный уровень коррупции, который мы наблюдаем сегодня в России, временному правительству вполне под силу. Так что не стоит превращать коррупцию в непреодолимое препятствие и главную проблему.

Сегодняшняя коррупция в России — это искусственно созданное и поддерживаемое политическими средствами явление, насаждаемое нынешней властью. Без внешних стимулов ее уровень довольно быстро и существенно снизится сам по себе. Дело не в том, что чиновники склонны брать взятки, а в том, что нынешний режим выстроил свою устойчивость не на борьбе с этой естественной склонностью, а на ее эксплуатации и культивировании. В современной России не брать и не давать взятки невозможно, а тот, кто этого не делает, становится для власти вдвойне опасен. Коррупция — смазка механизма путинского террора, без нее этот тип государственного устройства просто не способен работать. Уберите политическую мотивацию, перестаньте насаждать коррупцию сверху в качестве метода контроля элит — и вы увидите, как знаменитая и неповторимая «русская коррупция» очень быстро сдуется до среднемирового уровня. Конечно, она не исчезнет вовсе, как не исчезла ни в Америке, ни в Европе, несмотря на все успехи западной цивилизации. Но она будет управляемым злом, а не инструментом управ-

ления. По моим наблюдениям, если коррупция съедает более двух процентов государственного бюджета, она становится угрозой для самого существования государства. В этом случае надо бороться уже не с коррупцией, а с той системой управления, которая разогнала ее до таких масштабов, так как без специального стимулирования она сама по себе этого уровня достичь не может.

Могу сослаться на свой опыт работы в «ЮКОСе». На момент прихода в компанию нашей команды корпоративная коррупция разъедала все уровни управления. Именно потому, что она насаждалась с самого верха. Когда у компании появился частный владелец, не заинтересованный в том, чтобы красть у самого себя, эта естественная мотивация к распространению коррупции исчезла. Остальное было делом техники, при этом сама техника была довольно примитивной. Всем было сделано предложение, от которого трудно было отказаться: либо достойная зарплата и прекращение хищений, либо расставание, в худшем случае через уголовное преследование. Если это не игра, а реальная политическая линия, то все происходит очень быстро. У нас на это ушло не больше двух лет. Поэтому я не рассматриваю коррупцию как непреодолимый вызов. С другой стороны, разрешение этой проблемы само по себе не решает проблему эффективного управления. Некоррупцированный идиот и бездельник иногда опаснее коррумпированного умника.

Госстроительством придется заниматься с первых же дней как совершенно самостоятельной задачей, не совпадающей ни с работой по демократизации общества, ни с борьбой с коррупцией. Однако в России имеется дополнительный фактор культурного свойства, усложняющий решение этой задачи. Он состоит в укоренившейся традиции рассматривать чиновника исключительно как бездельника и вора, чью работу может выполнять кто угодно. И проблема даже не в том, что подобные представления распространены в массовом сознании, а в том, что они поддерживаются значительной частью образованного городского класса и демократически

настроенной интеллигенции. Это препятствует тому, чтобы отнестись к делу государственного строительства с должной серьезностью.

В наиболее гротескной форме такое отношение к чиновнику нашло свое отражение в знаменитой большевистской формуле о том, что каждая кухарка может и должна управлять государством. Но уже через пару лет после революции Ленин жаловался, что правительству пришлось вернуть на службу бóльшую часть уволенных ранее чиновников, приставив к ним комиссаров. В несколько меньших масштабах эта ситуация повторилась и в начале 1990-х. По итогам горбачевско-ельцинской перестройки бóльшая часть советской номенклатуры нашла свое место внутри новой власти. Иначе и быть не могло: управленцы не берутся ниоткуда, их нельзя просто откуда-то завезти. Если других нет, то приходится использовать тех, кто есть, как бы это ни было неприятно.

Причина устойчиво негативного отношения к чиновничеству в России состоит в том, что здесь веками не было принято рассматривать управление людьми как искусство или профессию. А ведь это один из наиболее сложных видов профессиональной деятельности, требующий длительной и сложной подготовки, очень серьезной квалификации и навыков, которые можно приобрести только путем длительной практики. Философ Макс Вебер считал подготовку эффективного чиновника одной из самых сложных задач, требующих наибольших затрат со стороны общества, и полагал, что современное чиновничество в Европе возникло лишь как побочный продукт развития капитализма с его сложной культурой управления. Преодоление российских традиций в этой сфере и курс на создание профессиональной и современной государственной службы должны стать для временного правительства точкой отсчета в выработке общих подходов к формированию государственной гражданской службы новой России.

Если очень коротко остановиться на самых общих принципах, которыми должно руководствоваться в этом вопросе временное правительство, то я бы выделил четыре пункта:

1. Изменение отношения к государственной службе и чиновничеству как социальному слою. Понятное и объяснимое презрение, переходящее порой в ненависть, к бюрократии должно быть заменено конструктивным и уважительным подходом. Чиновник, любой государственный служащий должен рассматриваться обществом как лицо, выполняющее принципиально важную миссию. Без такого отношения не может быть и обратного — спроса с чиновника, требовательности к нему. Это две стороны одной медали.

2. Отделение государственной службы от политики. Государственная служба должна быть профессиональна и аполитична. Политики могут приходить и уходить, но это не должно влиять на государственную гражданскую службу. Последняя должна жить и работать по своему внутреннему уставу и подчиняться внутреннему кодексу поведения, в соответствии с которым карьерный рост зависит исключительно от профессиональных качеств, а не от приверженности тем или иным политическим взглядам. Чиновники должны попадать на службу преимущественно по результатам открытого конкурса и получать повышение с учетом ранее продемонстрированных результатов работы, тоже преимущественно на основании конкурсных механизмов. Одним словом, в России необходимо практически с нуля создать государственную гражданскую службу как обособленный властный институт, способный работать при любом политическом руководстве.

3. Разделение управленческой и коммерческой (сервисной) деятельности. Опыт развития успешных государственных гражданских служб мира показывает, что чем больше функций государство передает на аутсорсинг коммерческим и некоммерческим организациям, тем эффективнее работа бюрократии. Конечная цель состоит в том, чтобы максимально освободить государственных служащих от работы по обслуживанию населения и сосредоточить их усилия на исполнении регуляторных и контрольных функций. Большая проблема государства состоит в том, что в области управления это монополист, выведенный из рыночной среды. Поэтому

езде, где это возможно, такую среду вокруг государства надо специально создавать, чтобы работали законы конкуренции.

4. Разделение регуляторных и контрольных функций. Это достаточно простой принцип, который состоит в том, что люди, которые разрабатывают правила, не должны сами контролировать их соблюдение. Две эти функции должны быть разделены между разными институциями. По сути, это проекция конституционного принципа разделения властей на административные отношения, та же идея: ни у кого ни на каком уровне не может быть сосредоточена в одних руках даже относительно необъятная власть. Это среди прочего позволяет гораздо эффективнее бороться с коррупцией, чем уголовные преследования.

Я перечислил, конечно, только базовые идеи для административной реформы — одной из важнейших для любого правительства, желающего построить новую Россию. Откладывать эту реформу нельзя. Эффективно работающий аппарат с четко обозначенными функциями и строгой дисциплиной — условие успеха в работе по всем другим направлениям. Однако его созданию мешает одна «техническая» проблема: кадры, которые, как известно, решают все.

Нельзя выстроить новую систему управления без подходящих кадров. А все кадры, которые есть в наличии, всегда оказываются неподходящими — по разным причинам. Одни умны, хитры, хорошо подготовлены, но не способны работать по-новому, не готовы переучиваться. Другие так обременены старым опытом, что никакие таланты не могут компенсировать их порочной ментальности. В России всегда был кадровый голод. Найти толкового работника на любую позицию, тем более на государственной службе, всегда было сложно. А найти толкового работника, который готов работать в рамках еще не существующей системы, вообще почти невозможно.

Есть еще одно узкое место — новые управленческие технологии, без внедрения которых систему не поменять. Пока вся система управления остается глубоко архаичной, а функции чиновника сводятся к тому, чтобы зарегистрировать,

выдавать или не выдавать разрешения, а также распределять все, что поддается распределению, выполнять эти функции может любой смышленный человек, хорошо набивший руку (во всех смыслах этого выражения). В принципе, для этих целей подошел бы и какой-нибудь дьяк из старомосковского приказа, обученный компьютерной грамоте. Поскольку государственные функции с тех пор сущностно не изменились, он почти наверняка справился бы. Но если мы проводим административную реформу описанным выше образом, то функции аппарата власти кардинально меняются. Возникает потребность в особом роде профессионалах, которых в России просто нет и никогда не было.

Речь идет в первую очередь о тех, кто сможет наладить взаимодействие между органами государственного регулирования, органами государственного надзора и коммерческим сектором, который возьмет на себя реализацию существенной части государственных функций. Это то, чем живет современный мир. Я имею в виду прежде всего различные частно-государственные партнерства (*public-private partnerships*), без которых современное государство уже невозможно себе представить. Без высокопрофессиональных специалистов с серьезным опытом дело это в России поставить не получится.

Откуда же брать высококвалифицированных специалистов для государственной службы? Здесь возникает известная дилемма. Можно брать своих, тех, какие есть, пытаясь обучать их на ходу. А можно, преодолев фобии, открыть доступ к государственной службе иностранцам, у которых этот передовой опыт есть. Трезвый взгляд на историю России показывает, что все ее ключевые, судьбоносные реформы обеспечивались именно таким методом. Гордость нынешнего режима — русская армия — создавалась иностранными специалистами во времена Петра. Ими же создавалась в эпоху индустриализации вся та промышленность, которая сегодня обеспечивает армию вооружением. В переломные моменты русское правительство не стеснялось брать иностранцев на службу, когда это было нужно для дела, — и обычно такой подход оправдывал себя.

Вывод напрашивается простой: надо идти двумя путями. Надо обучать своих где можно и сколько можно, но, пока они научатся, не следует бояться или стесняться брать чужих. Если мы хотим быстро изменить качество государственной гражданской службы в России, необходимо открыть дорогу иностранным специалистам. Разумеется, это надо делать с разумными мерами предосторожности, но другого выхода сегодня я не вижу, особенно в тех областях, где отечественного опыта практически нет. Кстати, речь идет не о таком большом количестве людей. Думаю, нам понадобятся 3–5 тысяч специалистов в центральном аппарате и половина от этого числа в регионах. Но не стоит повторять ошибок времен Горбачева и Ельцина. Надо приглашать действительно лучших профессиональных управленцев, а не «чикагских мальчиков». Надо перекупать самых продвинутых менеджеров, имеющих не теоретический, а практический опыт управления, из международных корпораций и аппаратов правительств по всему свету. Надо дать им возможность работать на нас и учить тех, кто работает рядом с ними. Полагаю, на это потребуется лет пять, максимум десять.

За качество надо платить — и своим, и чужим. Платить нужно столько, чтобы иметь возможность требовать, в том числе кристальной честности. Чужим придется платить больше. Но Россия — достаточно богатая страна, чтобы на время взять к себе на службу лучших не из 140 миллионов, а из нескольких миллиардов, отбирая их в индивидуальном порядке. Это, кстати, огромное искусство, и заниматься поиском, в свою очередь, должны тоже профессионалы. У меня есть опыт, которым я готов поделиться. Когда мне надо было превратить «ЮКОС» в передовую мировую компанию, приглашенные мною иностранцы получали больше меня. Потом я, конечно, окупил затраты, когда дошло время до дивидендов. Но это было потом, а сначала нам предстояло многому научиться. И заплатить за эту науку. Другого пути нет.

Подводя итог, хочу еще раз повторить, что всеобъемлющая административная реформа государственной службы — дело, нетерпящее отлагательства. Оно должно стать приоритетом для любого правительства, которое наследует путинский режим. Цель этой реформы (которую, кстати, Путин тоже провозгласил одной из первой и одной же из первых полностью провалил) состоит в преобразовании архаичной, полусоветской, полуфеодальной государственной машины в современную систему управления. По сути, в России предстоит с нуля создать государственную гражданскую службу, отделенную как от политики, так и от коммерции. И для того чтобы ее наладить, нам надо будет вновь, как мы это делали много раз в истории нашей страны, привлечь на российскую госслужбу иностранцев, которые обладают нужными нам знаниями и опытом. Нам, кстати, будет легче, чем нашим предшественникам. Путинский режим вытолкнул из России десятки тысяч талантливых людей, которые прошли великолепную школу в западных корпорациях и могли бы вернуться на родину при подходящих условиях.

Глава 10. Как понимать «левый поворот»: социальное или социалистическое государство?

У меня было много времени подумать об ошибках, своих и чужих. Но, для того чтобы найти главную из них, много времени не понадобилось. Уже в 2004 году, размышляя о том, как все мы и я лично оказались там, где оказались, я написал первую версию «Левого поворота». Это название могло тогда показаться странным. Казалось бы, человеку, сумевшему воспользоваться теми преимуществами, которые дает рыночная экономика предприимчивым людям, впору писать о повороте правом (в экономическом смысле). Но в том-то все и дело, что еще задолго до того, как мой конфликт с путинским режимом перешел в открытую, острую фазу, мне стало совершенно ясно, что для России с ее историей, с ее ментальностью и традициями чисто праволиберальная политика — абсолютный тупик. Этой же точки зрения я продолжаю придерживаться и сегодня, полтора десятилетия спустя после выхода той первой статьи.

Однако с высоты сегодняшнего дня многое выглядит иначе и требует иной расстановки акцентов. Сейчас я довольно

четко представляю, с чего должен начинаться в России этот самый левый поворот. Что же изменилось? Прежде всего, возникло то, чего в явном виде тогда не существовало, — псевдолевый политический курс Кремля, имитирующий и профанирующий левую повестку. Каким на самом деле можно назвать режим Путина — левым или правым? Уверен, что, по мнению подавляющего большинства, Путин реализует левую политическую повестку: развивает государственный сектор, борется с независимым бизнесом, создает сложную и запутанную систему социальных льгот и привилегий и так далее. Но на самом деле дело обстоит ровно наоборот: Путин является прямым продолжателем традиций 1990-х и проводит радикально правый политический курс. Именно поэтому необходимость в левом повороте за эти годы только возросла.

Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо, конечно, сначала определиться, где у нас правое и где левое, что в современном мире сделать непросто. Мы видим, как повсюду, не только в России, появляются правые политики, паразитирующие на левой повестке. Хрестоматийный пример — Трамп с его эклектичной риторикой. Границы между правым и левым сегодня размыты, критерии утеряны. По-моему, чтобы внести в этот вопрос ясность, нужно просто сосредоточиться на главном, не размениваясь на мелочи. А главное — это, на мой взгляд, социальное неравенство. Если политический курс приводит в конечном счете к росту социального неравенства, то это правый политический курс, какая бы левая риторика его ни сопровождала, а если он способствует уменьшению социального неравенства — это курс левый.

Посмотрим на путинскую социальную и экономическую политику под этим углом зрения. Путин поднялся на антиолигархической повестке, которая на словах была и остается одним из краеугольных камней кремлевской мифологии. Но в действительности проводимый им политический курс не только не сократил дистанцию между бедными и богатыми, но и увеличил социальное неравенство до невиданных раньше масштабов. Путин сосредоточил огромную экономическую

и политическую власть в руках очень узкого слоя, состоящего из высшей, преимущественно силовой бюрократии и обслуживающих ее интересы криминальных и полукриминальных «держателей активов». Вместо того неравенства, которое естественным образом возникает из системы рыночной экономики и которым современные общества худо-бедно научились управлять, путинизм создал неравенство, источником которого является власть, воздвигающая между бедными и богатыми непроницаемую и непреодолимую стену.

В путинской России богатые богатели, а бедные беднели всегда быстрее, чем в России 1990-х. Но благодаря общему повышению благосостояния за счет роста мировых цен на энергоносители этот процесс протекал до определенного момента скрытно — денег было так много, что их хватало на выплату бедным «отступного». Однако на каждый рубль социальных подачек, которые президент ежегодно с помпой презентует в своих посланиях к нации, приходится доллар, который уходит в карман путинской элиты, в результате чего дистанция между беднейшими и богатейшими слоями российского общества продолжает стремительно увеличиваться. Сейчас этот процесс перестал протекать скрытно, так как режиму перестало хватать денег и на социальную сферу. Последние несколько лет мы наблюдаем в России рост не только относительной, но и абсолютной бедности. С этой точки зрения, Путин последовательно, на протяжении двадцати лет проводит радикально правый политический курс, объективным следствием которого стало растущее социальное расслоение. Этот курс, на мой взгляд, является тупиковым и создает угрозу для национальной безопасности, так как в конечном итоге приведет страну к социальному конфликту быстрее, чем воображаемые иноагенты.

Помимо общего увеличения разрыва между доходами бедных и богатых, что уже само по себе взрывоопасно, деформируется сама система распределения богатства в обществе. Рейдерство — сущность созданной Путиным системы и один из фундаментальных источников неравенства. Прямое вме-

шатательство правительства приводит к тому, что происходит латентное, но от этого не менее масштабное перераспределение богатств в пользу тех, кто проявляет лояльность к режиму. Это еще больше ускоряет деградацию как экономических институтов, так и моральных устоев общества. Любое аморальное поведение — ложь, предательство, доносы и так далее — в этой системе стало поощряемым и экономически выгодным.

Главное, что важно понимать о социальном неравенстве в эпоху путинизма, — то, что в его основании лежат в значительной степени внеэкономические факторы. Это во многом искусственно созданное и поддерживаемое при помощи политического насилия неравенство. Соответственно, бороться с этим неравенством можно только одним способом: необходимо устранить те политические факторы, которые его порождают. Поэтому все пропагандистские усилия Кремля по борьбе с бедностью выглядят форменным издевательством. Главным предварительным условием эффективной борьбы с бедностью в России является устранение того режима, который порождает и умножает эту бедность самым фактом своего существования, работая как огромный насос, выкачивающий деньги из карманов миллионов в карманы путинских миллионеров.

Как устроен этот насос? Откуда именно он в основном высасывает ресурсы? Ответ достаточно очевиден: режим живет и обогащается прежде всего за счет возможности бесконтрольно эксплуатировать природную ренту, то есть совершенно произвольно, по своему усмотрению и в интересах узкой группы лиц перераспределять доходы от продажи сырья — нефти, газа, металла и леса. Возвращение общественного контроля над природной рентой (то есть над рентными доходами от добычи и эксплуатации природных ресурсов России) является, на мой взгляд, главным условием существования в России социального государства, которое предусмотрено ее Конституцией, но отсутствует в реальной жизни.

Идея возвращения контроля над природной рентой обществу не нова — об этом много пишут и говорят коммунисты. Вопрос заключается в том, передаем ли мы этот контроль действительно обществу или снова возвращаем его государству, которое, в свою очередь, будет контролироваться небольшой группой людей — просто уже других. Предлагаемое коммунистами возвращение к государственной собственности, хотя оно и представляется более справедливым решением, чем сегодняшнее положение дел, является для России очередным историческим тупиком. Возвращение в СССР неизбежно возвратит нас к реалиям забюрократизированной, малоподвижной, неэффективной экономики, которая и уничтожила Советский Союз. Никакой другой гигантская государственная монополия по определению быть не может, тем более в стране, где плохо развита корпоративная культура, почти нет грамотного и экономически подготовленного чиновничества, зато есть многовековые традиции коррупции и саботажа.

Но дело не только в этом. Главный дефект предлагаемого коммунистами пути в будущее через прошлое — неразрешимое политически бюрократическое уравнение: чем больше ресурсов сосредоточивается в руках государства, тем значительнее его перераспределительная роль, а чем значительнее его перераспределительная роль, тем бóльшую часть природной ренты общество вынуждено оставлять на обслуживание гигантского перераспределительного механизма. Это значит, что с точки зрения как общества в целом, так и каждого его члена в отдельности вся эта обратная национализация не имеет никакого смысла. Значительная часть природной ренты все так же разойдется на обслуживание гигантского аппарата власти, другая часть будет утрачена из-за неэффективности монополии, а небольшие остатки отойдут гражданам, причем в обмен на их отказ от гражданских прав. Вопрос же, кто именно будет олицетворять эту машину грабежа и обмана — путинцы, зюгановцы или кто-то еще, — особого значения для судеб России не имеет.

Как же разорвать этот замкнутый круг и вырвать ренту от использования природных богатств России из рук криминальной бюрократии? Решение, на мой взгляд, есть, и оно в некотором смысле лежит на поверхности. Другое дело, что оно не выгодно ни тем, кто уже находится у власти, ни тем, кто мечтает эту власть заполучить. Оно выгодно тем, кто в сегодняшней России не имеет реального политического представительства и чей голос поэтому остается неуслышанным. Я считаю, что таким единственно возможным решением проблемы природной ренты в России является замыкание ее на социальные потребности населения, которое исключило бы посредническую перераспределительную роль государства.

И такая возможность в России реально существует.

Если очень приблизительно сравнить доход, извлекаемый сегодня путинским режимом из природной ренты, и расходы на пенсии, которые государство никак не может толком покрыть, то они приблизительно равны. В расходную часть можно еще добавить траты на медицинское страхование, которые государство опять-таки не знает, как покрыть, и поэтому все время сокращает. Если это так, то не проще ли, минуя все промежуточные стадии, прямо направлять доходы от природной ренты — то есть сверхдоходы от продажи сырья, прежде всего нефти и газа, — на пенсионные и медицинские накопительные счета граждан, с которых при наступлении страхового случая (пенсионного возраста или болезни) их владельцы получали бы деньги? Причем именно достойные деньги, а не крохи, позволяющие разве что не умереть от голода.

Технически это организовать несложно. Сверхдоходы от продажи сырья и сегодня маркируются особым образом и поступают в казначейство отдельной строкой от компаний, получающих природную ренту, так что вычленив их не составит труда (вопрос неэффективности путинских управленцев). Но сегодня они сливаются в общий бюджетный поток, которым распоряжается правительство по своему усмотрению, тратя средства на безумные кремлевские проекты или просто их разворовывая. А нужно, чтобы они ежемесячно

в абсолютно равных пропорциях зачислялись на накопительные счета всех граждан страны.

Эти накопительные страховые счета (пенсионные и медицинские) должны открываться с момента рождения и существовать до самой смерти гражданина. Это стало бы действительной привилегией российского гражданства, а не мнимым символом сопричастности великой стране. Надо создать ситуацию, в которой быть гражданином России означало бы иметь привилегию не только умереть за «дворцы Ротенбергов» в бесчисленных и бессмысленных войнах режима, но и жить достойно в старости. Сегодня природная рента поступает в «черный ящик», внутри которого она перераспределяется самым возмутительным способом в пользу бенефициаров путинского режима. Мы должны сделать этот ящик прозрачным, чтобы каждый гражданин видел и понимал, что происходит с национальным достоянием, которое досталось нам от предков.

Средства, аккумулированные на накопительных счетах, — это значительные суммы. Во всем мире средства пенсионных фондов являются важнейшим инвестиционным инструментом, и я полагаю, что Россия не будет исключением. По моему мнению, временно свободные средства можно будет вкладывать в российский индекс (консолидированный пакет российских ценных бумаг, торгующихся на бирже), поддерживая таким образом отечественное производство. Так возникнет та самая подушка безопасности, которая реально превратит Россию не в социалистическое, где сырьевые богатства страны принадлежат бюрократии, а в настоящее социальное государство, где природная рента принадлежит народу и находится под непосредственным контролем общества.

Хочу еще раз повторить, в чем, на мой взгляд, отличие бесперспективной модели социалистического государства от государства социального, не только записанного в нашей Конституции, но и на самом деле являющегося единственной на сегодняшний день приемлемой для России экономической системой.

Государство социалистическое концентрирует в своих руках и производство, и распределение, превращаясь в неэффективную монополию, в интересах бюрократического клана. Государство социальное не берет на себя ни производство, ни распределение, поощряет конкуренцию во всех сферах. Оно лишь устанавливает правила, но так, чтобы уменьшить социальное неравенство.

Внешне часть этих предложений совпадает с лозунгами левой оппозиции путинскому режиму, в том числе с лозунгами российских коммунистов. Последние тоже требуют восстановления общественного контроля над природной рентой, но предлагают делать это, как я сказал выше, в формате большевистской национализации и передачи контроля над ресурсами в руки государства. Соглашаясь с левыми в части необходимости восстановления общественного контроля над эксплуатацией сырьевых ресурсов, я не согласен с предлагаемым ими методом. Он, на мой взгляд, не устраняет неравенства, а переводит его из экономической в номенклатурно-клановую форму.

Социальное государство, в отличие от социалистического, не стремится всех уравнивать, чтобы потом выделить тех, кто «равнее» остальных. Его цель — предоставить каждому равные шансы на развитие и успех. Если бы я писал этот текст 15–20 лет тому назад, я бы, наверное, поставил на этом точку, но сегодня, с учетом полученного опыта, хочу поставить запятую. Равные шансы на успех должны быть предоставлены всем, кто готов ими воспользоваться. А тем, кто не смог или не захотел этого сделать, должны быть предоставлены минимальные гарантии. Без этой гуманитарной составляющей любое современное социальное государство, особенно в России, существовать не может.

Коротко подводя итог, скажу, в чем я вижу смысл левого поворота на нынешнем этапе развития российской государственности. Он нужен для того, чтобы устранить политические факторы, способствующие взрывному росту социального неравенства, и начать проводить последовательный курс,

направленный на его сокращение. Разумеется, самым главным фактором, который должен быть устранен, является, на мой взгляд, сама путинская система с ее «силовым рейдерством», которое позволяет перераспределять национальное богатство внеэкономическим путем между лояльными режиму группами населения и в конечном счете сосредоточивать его в руках небольшой клики, контролирующей государство.

Немедленно после того, как это первое условие будет выполнено, правительство переходного периода должно будет решить вопрос о восстановлении общественного контроля над природной рентой. Как я описал выше, самый разумный и эффективный, на мой взгляд, способ сделать это — создание пожизненных накопительных страховых счетов граждан, на которые сырьевые сверхдоходы должны зачисляться напрямую в равных долях. Решение этого вопроса равнозначно по своей важности решению вопроса о собственности в ходе социальной революции в России начала XX века. Однако на этот раз он должен быть решен действительно в интересах всего народа, а не только его «передового отряда». Только это обеспечит временному правительству настоящую общенародную поддержку и создаст ту политическую подушку безопасности, под защитой которой можно провести все остальные назревшие экономические и политические реформы.

Глава 11. Как добиться экономической справедливости: национализация или честная приватизация?

Восстановление социальной справедливости в полном объеме невозможно без восстановления справедливости экономической.

Экономическая справедливость в широком смысле слова — важнейший элемент социальной справедливости. Но в более узком смысле слова она означает равенство не столько в распределении национального богатства, сколько в доступе к основным средствам его производства. То есть экономическая справедливость — это то, что уравнивает шансы людей стать богатыми.

Логика здесь простая: тот, у кого сосредоточены основные инструменты производства богатства, естественным образом получает такие мощные преимущества в их распределении, которые не могут быть компенсированы никакими последующими коррекционными мерами (налоги, субсидии и так далее).

Поэтому вопрос о собственности, то есть о том, в чьих руках и на каком основании находятся основные средства производства национального богатства, всегда имел, имеет и будет иметь самое существенное значение для общества. Его не удастся

проигнорировать ни одному правительству, пришедшему на смену путинскому режиму.

Нет нужды объяснять, что приватизация, которая началась в России в 1990-е годы и на самом деле не прекращается по сегодняшний день, привела к нарушению экономической справедливости, одномоментно создав глубокое и трудно устранимое неравенство в доступе к основным средствам производства для разных слоев общества. Это, во-первых, объективный фактор, с которым придется считаться любому будущему правительству (да и нынешнему тоже), а во-вторых, вызов, с которым ему придется бороться.

Добавлю, что, по моим наблюдениям, приватизация была и, видимо, остается для нескольких постсоветских поколений серьезной психологической травмой, которая оставила глубокий след в общественном сознании. Поэтому в любой кризисной ситуации вопрос о том, кому принадлежит основная часть национального богатства России и почему она принадлежит этим людям, будет обязательно всплывать на поверхность, и увернуться от ответа на него будет невозможно, да и незачем.

Глядя на события более чем четвертьвековой давности с высоты сегодняшнего опыта, я могу сказать, что считаю приватизацию — точнее, разгосударствление — советской экономики неизбежной и оправданной мерой, но полагаю, что она была осуществлена в неприемлемой для общества, экономически несправедливой и вредной для экономического и исторического развития страны форме.

Постсоветская приватизация де-факто предоставила преимущества в доступе к активам очень узкому кругу лиц, по разным причинам находившемуся в выигрышной позиции (наличие административного ресурса, доступ к свободным деньгам, образование, возраст и так далее). И наоборот: основная масса населения никакого реального участия в распределении этих активов принять заведомо не могла. Роль обычного человека была сведена к роли временного держателя ваучера, который он мог либо продать по предельно низкой и не отражающей экономических реалий цене спекулянтам-скупщикам, либо просто потерять как ценность,

оставив на память внукам как артефакт эпохи. Индивидуальные вложения в паевые инвестиционные фонды оказались мифом, который был развеян кризисом 1998 года.

При этом альтернатива выбранному методу приватизации была: это доказывает опыт гораздо более успешных приватизаций в Восточной Европе. Но решение, принятое тогда в России, было не столько ошибкой, сколько осознанным идеологическим выбором. Правительство ставило перед собой в качестве приоритета решение политических, а не социальных или экономических задач. Цель виделась в том, чтобы выбить почву из-под ног коммунистов, опорой которых были так называемые «красные директора», и сделать это за счет ускоренного создания нового «класса собственников».

Полагаю, что тогдашним российским руководством вполне осознанно был избран метод приватизации, который более всего соответствовал этим приоритетам. А то, что в итоге была нарушена экономическая и, как следствие, социальная справедливость, а также были созданы предпосылки для возникновения криминальной экономики и мафиозного государства, в тот момент мало кого интересовало. Все эти плоды поспели чуть позже, спустя полтора десятилетия, в основном уже при Путине.

Задолго до него власть умело дирижировала процессом приватизации, используя ее как инструмент для укрепления своего влияния на общество. А приватизация стратегически важных объектов априори была предметом политического торга, в рамках которого правительство решало свои собственные задачи, часто далекие от экономики. Не являлись исключением и залоговые аукционы, которые стали разменной монетой избирательной кампании 1996 года.

Уже к началу нулевых мне, как человеку, прямо и непосредственно участвовавшему в этой игре с государством на стороне бизнеса, стало понятно, что страна зашла в социальный и политический тупик, из которого надо выбираться, скорректировав результаты стихийной приватизации. Я стал говорить о том, что необходимо предпринимать срочные

и неординарные меры по восстановлению экономической справедливости.

Вскоре после прихода Путина к власти я обратился с предложением к тогдашнему руководству страны вернуться к вопросу о приватизации — в первую очередь, конечно, к вопросу о залоговых аукционах. Тогда я полагал, что проблему можно решить, введя разовый компенсационный налог для основных бенефициаров приватизационного процесса. Это могли быть взносы в специальный фонд экономического развития, измеряемые десятками миллиардов долларов.

К сожалению, моя инициатива не только не была поддержана, но и в числе других факторов поспособствовала моему аресту. Позднее мне, как и другим, стало понятно, что режим Путина не собирался корректировать итоги приватизации, а, напротив, планировал воспользоваться ими в своих интересах. Это укрепило меня в предчувствиях и в конечном счете привело к выводам, изложенным в статье «Левый поворот», написанной уже в заключении.

За более чем 15 лет, прошедших с момента публикации «Левого поворота», ситуация в России качественно изменилась, и то, что началось с политической ошибки, закончилось полноценной политической и социально-экономической катастрофой. Поэтому меры, предлагавшиеся мной в начале нулевых, сегодня представляются недостаточными. Нужны жесткие нетривиальные решения, а для проведения их в жизнь потребуются политическая воля и смелость.

По итогам двадцати лет своего правления главным бенефициаром запущенного в начале 1990-х годов процесса приватизации оказался Путин. Придя к власти, он и узкий круг приближенных к нему лиц, часть из которых была прямо связана с криминалом, приватизировали не отдельные объекты и даже не экономику, а само государство. Они превратили его в орудие личного обогащения, находящееся в коллективном пользовании.

Сегодня государство в точном, строгом смысле этого слова перестало в России существовать. Оно выродилось в гигантскую частную военизированную корпорацию, решаю-

щую проблемы своих главных акционеров. Известная теперь всему миру ЧВК Пригожина не что иное, как точный слепок путинского государства в целом, его микромодель. Государство в России не защищает общенациональные интересы, а обслуживает интересы управляющего им клана.

С первых же дней своего существования эта напоминающая государство корпорация занялась самым важным для себя делом — перераспределением собственности в пользу своих основных дольщиков. Этот процесс, растянувшийся на два с небольшим десятилетия, привел к тому, что основные национальные богатства России оказались под фактическим контролем очень небольшой группы лиц (не более нескольких сотен семей), являющихся стержнем знаменитой путинской вертикали власти.

Засчитанные годы Россия оказалась страной с самой большой концентрацией капитала. При этом капитал здесь неотделим от власти, а потеря доступа к власти неизбежно приводит к потере экономического влияния. Поэтому каждая околоставная бизнес-группа в России вертикально интегрирована во все структурные подразделения власти, особенно ее силовой блок. И наоборот: каждый бюрократический анклав выращивает под себя свою собственную бизнес-инфраструктуру. Деньги — это при путинском режиме всего лишь функция власти.

При этом можно с уверенностью говорить о коллективной собственности правящего клана на контролируемое им имущество. Современная экономика России управляется по принципу воровского «общака» — неважно, на кого записано имущество, важно, чьим оно считается «по понятиям». Красивой иллюстрацией этой схемы стала история со злосчастным дворцом в Геленджике, который по мере необходимости переходит из рук одного путинского приближенного в руки другого, но все прекрасно знают, что ни одному из них он не принадлежит.

Путин и его команда провели в России негласную дополнительную приватизацию, осуществив вторичное изъятие активов в свою пользу. Этой цели они достигли двумя путями. Во-первых, Путин «перевербовал» подавляющее большинство

старых «бояр», лидеров старой элиты — основных акционеров финансово-промышленных групп, возникших в 1990-е, — превратив их в зависимых от власти простых держателей активов, которые либо исполняют указания Путина, либо лишаются своего имущества. Во-вторых, Путин создал новое «дворянство» из своих денщиков вроде Сечина, Миллера, Ротенбергов или Ковальчуков, под непосредственный контроль которых была передана часть активов государства и активов, отобранных у строптивых «бояр».

Со временем разница между «боярами» и «дворянами» практически исчезла и имеет исключительно декоративное значение. Сегодня почти все, кто владеет крупными состояниями в России, находятся в полной и прямой зависимости от правящего политического клана, являются его неотъемлемой частью и де-факто лишь держателями имущества, принадлежащего клану в целом.

Эта мафиозная структура собственности несовместима с любыми претензиями на строительство в России какой-либо нормальной государственности, в основании которой лежал бы принцип справедливости. Она будет препятствовать такому строительству и сведет на нет усилия любого правительства, даже если эти усилия будут совершенно искренними.

Чем дальше, тем больше паразитическая коллективная собственность правящего клана превращается в непосильный груз для общества. В интересах российского общества, в интересах будущего России — устранить этот паразитический нарост, который мешает дальнейшему развитию. Это сегодня понимают многие, об этом говорят на кухнях и в курилках университетов. Это очевидный, хотя и временно скрытый политический императив эпохи.

Уничтожение собственности преступного сообщества, контролирующего российское государство, — вот чего потребует от любого переходного правительства народ в первую очередь, как только общество проснется. И правительство будет вынуждено это сделать, хочет оно того или нет. Но как это сделать, не повторив ошибок приватизаторов 1990-х, которые тоже, может быть, хотели как лучше?

Самый обсуждаемый и вроде бы самый очевидный путь — национализация. Казалось бы, простое решение — отобрать и отдать государству. Но куда мы в итоге попадем? Туда, откуда пришли, — в СССР середины прошлого века (в лучшем случае). Мы снова получим огромную неподъемную экономику, управляемую неповоротливым аппаратом чиновников, которые будут выбивать для себя привилегии.

После национализации чиновники снова станут номенклатурными олигархами, разве что формально не считаясь собственниками того имущества, которым управляют. Кончиться это может только одним — таким же кризисом, каким закончилась эпоха Советского Союза.

Существуют лучшие решения, которые просто не были опробованы. России нужна не национализация, а честная и справедливая новая приватизация. Задача переходного правительства состоит в том, чтобы создать платформу для такой будущей приватизации.

Все имущество преступного сообщества, называющего себя в России властью, при новом режиме должно быть экспроприровано. Альтернативы такому жесткому решению я лично не вижу. Пределы и основания такой экспроприации можно и нужно обсудить в будущем подробно, но они будут значительны. Все это имущество должно быть временно сосредоточено в фонде, находящемся под общественным контролем.

Туда же должно уйти «выморочное» имущество — предприятия, находящиеся под контролем зависимых от государства кланов и давно являющиеся на самом деле банкротами, которые остаются на плаву только за счет прямых и косвенных дотаций из государственного бюджета. По моим оценкам, и того, и другого наберется немало — до половины от объема совокупного национального богатства на сегодняшний день.

Самое сложное — не отобрать, а грамотно распорядиться отобранном. Полагаю, все конфискованное имущество надо не передать напрямую государству, то есть под управление чиновников, а сосредоточить в независимых паевых фондах, находящихся под непосредственным контролем общества. Этих

фондов, по-видимому, должно быть несколько — около десятка. Какие-то из них могут быть организованы по отраслевому принципу. Главным критерием должна быть экономическая целесообразность. Пайщиками этих фондов станут все совершеннолетние граждане страны.

Создание общенациональных паевых фондов из конфискованных активов — мера чрезвычайная и временная. Это разовый акт восстановления экономической справедливости. Поэтому бенефициарами этой меры должны стать ныне живущие поколения. Каждый гражданин должен получить свою долю во всех фондах (аналог ваучера). А вот распорядиться своей долей сразу гражданин не сможет — нужно будет объявить мораторий на отчуждение, чтобы стабилизировать ситуацию и, соответственно, стоимость долей. Нельзя допустить повторения истории тридцатилетней давности.

По истечении какого-то времени мораторий будет снят, и люди получат возможность продать паи и получить равную и достойную компенсацию. Те, кто не доживет до этого дня, должны иметь возможность передать права на свои паи по наследству — таким образом принцип справедливости не будет нарушен и для них. Продажа пая в период действия моратория должна допускаться только в особо исключительных случаях и на условиях, установленных специальным законом (как правило, при наступлении форс-мажорных обстоятельств).

До снятия моратория такие фонды будут работать как нормальные коммерческие предприятия, цель которых состоит в извлечении прибыли. Полученная прибыль должна будет реинвестироваться в фонды. Но часть ее может использоваться как дополнительное социальное страхование для пайщиков. Страховые случаи и размеры выплат в случае их наступления нужно будет устанавливать в законодательном порядке ежегодно, исходя в том числе из финансового состояния фондов. Скорее всего, речь будет идти о таких расходах, как дорогостоящее лечение, на которое сегодня государство и общество собирают деньги по принципу «с мира по нитке», хотя для дворцов и ракет средства всегда находятся.

Структура управления фондами должна быть двухуровневой. У каждого фонда должен быть наблюдательный совет, члены которого назначаются непосредственно парламентом. Функции наблюдательного совета будут ограничены, сводясь к назначению управляющей компании и принятию решений о приобретении или отчуждении основных активов. Продажа активов на каком-то этапе станет важным источником пополнения бюджета фондов, но это произойдет только тогда, когда для этого сложатся нормальные экономические условия.

Все оперативное управление должно быть сосредоточено в руках управляющих компаний, назначаемых по результатам тендеров, которые должны проводиться в соответствии со специальным законом. Цель управляющих компаний одна — эффективное управление и максимизация прибыли, из которой пайщикам выплачиваются дивиденды. Также они должны готовить при необходимости имущество фондов к будущей нормальной, экономически обоснованной, прозрачной и одобренной обществом приватизации.

Немедленная распродажа фондами экспроприированных активов нежелательна и нецелесообразна, так как распродажа имущества в условиях кризиса переходного времени может быть произведена только по неадекватно низким ценам, свидетелями чему мы все были в 1990-е годы. Поэтому имущество паевых фондов должно быть заморожено, а выход из них с компенсацией будет допустим только в исключительных случаях при крайних обстоятельствах. В дальнейшем, не ранее чем через 5–10 лет, должна быть проведена новая честная приватизация тех активов, приватизация которых будет признана целесообразной. Она и должна поставить точку в длительном споре о судьбе приватизации 1990-х.

Задача же переходного правительства состоит в том, чтобы вернуть прямой непосредственный контроль общества над его национальным богатством и уничтожить паразитическую собственность преступного сообщества. Если оно не справится с этой задачей, то вряд ли получит мандат доверия от общества на все остальное.

ЧАСТЬ II

КАК НЕ ЗАВЕСТИ СЕБЕ НОВОГО ДРАКОНА?

Если вдуматься, то дракон — это вовсе не зловредная личность, а аллегория на государство. Такое государство, где три его головы — законодательная, исполнительная и судебная — приделаны намертво к одному жирному коррумпированному туловищу всесильной бюрократической машины, которая благодаря единству своих голов может помыкать раздробленным обществом. Чтобы установить контроль общества над государством, необходимо, с одной стороны, объединить общество идеей гражданственности (то есть создать из толпы гражданское общество), а с другой — оторвать от бюрократического туловища все три властные головы и заставить их жить отдельно.

Сделать это не просто, потому что за много веков русского самодержавия головы так приросли к абсолютистскому туловищу, что ни они сами, ни кто-то вокруг не представляет, как сделать их независимыми. Переходный период как раз и дан для того, чтобы понять, как это сделать. Иначе это будет не переходный период, а операция по трансплантации голов дракона. Он ее переживет и после короткого реабилитационного периода вернется к исполнению своих обязанностей. Для того чтобы этого не случилось, обществу придется взять на себя ответственность за выбор при решении сложнейших дилемм, которые поставила перед ним русская история.

Глава 12.

Цивилизационный выбор: империя или нация-государство?

Последние полтысячи лет — еще со времен царя Ивана Грозного — Россия существует как империя, то есть страна, состоящая из частей, разных по своей культуре и социально-политическому устройству, объединенных между собой отнюдь не желанием жить вместе, а лишь вооруженной силой.

Все ныне живущие поколения и десятки поколений до них ничего иного, кроме империи, не видели и ни о какой иной форме политического существования не задумывались. А если империя вдруг ослабевала, обычно случались смута, разруха и гражданская война, приносившие больше бед, чем все изъяны империи вместе взятые.

Смуты каждый раз заканчивались созданием новых, еще более амбициозных и воинственных империй. На смену Московскому царству Рюриковичей пришла империя Романовых, а ее, в свою очередь, сменила империя большевиков. Между ними пролегли две страшные гражданские войны. Люди в России привыкли к империи, они доверяют ей, они видят в ней спасение от разрухи и неустройства общественной жизни.

А еще они не верят в себя, в свою способность жить без «царя» (неважно, как его зовут — император, генсек или президент) с его железной рукой, с его полицейскими, с его армией, с его чиновниками. Они не верят обещаниям тех, кто призывает их к свободе и демократии, потому что помнят на генетическом уровне: альтернатива империи — это смута, разруха и хаос.

Но пока Россия строила и ломала империи, снова строила еще более могущественные империи и снова их ломала, мир вокруг нее сильно изменился. Империи как форма организации народов стали уходить в прошлое, а им на смену пришли нации-государства, проще — национальные государства, то есть страны, где главенствует общая культура (язык, литература и бытовые привычки) и желание людей жить по одним законам и на одной территории (о не вполне успешных идеях последних лет типа мультикультурализма — позже).

Неожиданно Россия осталась чуть ли не единственной империей на планете, таким «последним из Могикан» Средневековья.

Россия сегодня окружена народами, которые организуют свою жизнь на совершенно иных принципах, чем империя, но не только не гибнут, а процветают. Хотя и у этих национальных государств хватает своих проблем, разрыв между ними и «последней империей» в экономическом и технологическом развитии, в уровнях образования и здравоохранения, просто в продолжительности и качестве жизни людей растет гигантскими темпами. С каждым днем эта пропасть увеличивается, и недалек тот день, когда разрыв станет катастрофическим, непреодолимым для одного или даже двух поколений.

Те, кому довелось родиться и жить на нынешнем «краю русской цивилизации» и на ком лежит ответственность за ее будущее, предстоит в ближайшие годы сделать эпохальный выбор между империей и национальным государством. Им предстоит ответить на вопрос: хотят они придерживаться традиции и будут поэтому пытаться любой ценой отстраивать свою умирающую империю или они готовы отказаться от традиции, выбросить империю на ту самую «свалку истории» и попытаться построить на ее месте собственное национальное государство?

Это воистину «гамлетовский вопрос», ведь речь идет о выборе между пусть и несовершенным, обреченным на смерть, но до малейшей детали известным старым миром и манящей, многообещающей и одновременно пугающей неизвестностью. Проблема нынешних поколений России не в том, что им не нравится такой выбор (это естественно: делать выбор в пользу гибели или изменений никому не нравится), а в том, что у них нет возможности его отсрочить и переложить ответственность за судьбу нашей, русской цивилизации на плечи детей и внуков.

Россия находится на цивилизационном перекрестке. Выбор между империей и национальным государством — это фундаментальный, цивилизационный выбор, который предвосхищает ответы на десятки других, тоже непростых, но менее глобальных вопросов, стоящих перед российским обществом на входе в XXI век. Если этот выбор не сделать сейчас или сделать неправильно, то детям и внукам уже не из чего будет выбирать.

Мой выбор для России — выбор в пользу национального государства, в пользу будущего, а не прошлого.

Россия моей мечты — это сплоченное внутренним цивилизационным единством объединение людей (различных по этническому происхождению), для которых общее важнее различий, а не империя, скованная снаружи стальным военно-бюрократическим обручем, как старая треснувшая бочка. Не исключаю, что Россия наших детей еще сможет со скрипом просуществовать в имперской оболочке. Но если мы хотим увидеть Россию внуков, то нам необходимо другое — государство, в основе которого реальное, а не нарисованное желание людей жить вместе внутри общего для них языкового, культурного, правового и политического пространства.

Я отвергаю ностальгию по империи, открытую или замаскированную под псевдодемократический и псевдолиберальный антураж. Создание российского государства-нации — величайшая историческая задача, которую русский и другие народы России настойчиво, но непоследовательно решали уже не одно столетие и которую необходимо окончательно решить усилиями ныне живущих поколений. Мы поставлены в такие

исторические рамки, когда откладывать это решение на потом больше не получится — сейчас или никогда. Или мы, или никто.

России нужно нечто большее, чем империя, удерживающая население в повиновении за счет внешней по отношению к обществу силы — армии, полиции и бюрократии, с помощью которых на ее территории создается видимость порядка.

Чем сильнее империя, тем она универсальнее, тем однороднее ее политическое пространство. Чем слабее — тем больше исключений из общих правил: одни законы для Москвы, другие — для Чечни, третьи — для Крыма и так далее. Единство империи иллюзорно и лишь символически воплощено в фигуре ее верховного правителя, неизбежно приобретающей сакральное значение: «есть Путин — есть Россия», и наоборот.

На смену символическому единству «политической народности», представленной «по доверенности» несменяемым «национальным лидером», должно прийти реальное единство нации, не нуждающейся в «царе-главжандарме» для безраздельного контроля над «подданными». Единство политической (гражданской) нации обеспечивается не снаружи, а изнутри, не при помощи армии чиновников, жандармов и просто армии, а за счет прямых политических связей, возникающих в свободном от диктата обществе.

Единство политической нации, в отличие от единства «политической народности», первично: оно не создается государством, а создает государство, конституирует его. Именно поэтому государство, созданное нацией (в отличие от государства, контролирующего народ), становится реально конституционным. Чтобы такое государство возникло, нужен консенсус (согласие) большинства в вопросе о базовых ценностях и принципах общественного устройства. Человек, согласившийся принять как свои собственные убеждения основные принципы конституции и готовый защищать их при необходимости с оружием в руках, становится гражданином, а народ, состоящий из граждан, становится нацией.

Народы России находятся на пути формирования российской нации, но еще не стали ею. СССР силился создать

новый субъект истории — советский народ. Однако, поскольку этот проект был частью тоталитарного коммунистического проекта, отрицавшего те базовые конституционные нормы, вокруг которых только и может сформироваться нация, он оказался провальным. Люди попросту отказались считать принципы коммунистического тоталитаризма своими.

Сегодня эту задачу предстоит решать заново, но уже в рамках конституционного поля, а не при помощи террора.

Нация-государство может возникнуть только вследствие свободного самоопределения народов России. Людям надо дать не бутафорскую, как в 1993 году, и не издевательскую, как в последующие годы, а реальную возможность принять осознанное и основанное на всесторонней информированности решение — готовы ли они жить в едином государстве по правилам, установленным общей конституцией, или же они захотят дальше делать историю самостоятельно, принимая на себя все связанные с этим выгоды и тяготы. Это серьезное испытание и большой политический стресс, но через него надо пройти: крепкий дом нельзя построить без фундамента.

Таким образом, создание национального государства в России требует последовательно совершить три исторически важных шага.

Шаг первый: решительный отказ от имперской парадигмы и создание условий для свободного выбора народов России.

Шаг второй: собственно акт учреждения новой России — принятие того решения, которое сто лет назад не смогло принять разогнанное большевиками Учредительное собрание. Возможно, для этого придется созвать новое Учредительное собрание, задействовав «спящую норму» действующей Конституции.

Шаг третий: проведение радикальной конституционной и судебной реформы с целью создания политической и правовой инфраструктуры для русского (или российского) национального государства.

Нация-государство — это государство всех народов России, которые выразят желание и волю стать его

соучредителями. Оно не имеет ничего общего с государством, предоставляющим привилегии по крови или по вероисповеданию. Но оно не может игнорировать тот простой факт, что политическое пространство, на котором оно возникло, было сформировано при деятельном участии русского народа и на базе его культуры.

Стыдливое замалчивание этого «исторического обстоятельства» так же ошибочно и неприемлемо, как и попытки извлечь из него некую политическую прибыль и получить неправовые привилегии для «титულიной нации».

Почти полвека в Европе подобного рода проблемы решались под лозунгом мультикультурализма. Эта практика сыграла большую роль в деле борьбы с ксенофобией и общего смягчения нравов. Но, как показывают события последних лет (особенно иммиграционный кризис), политика мультикультурализма не панацея. Ибо она зачастую игнорирует то объективное обстоятельство, что современные общества развиваются не в культурном вакууме, а в рамках определенных культурных традиций, возникших исторически. Эти традиции, цементирующие все остальные культурные элементы, заслуживают уважительного к себе отношения. Поэтому для России важно добавить в философию мультикультурализма принцип культурной интеграции, позволяющий гармонизировать отношения этносов и конфессий на базе их гибкой включенности в общее пространство русской культуры.

Свободное владение русским языком и знание основ российской истории и культуры, как и владение минимумом экономических, политических и правовых знаний, готовность на практике следовать действующим в российском обществе правовым нормам и традициям должны оставаться обязательными условиями получения российского гражданства.

Такие требования ничуть не ущемляют достоинство и интересы других народов России, каждому из которых будут предоставлены гарантии и условия для свободного развития языка их предков, этнической культуры и самоуправления на местном уровне.

Школа, да и вся образовательная система, обязана в качестве одной из своих важнейших функций иметь воспитание гражданина. Именно гражданина, а не послушного подданного очередного «самодержца».

Национальное государство в равной мере удалено как от империи с ее преданностью верховному правителю, обеспеченной кнутом и пряником, так и от «казацкой вольницы», так называемого несостоятельного государства, где каждый сам себе закон. Оно в первую очередь обеспечивает порядок и гарантии безопасности личности на более высоком уровне, чем это делает империя, где за фасадом законности скрывается произвол, часто мотивированный коррупцией.

В настоящем национальном государстве гражданин с гордостью идентифицирует себя сначала со своей страной, а уж потом — со своим этносом, родом, регионом, профессией.

Я провел месяц в одной камере с полковником Квачковым — профессиональным военным разведчиком, ветераном войны в Афганистане, прославившимся на всю страну после приписываемых ему попыток покушения на Анатолия Чубайса и даже военного переворота.

Мы — люди разных миров и разных взглядов, жесткие оппоненты, чтобы не сказать сильнее, но, когда мы обсуждали вопрос, почему наша власть и общество так боятся своего спецназа, а американцы — нет, он произнес слова, которые я помню и спустя полтора десятилетия: «Американский спецназовец рассматривает себя прежде всего как гражданина США и лишь потом как спецназовца. И это естественно: случись с ним что, он получит защиту именно как американский гражданин. А российский уверен в обратном: случись что — и от государства помощи не дождешься, в лучшем случае помогут друзья и сослуживцы. Поэтому наш офицер сначала спецназовец и лишь потом гражданин, а американец — наоборот».

Россию моей мечты переучредят граждане, желающие сами, вместе организовывать свою жизнь. Люди, для которых национальные интересы важнее их сословных, корпоративных или родоплеменных. Люди, которым вместе удобнее, чем врозь.

Глава 13.

Геополитический выбор: сверхдержавие или национальные интересы?

Выезжая за пределы московской кольцевой дороги (МКАД), как правило, очень быстро попадаешь в совершенно другую страну. Если Москва по благоустройству и сервису может поспорить с любой современной европейской столицей, то эта, другая Россия, где живут сто двадцать миллионов россиян, выглядит как иллюстрация к фильмам о послевоенной нищезе и разрушенной Европе. Трудно поверить, что перед тобой страна-победитель в войне, самой страшной и кровавой в истории человечества.

Как мы к этому пришли? Почему через тридцать лет после «победы» над коммунизмом и через двадцать лет бесменного нахождения у власти новой «элиты» с «холодными головами и чистыми руками», лет непрерывного и совершенно невообразимого нефтяного изобилия (цены превышали среднесоветские и раннероссийские втрое!) эта другая Россия лежит в руинах? Ведь потерпевшая поражение в войне Германия (ФРГ) уже к 1965 году, несмотря на оккупацию «страшными» американцами, превзошла по уровню жизни большую часть Европы, а ее промышленность в основном вер-

нула утраченные позиции. Почему же российская провинция, вроде бы никем не оккупированная, не стала жить лучше?

Причин много. Здесь и неумение управлять, и тотальное воровство, и вездесущий монополизм, но в том числе и серьезная ошибка в выборе политических приоритетов, выдвижение на первый план мессианской цели восстановления «сверхдержавы».

Эта новая «самодержавность» возникла не на пустом месте. Пытаясь любыми средствами предотвратить геополитический транзит Украины, российский правящий клан попутно открыл для себя залежи полезного ископаемого, более прибыльного, чем даже нефть или газ, под названием «величие России». С тех пор это, как кажется власти, неиссякаемое «топливо» добывается в России в промышленных масштабах. Оно стало идеальной заправкой для двигателя российской авторитарной власти.

По сути, в 2014 году в России произошла замена одного общественного договора другим. К старому соглашению «стабильность в обмен на свободы», действующему в России с 2003 года, Кремль сделал существенное дополнение — «величие взамен справедливости и достатка». Новый общественный договор звучит теперь так: величие и стабильность в обмен на свободы, справедливость и достаток. Величием России теперь оправдывают все мерзости режима — произвол, коррупцию, культурную деградацию, отсталость. Все это можно и нужно терпеть в обмен на возможность безнаказанно «кошмарить» Украину, гадить «америкосам» в Сирии и Ливии, размещать «наши» ЧВК по всей Африке и даже, по слухам, в Венесуэле.

Почему российское общество так легко пошло на эту сделку? Видимо, потому что оно было готово к такому повороту событий и даже ждало его с нетерпением. Показательно, что после «возвращения» Крыма большинство жителей России испытало настоящую эйфорию. Это была искренняя и неподдельная радость. Но случилась она не только потому, что люди увидели в присоединении Крыма восстановление исторической справедливости, а еще и потому, что они устали от поражений и соскучились по «победам». Им показалось, что возвращается не Крым, а сама Россия — такая, какой

они ее знали прежде. Это ощущение вернувшейся силы было для многих важнее, чем собственно радость от захвата Крыма, о котором до этого мало кто вспоминал — в основном лишь затем, чтобы съездить туда на отдых (хотя многие, если есть **возможность**, давно предпочитают Египет и Турцию).

В такой реакции нет ничего удивительного. Много столетий Россия была империей, и ее подданные воспитывались в имперской традиции. До сих пор большинству трудно даже представить, что имперскому мышлению существует альтернатива. Это не только российская проблема: другие бывшие империи сталкивались и продолжают сталкиваться с аналогичными вызовами (яркая иллюстрация этого — недавние события в Британии вокруг Брексита). Но в сегодняшней России, не так давно пережившей крах СССР, эти процессы оказались более разрушительными, чем где бы то ни было.

Рождение нового постсоветского мира протекало болезненно и сопровождалось тяжелыми испытаниями как для общества, так и для государства. Кроме естественных трудностей переходной эпохи добавилось негативное влияние многочисленных стратегических и тактических просчетов руководителей новой России. В результате произошло резкое схлопывание экономики, а с ним — деградация институтов и, как следствие, криминализация всех сфер общественной и государственной жизни. В ту пору страна не просто потеряла значительную часть своих территорий, но и надолго перестала играть сколь-либо существенную роль в мировой политике, переместившись с ее главной сцены в партер.

Поражение центрального правительства в чеченской военной кампании и фиаско российской внешней политики на Балканах стали двумя мощнейшими стимулами, разбудившими имперскую ностальгию. И то, и другое было воспринято обществом как национальное унижение. В итоге сформировался «версальский синдром» — подобное состояние общества было в Германии после поражения в Первой мировой войне.

Россия стала ошибочно воспринимать себя не с заслуженной гордостью, как страна, совершившая грандиозную

революцию и покончившая с коммунизмом во всей Европе, а как государство, проигравшее холодную войну.

Однако из этого неуникального постимперского кризиса можно было выходить по-разному — либо потратить все ресурсы на имитацию, создать иллюзию силы, видимость возрождения, за фасадом которого прячутся развалины все того же старого общества, либо пройти через глубокую духовную, социально-экономическую и политическую трансформацию и стать сильными по-настоящему.

Те же немцы освоили оба варианта: по одной дороге они пошли после Первой мировой войны, что привело их к национальной катастрофе, по другой — после Второй мировой войны, что привело к возрождению нации. Первый путь устремлен в прошлое, это путь реванша и милитаризма, насильственной реанимации изживших себя исторических форм. Второй — устремлен в будущее, это путь переосмысления и поиска новых решений.

К сожалению, в России реализовался не конструктивный, а реконструктивный сценарий. В начале XXI века правящий клан навязал обществу первый путь — реваншистский — и стал торговать «эликсиром величия». Сверхдержавный дурман сработал: несколько лет общество пребывало в состоянии непрерывного психоза, упиваясь своим мнимым превосходством над другими народами и ощущением мощи, несуществующей в реальности (особенно после просмотра знаменитых путинских мультфильмов о сокрушительном русском оружии). Однако усталость уже заметна, к тому же за все эти иллюзии Россия уже платит и будет платить в будущем непомерную цену.

Кремль хочет добиться величия России не развитием ее производительных сил, не расцветом образования и науки, не подъемом культуры, а исключительно с помощью грубой военной силы и ядерного шантажа. Он изощрен и избретателен в ведении своей «скифской войны» без правил, которую принято называть гибридной. С этой целью он нещадно использует доставшийся ему по наследству от СССР военно-технический потенциал, которого хватит еще на двадцать-тридцать лет, то есть как раз до конца жизни нынешних

правителей России. Что будет дальше — их не интересует. Но это должно заботить общество и ту часть элиты, которая способна смотреть выше горизонта собственной жадности и тщеславия.

Сегодня критика новоявленного посткоммунистического милитаризма осуществляется либо с общегуманистических (пацифистских) позиций, либо под углом зрения неисполнимости (утопичности) кремлевских замыслов — в том смысле, что Россия не потянет войну против всего человечества и убьет себя, как это сделал СССР.

Это и верно (в долгосрочной перспективе), и неверно (в краткосрочной и даже среднесрочной перспективе). В принципе, военные авантюры обходятся России не слишком дорого. Я могу с цифрами убедительно доказать, что пока военные провокации (за исключением Украины) были не очень обременительны для России, что «инвестиции», например, в Сирию по русским меркам довольно скромны, что Венесуэла тоже укладывалась во вполне подъемные деньги, а уж африканские эксперименты — и вовсе «малобюджетный вариант». Украина, конечно, стала не только преступлением, но и ошибкой.

Все это Россия вроде бы может себе позволить, не подрывая основ экономики, тем более если «нефть растет». Другое дело, что эта «третья мировая войнушка», в которую правящий клан пытается втравить страну, опасна не текущими расходами, а тем, что исключает для России шанс вписаться в экономику XXI века и обрекает ее на медленную цивилизационную смерть в технологическом и социальном тупике истории.

Западные страны исключили нас из мирового разделения труда в качестве равноправного союзника и безопасного партнера. Китаю мы, как конкурент на технологическом рынке, куда он рвется сам, совсем не нужны. А в одиночку мы, естественно, не вытягиваем даже самый минимум необходимых технологий. Нас просто слишком мало!

В этом смысле сверхдержавность — опасный миф, эксплуатация которого противоречит реальным интересам формирующейся нации. Но, повторюсь, в ближайшей перспективе эти проблемы не угрожают стабильности режима.

Главный вопрос — это вовсе не вопрос цены, а вопрос смысла. Был такой старый советский анекдот: «Армянское радио спросили: "Можно ли в Америке построить социализм?" Армянское радио ответило: "Можно, но зачем?"». Так и с кремлевской войной. Может ли Россия тактически переиграть Запад, сделать себя полностью изолированной от внешних влияний автаркией наподобие Северной Кореи и при этом распространить свой контроль на близлежащие территории? Ну, допустим, может — а зачем? Надо смотреть не на то, что случится, если затея Кремля провалится, а на то, что будет, если у него вдруг все получится. Вот где будет настоящая катастрофа, ибо победа Кремля в этой логике — это поражение России, и наоборот.

Итак, цель Кремля — размежевать с Западом (а затем и с Китаем) зоны влияния и распространить на соответствующие территории свой контроль, политический и военный, воздвигнув новый железный занавес. Вопрос: зачем стране, у которой самая большая территория в мире (практически необжитая) и очевидный демографический коллапс на носу, нужны новые контролируемые земли? Ведь контроль неотделим от ответственности и затрат, материальных и людских. Может быть, ей нужны полезные ископаемые? Но России дай бог разобраться с тем, что у нее уже есть. Может быть, ей нужны рынки сбыта высокотехнологичной продукции? Но производить такую продукцию (даже военную) без кооперации с тем же Западом, от которого как раз предполагается закрыться железным занавесом, Россия не может, а размежевание военными средствами такую кооперацию исключает. Так зачем же? В чем тут секрет?

В первом приближении ответ звучит так: сегодня Россией рулят люди с архаичным сознанием, застрявшие ментально даже не в прошлом, а в позапрошлом веке. У них довольно примитивное, «крестьянское» понимание целей политики, которое покоится на «трех китах» традиционной политической ментальности.

Во-первых, представление о том, что любые отношения с внешним миром — это «игра с нулевой суммой»: всегда есть «мы» и «они», и если «они» что-то выиграли, то «мы» ровно столько же проиграли, и наоборот. В такой игре

нет оттенков, есть лишь черное и белое, компромиссы — тактическая уловка, альянсы — военная хитрость, и вообще: у России лишь два союзника — армия и флот.

Во-вторых, представление о том, что важнее всего территория. Это основа силы, богатства, влияния. Чем больше территория — тем лучше. Цель любого политика — прирастить территорию. В рамках этой политической философии потеря территории — трагедия, а приобретение — безусловный позитив. Историческую значимость правителя оценивают по-прежнему в зависимости от его территориальных приобретений или потерь.

В-третьих, весь мир в представлении кремлевских стратегов разделен на четкие сферы влияния. Сферы влияния — это что-то вроде продолжения территории, пространство, на которое, пусть и ограниченно, продолжает распространяться суверенитет метрополии. Расширение сфер влияния есть безусловный императив внешней и внутренней политики государства. Все его функции должны быть приспособлены к достижению этой цели.

В эпоху постмодерна подобные традиционные взгляды подверглись существенной корректировке, но эта новость не успела дойти до Кремля.

Все основные игроки в современной политике и бизнесе уже давно играют по другим правилам. В их основе лежит не теория «игр с нулевой суммой», а **стратегия win-win**, уравнение Нэша — теория, по которой в сложных системах ни одна из сторон отношений не может выработать успешную стратегию, если другие стороны не согласятся изменить свои стратегии. Иными словами, в современном мире никто не может достигнуть весомого успеха в одиночку, играя против всех. Наоборот, только научившись взаимодействовать и договариваться со всеми другими по правилам, которые ты и сам берешься выполнять, можно заметно улучшить свое положение. Современный мир — это соревнование внутри установленных границ в интересах всех игроков. Тех же, кто хочет играть без правил, выбрасывают из игры.

К тому же в XXI веке при современных цифровых технологиях захват территорий отнюдь не является абсолютным

плюсом. Приращение может обернуться и существенным минусом, стать непосильным бременем. Расходы на поддержание порядка и систем жизнеобеспечения, на социальную и прочую инфраструктуру на оккупированной территории могут существенно превысить выгоды от приобретения.

Появились и давно эксплуатируются технологии, позволяющие «сбирать экономический урожай» с «чужих полей», не захватывая их при помощи военной силы. Размеры, число и высокий образовательный уровень населения агломераций становятся куда более важными показателями экономической и политической мощи, ибо свидетельствуют о большом потенциале страны. А вот с этим делом у нынешних российских стратегов совсем плохо. Россия быстро обезлюдивает и интеллектуально деградирует из-за выпихивания лучших голов из страны, и чем больше «войнушек», тем стремительнее идет этот процесс.

Наконец, в современном постмодернистском мире не осталось четких разграничительных линий и, соответственно, однозначных зон влияния. Одна и та же территория может находиться в зоне влияния нескольких стран и сама оказывать обратное влияние. Все относительно и все размыто. Внутри этих «серых зон» идет постоянная борьба и состязание. Как правило, попытка установить единоличный контроль над какой-нибудь зоной приводит к полной потере влияния в ней.

Самая яркая иллюстрация такой проигрышной стратегии — российская политика в отношении Украины начиная с 2014 года. Имея колоссальную историческую фору, Россия отказалась соревноваться с Западом за влияние на Украину и просто собственными руками превратила ее на десятилетия, если не навсегда, во враждебное государство — зону отчуждения между собой и Европой.

Означает ли это, что главным движущим фактором кремлевской политики является глупость? Лишь отчасти: еще более важную роль играет жадность. На самом деле правящий класс России не хочет воевать. За двадцать лет нахождения у власти его представители интегрировались в европейскую жизнь, как никто другой до них. Они вывезли в Европу детей, жен и

любовниц, обзавелись недвижимостью и банковскими счетами, стали любимыми клиентами европейских банкиров и щедрыми меценатами европейских политиков. Их именами названы кампусы десятков европейских университетов, они владеют модными галереями и торговыми домами. Они не чураются инноваций, особенно вдалеке от российских границ. Да, они не хотят свободы для России, но готовы пользоваться чужой свободой (и безопасностью) на Западе. В этом вся загвоздка.

Акт Магнитского, возможно, стал даже в большей степени спусковым механизмом «крестового похода» Кремля против Запада, чем события в Украине. Так называемая война с Западом, которая велась от имени России, по сути, была войной российского правящего класса за свои привилегии и прежде всего за право свободно тратить на Западе свои деньги. Это был своего рода примитивный шантаж. Россия не стремилась завоевать Запад (в Кремле понимают пределы своих возможностей), а хотела заставить его принять свои условия. Главное из них — вы не лезете в наши дела, не обращаете внимания на все, что у нас творится с правами человека и коррупцией, не мешаете нам тешить свои имперские амбиции в пределах зоны влияния приказавшего долго жить СССР и наслаждаться комфортом вашей европейской жизни. Сегодня все изменилось. Путин втянул Россию в войну, которая на долгие годы поставила российский правящий класс за рамки привычного для него положения в мировом сообществе. Теперь их место — это место северокорейской, иранской и других маргинальных элит. Но это ошибка или, точнее, результат эволюции Путина от ворюги к фанатику. Интересы элиты также остались за бортом.

А как это соотносится с национальными интересами России? Ответ: никак. Как понять, в чем они состоят? Давайте спросим себя: что мы хотим делать — бомбить Воронеж или восстанавливать Воронеж? Если бомбить, то нам ничего не нужно, тогда можно и повоевать с Западом. А вот если восстанавливать, пытаться сделать из города не Сталинград-1943, а подобие Монреаля, то нужно очень многое — и всему этому противостояние с Западом мешает. Нужны новые технологии,

крупные инвестиции, ноу-хау и грамотный менеджмент, нужны качественно новое образование и медицина, нужна нормальная конкуренция, без которой выбраться из застоя в принципе невозможно. Все это достигается только путем интеграции в мировую экономику, а интеграция и война несовместимы.

Многие критики нынешнего режима впадают в другую крайность, полагая, что национальные интересы России — какая-то пропагандистская химера и даже само это словосочетание «нерукопожатно». Но национальные интересы России объективно существуют и нуждаются в защите. Просто они не имеют ничего общего с узкоклановыми интересами «группировки из Ленинграда», захватившей власть в России и осуществляющей ее тотальную милитаризацию. Действительный национальный интерес России — ее скорейшая интеграция в мировую экономическую систему и перестройка внутренней жизни (экономической и политической) таким образом, чтобы страна могла занять в этой системе достойное положение.

Все, что способствует сегодня достижению этой цели, соответствует национальным интересам России. Все, что затрудняет достижение этой цели и откладывает на потом назревшие преобразования, противоречит этим интересам. Погоня за мнимым величием держиморды унижительна для истинно великой России, которой есть чем гордиться, помимо атомной бомбы.

Кремль и его приспешники хотят изолировать Россию от Запада, но при этом интегрироваться в западную жизнь в личном качестве. Для этого им нужен статус военной сверхдержавы. Национальные интересы России прямо противоположны — устранение изоляции страны и, наоборот, изоляция всех тех, кто пытается, угрожая войной, сохранить свои феодальные привилегии, в том числе право безнаказанно красть деньги дома, а тратить их на Западе. Они хотят Россию закрыть, чтобы красть и обманывать вечно, а мы хотим Россию открыть, чтобы этого никогда больше не происходило.

Глава 14. Исторический выбор: Московия или Гардарика? *(Гардарика — Гайдар тут ни при чем)*

Независимо от того, будет Россия империей или национальным государством, сосредоточится в будущем на обустройстве собственной жизни или израсходует жизнь на реализацию очередной утопии планетарного масштаба, перед грядущими поколениями особняком встанет вопрос о централизме российской власти. Должна ли российская политическая система оставаться строго централизованной, с максимальным сосредоточением едва ли не всех полномочий в единой точке — в руках московского федерального правительства, или ее надо децентрализовать (возможно, даже искусственным путем) и создать, пусть и с большими усилиями, множество точек принятия политических решений согласно установленной компетенции на разных уровнях?

И то, и другое возможно в рамках либеральной и демократической модели, так что вопрос не снимается сам по себе отказом от авторитарной системы. В теории и на практике демократическое государство может быть и сильно централизованным (Великобритания, Франция), и в значи-

тельной мере децентрализованным (США, Германия). Так что нам придется выбирать, что именно больше подходит для России, исходя из ее культурного наследия и специфики новой уникальной исторической задачи, которую ей предстоит решать. И выбор этот отнюдь не прост и не однозначен. Не в последнюю очередь потому, что он идет поперек глубоко укорененной политической традиции.

Дело осложняется тем, что централизм — священная корова русской политической ментальности. Покушение на него чревато рисками. Россия во всех трех предшествующих цивилизационных ипостасях (Московия, империя и СССР) была гиперцентрализованным государством. Традиция положена Московией, усилена Петровской империей и доведена до предела империей коммунистической. Замечу, что ни в девяностые, ни в нулевые ничего существенно не изменилось. То есть историческое движение на протяжении последних пяти-шести сот лет было только в сторону еще большей централизации, но никогда не вспять. В этом смысле, несмотря на многократную смену эпох, Россия по-прежнему остается Московией.

Укорененный в массовом сознании централизм как политический принцип парадоксальным образом объединяет и сторонников, и противников нынешнего российского режима. Среди последних фанатов максимальной централизации власти, ее сосредоточения в руках национального правительства (то есть в Москве) ничуть не меньше, чем среди апологетов режима. И хотя мотивы у этих политических сил совершенно разные, но к идее децентрализации власти они относятся с одинаковым скепсисом и подозрительностью.

Для правящего Россией клана централизм — это вопрос качества контроля над ситуацией, вопрос сохранения политического и экономического статус-кво. Для него гиперцентрализация — инструмент подавления любых угрожающих сложившемуся политическому укладу вызовов и местных возмущений. Естественно, что для него централизм — главное условие сохранения стабильности режима, зависящего целиком и полностью от эффективности работы

централизованного репрессивного и пропагандистского аппаратов. Это также вопрос управления ресурсами, необходимыми для содержания этого аппарата.

Для оппозиции централизм — это гарантия защиты граждан от произвола местных элит, которые представляются ей оплотом реакционной политики. В исторической памяти еще не стерлись итоги эксперимента юного царя Ивана IV (впоследствии Грозного) по внедрению начал местного самоуправления. Тогда вместо воевод власть на местах захватили крепкие «мужики-горланы», произвол которых оказался хуже всего того, что народ привык терпеть от царских воевод. В результате эксперимент пришлось прервать в начальной фазе.

Может быть, поэтому многие идеологи русского либерализма придерживались мнения, что децентрализация власти в России неизбежно превратит ее в «большую кущевку», нечто вроде конфедерации полукриминальных княжеств, в каждом из которых установится авторитарный бандитский микро-режим. По их мнению, противостоять этим губительным процессам может только «прогрессивная» доминирующая роль центральной власти в лице федерального правительства, находящегося под контролем «правильных» политических сил, то есть победивших либералов-западников.

Поэтому ряд российских либералов выступают, как и реакционеры, за сохранение жесткой централизации. У них главное разногласие лишь в том, кто должен контролировать единый центр и какие сигналы этот центр должен посылать на места. По мнению лоялистов, централизованная власть должна обеспечивать стабильность и тормозить изменения, а по мнению части либералов и демократов, она должна продвигать сверху вниз необходимые стране реформы.

Аргументацию либеральных сторонников централизма можно было бы считать весьма убедительной, если бы не одно но: в столь огромной стране, как Россия, централизм рано или поздно, но неизбежно, порождает авторитаризм.

Не выходит долго поддерживать в стране работоспособную модель демократии, сохраняя при этом высокую

степень централизации власти. Какой бы либеральной ни была изначально централизованная власть победивших «прогрессивных сил», через короткое время она ею быть перестает и снова становится авторитарной.

Причина, по которой сохранение в России гиперцентрализации порождает воспроизводство авторитарной модели, достаточно очевидна. Централизм предполагает необходимость постоянного перераспределения ресурсов в пределах огромной страны (иначе у него просто не будет материальной основы). Это означает обслуживание огромных финансовых потоков, для чего необходим огромный бюрократический аппарат. А он, в свою очередь, неизбежно нависает над обществом, не имеющим средств контроля над ним и инструментов защиты от него.

Цепочка простая: централизация — перераспределение ресурсов — огромный обслуживающий аппарат — подавление гражданского общества.

Иными словами (это очень важно), в российских условиях централизация неизбежно порождает самодержавие, и наоборот.

С какими бы инновационными идеями ни приходили к власти в России «революционеры-централисты», они скатывались и будут скатываться в одну и ту же наезженную историческую колею: навязывание изменений сверху — создание мощного аппарата централизованной власти — необходимость концентрации ресурсов для обслуживания этого аппарата — превращение аппарата в силу, помыкающую обществом — формирование авторитарного (в лучшем случае) режима — необходимость новой революции.

Возникает вопрос: как вырваться из этого замкнутого круга, как избавиться от авторитаризма централизованной власти и не стать при этом заложником власти местных бандитских кланов?

Ответ вроде бы лежит на поверхности — децентрализовать власть, усилив контроль со стороны общества, что означает баланс и разделение властей, мощную оппозицию с гарантиями ее участия в контроле за властью, независимые СМИ.

Но как это сделать в стране, у которой почти не было подобного политического опыта по крайней мере последние пятьсот лет?

Пожалуй, децентрализация политической системы — наиглавнейшая из всех политических задач, стоящих перед той коалицией сил, которая не на словах, а на деле стремится к демократическим преобразованиям в России.

Однако задача эта очень сложна: невозможно одним прыжком преодолеть пропасть и оказаться сразу в «децентрализованном раю». В российской политической системе накопилось слишком много архаичных наслоений, слишком трудно привести их к единому знаменателю и велик риск того, что в погоне за идеальным можно оторваться от реальности и свалиться в пропасть. Но и не прыгать нельзя, ибо рано или поздно вся эта архаика разорвет страну по швам.

Поэтому двигаться надо сразу двумя эшелонами: готовить почву для тектонического сдвига и принимать временные, компромиссные меры — пусть и несовершенные, но все же отчасти решающие проблему.

Но что может быть прообразом для этой новой системы? Ответ, как ни странно, можно найти в давнем прошлом России, еще более далеком, чем привычная точка отсчета истории российской государственности — Московское царство.

Сегодня силы реакции, объединившись, толкают нас в прошлое и видят свой идеал в государстве, созданном московскими князьями. Но наша история не исчерпывается «татарщиной» и созданной на ее основе Московией. Была и другая Русь. Она была страной самоуправляемых и весьма независимых городов — Гардарикой (в былинные времена так называли ее пришедшие с Севера викинги). И хотя потом эти города потерялись на бескрайних просторах русской цивилизации, именно Гардарику нам нужно сегодня поставить на место Московии как принципиально иную систему государственного устройства, альтернативную жесткой централизации.

Города всегда были краеугольными камнями развития европейской цивилизации и по сей день остаются главными

точками роста новой всемирной универсальной цивилизации. Но теперь речь идет не просто о городах, а о мегаполисах, где компактно проживают миллионы людей. Именно мегаполисы как принципиально новый формат социальной организации превратились сегодня в двигатели мировых технологических, экономических и вообще культурных перемен.

Стратегически уже в среднесрочной исторической перспективе Московия с ее единственным доминирующим центром принятия политических решений должна быть преобразована в мегаполисный политический мультицентризм. То есть в идеале основу государственного устройства России должен составить политический союз городов-мегаполисов. Это резко расширит границы политического класса и выведет его за пределы МКАД.

Существенное отличие современного мира от прошлых веков состоит в уменьшении числа точек роста и сосредоточении их в крупнейших мегаполисах, где имеется достаточная для этого концентрация людей и инфраструктуры (мегаполис — пространство относительно компактного проживания людей, где до центра можно добраться быстрее чем за час). Окружающее пространство при этом преобразуется в сервисное поле вокруг этих точек роста. В перспективе именно на развитие в России городов-мегаполисов с населением от 3–5 до 15–20 миллионов человек как раз и должен быть сделан упор.

Вопрос не просто технический, а скорее политический: сколько таких центров необходимо и сколько мы можем себе позволить? В этом суть перспективного стратегического планирования (если, конечно, мы не согласны просто плыть по течению реки времени, а хотим управлять своим движением).

По моему мнению, таких центров в России может быть не более двадцати. На большее элементарно не хватает населения. В будущем мегаполисы станут территориальными центрами: столицами новых структурных образований — земель.

Речь идет о создании новых экономических и политических единиц — кирпичиков новой России, которая будет строиться снизу вверх, а не сверху вниз, как до сих пор.

Эта новая сетка когда-нибудь заменит существующее областное (республиканское) деление.

Убежден: на каком-то этапе исторического развития нам в любом случае потребуются радикально изменить нынешнее территориально-государственное деление России, частично корнями уходящее в древнюю историю страны, а частично ставшее результатом волюнтаристских решений и сиюминутных интересов.

Возможно, нам вообще придется отказаться от губернно-областного деления, каким мы его знаем уже почти три века. Это деление возникло естественно-историческим путем, стихийно, в процессе непрерывной русской колониальной экспансии. Оно закрепляет неравномерность развития, фиксирует мирное сосуществование между богатыми регионами, каждый из которых мог бы стать отдельным европейским государством, и бедными регионами, живущими лишь за счет дотаций из центра и абсолютно не готовыми к самостоятельной жизни не только в экономическом, но и в самом широком культурном смысле слова.

Да, в мире нет ни одной страны, где все регионы выстроены под линейку: везде есть контраст — лидеры и аутсайдеры. Но всему есть мера. Нельзя надолго впрямь в телегу современной нации-государства постиндустриального «коня» и трепетную родоплеменную «лань». Нивелирование уровней развития регионов, подтягивание аутсайдеров к лидерам — абсолютная политическая необходимость. Подтягивание самых отсталых регионов, пока неспособных исполнять политические функции субъекта Федерации и по факту не являющихся таким субъектом, тяжкая, но неизбежная задача.

Однако с наскаку этого не сделаешь. Ситуацию надо подготовить, развивая мегаполисы как потенциальные (перспективные) административно-политические и экономические центры, готовя их к новой роли (и начинать надо с качественного, настоящего университета, задающего и формирующего уровень будущего мегаполиса). На эту работу уйдет немало времени.

Но что же делать сейчас? Ведь если положиться только на перспективный рост мегаполисов, то до светлого будущего можно попросту не дожить. Программа глубинной реструктуризации территориально-государственного устройства России может занять десятилетие, а то и больше. Если в эти годы структура власти останется такой же централизованной, как сейчас, то никакой перспективы вырваться из плена авторитаризма и экономического отставания у России не будет. Значит, параллельно с выстраиванием совершенно новой системы надо заниматься и реформированием системы существующей — по «временной схеме».

Как подступиться к существующей реальности? Истории известны два главных инструмента эффективной децентрализации власти — самоуправление и федерализм. Оба пока мало исследованы в России. Хотя формально они упомянуты в Конституции, но в действительности не применяются и служат лишь бутафорскими украшениями политической системы. И мы можем только догадываться, как будут действовать в России настоящее самоуправление и настоящий федерализм.

Россия никогда не была реально федеративным государством. Федерация была политической формой легитимации частичной автономии колоний по отношению к метрополии. Федеративная модель в России никогда не работала, и никто толком не знает, может ли она работать здесь в принципе. В СССР она была эффективна лишь постольку, поскольку наряду с показной федеративной моделью советской власти действовала страхующая ее жестко централизованная машина партийной власти (*real deep state*), на которую федеративный принцип не распространялся.

Самоуправление в России имеет вроде бы серьезные корни и в досоветский период играло важную вспомогательную роль на низовом уровне управления империей (в сельской местности). С середины XIX века стали развиваться и более сложные формы самоуправления (земства). Но в советский период всякое самоуправление было уничтожено, и традицию можно считать прерванной. В постсоветский период ничего нового

здесь создано не было. Поэтому и переход к самоуправлению надо начинать с базового, нулевого уровня.

Тем не менее что-то является базой, от которой надо отталкиваться, а что-то — элементом мягкой политической доводки (настройки). На мой взгляд, ключевое условие, которое затруднит сваливание в наезженную колею авторитаризма, — опережающее развитие местного самоуправления. А вот развитие федерализма станет дополнительным, вспомогательным фактором. Причина — в относительной легкости выстраивания общественного контроля над структурами власти «шаговой доступности» и создание на этой базе демократической традиции.

Основными подходами к развитию местного самоуправления должны быть защищенный бюджет и компетенция. Понятие «совместная (или смешанная) компетенция» — это от лукавого. Это серая зона, где всегда выигрывает центр. Самоуправление, конечно же, предполагает и ответственность. Это политическая технология замкнутого цикла: четко определенная компетенция, собственная доходная база, управление — выбранными должностными лицами, отвечающими за результаты управления перед выборщиками, и ответственность самих выборщиков перед собой за собственные ошибки, которую нельзя переложить на вышестоящий уровень.

Очевидно, что регионы, как и люди, не равны, и в такой огромной стране, как Россия, без перераспределения ресурсов не обойтись. Но делать это надо не скрытно, не через запутанные статьи общего федерального бюджета, а через абсолютно прозрачный единый фонд развития регионов. Поэтому вопрос о его прозрачности требуется решить отдельно.

Доступ к субсидиям должен быть справедливым и стимулирующим собственное развитие. Субсидии не предмет политического торга и не способ оплаты «правильного голосования».

С помощью опережающего развития местного самоуправления гнилая палка власти преобразуется в пирамиду — и самоуправление станет основанием этой пирамиды. То есть вся нынешняя система будет поставлена с головы на ноги.

Люди должны научиться решать проблемы на том уровне, где они возникают. Ни одна демократия в мире не существует без этого базиса. Правило простое: своя компетенция, свой бюджет, свое, избранное руководство.

Другой полюс — вершина пирамиды, центральная власть. Центральная власть должна быть функционально субсидиарной (дополняющей) по отношению к местному самоуправлению, а не наоборот: она не решает проблемы на местах вместо органов местного самоуправления, а устанавливает правила игры и следит за их неукоснительным соблюдением. Иначе в фундаменте пойдут трещины и возникнут те самые бандитские анклавы.

Кроме того, центральная власть решает национальные (общие) проблемы, для чего у нее есть собственная защищенная компетенция и достаточный ресурс, в том числе централизованный бюджет. Центральная власть в России должна быть очень сильной, чтобы удерживать правила и порядок «на поле», но она должна быть ограничена таким образом, чтобы у нее не было соблазна «приватизировать поле» и «съесть» компетенцию местного самоуправления.

И здесь возникает дополнительная проблема. Если центральная власть слишком слаба, она не удержит страну. Но если центральная власть слишком сильна, она подавит местное самоуправление, подомнет его под себя.

Чтобы отрегулировать силу центральной власти, чтобы она не могла сломать установленный порядок, де-факто отобрав полномочия у органов местного самоуправления, ее надо искусственно уравновесить изнутри дополнительным (горизонтальным) сечением разделения властей. Этот встроенный в центральную власть дополнительный регулятор и есть федерализм. В такой огромной стране, как Россия, он необходим именно для того, чтобы лучше соблюдался баланс между центральной властью и самоуправлением.

Сам смысл слова «федерализм» сегодня сильно замутнен многолетними наслоениями советской пропаганды.

Федерализм — это специальный механизм организации государственной власти, где наряду с вертикальным сечением

(классическое разделение властей) есть дополнительное горизонтальное сечение, так называемая конституционная сделка, которая предоставляет возможность этим двум уровням государственной власти действовать на одной территории, но полностью автономно (то есть устанавливая собственные правила) в одной или нескольких сферах компетенции.

У федерализма, о котором идет речь, нет ничего общего с нынешним фейковым федерализмом. В будущем он будет привязан к мегаполисам как центрам новых субъектов. Но начать надо с реформирования отношений в рамках существующего государственно-территориального деления.

В будущем мегаполисы станут столицами «земель», обладающих необходимыми административными и политическими атрибутами региональной субстолицы с привязанной к ней нарезкой судебной системы, военных округов и так далее. Земли будут иметь собственное законодательство в рамках доставшейся им компетенции. Приблизительный перечень земель и их столиц можно спрогнозировать уже сегодня, ориентируясь на сложившиеся тенденции развития регионов. Их можно готовить к своей новой роли, в том числе и проводя целенаправленное и системное укрупнение существующих субъектов Федерации.

В России жизнеспособной может быть только объемная система: сильное центральное правительство, мегаполис как региональный субцентр и сильное местное самоуправление. Если выпадет одно или другое звено и система станет плоской, а не объемной, то она неизбежно сорвется либо в традиционный авторитаризм, либо в смуту с угрозой распада государственности на атомы. Базовый из этих трех элементов — самоуправление. Основой самоуправления должен быть защищенный местный бюджет и компетенция.

Старая модель управления Россией — это и есть Московия, страна одного города-государства. Новая модель, необходимая России, чтобы стать современным государством, — Гардарика, страна многих городов, берущих власть в свои руки. Гардарика против Московии — вот спор, который в конечном счете во многом решит судьбу России.

Глава 15. Политический выбор: демократия или опричнина?

А зачем, собственно, если вдуматься, нужна демократия, то есть система власти, основанная на регулярных всеобщих выборах и разделении ветвей власти? Зачем это нужно вообще и России в частности?

Ответ вовсе не очевиден. Или, скажем так, очевиден не для всех. В российской либерально настроенной оппозиционной среде бытует мнение: мол, все и так прекрасно понимают, что демократия — это хорошо, а кто не понимает — тот притворяется. Но это глубокое заблуждение.

Ведь даже в самой либеральной среде встречаются ярые антидемократы, убежденные, что демократия — это удел избранных. А уж в нелиберальной среде противники демократии в России вообще преобладают, просто не все из них высказываются на эту тему определенно, предпочитая отмалчиваться. Поэтому вопрос, должна ли Россия быть по-настоящему демократическим государством, до сих пор остается открытым.

Проще всего было бы списать «демоскептицизм» на косность или малокультурность, но все обстоит гораздо сложнее.

Во-первых, среди противников демократии немало высокообразованных интеллектуалов, а не только оболваненные режимом обыватели.

Во-вторых, есть много реальных проблем в функционировании современной демократии, которые сегодня дискредитируют ее в глазах людей с самыми разными политическими взглядами.

В-третьих (и это, пожалуй, самое главное), в России демократический опыт мизерный, тогда как противоположный ему опыт авторитарного правления обширен и по инерции внушает многим гораздо больше доверия.

При этом надо иметь в виду, что Россия — это «атипичная диктатура». Русский авторитаризм по-своему уникален и не раз демонстрировал свою способность к модернизации. По мере эволюции российская политическая система сформировала собственный оригинальный ответ на вызовы истории, который можно условно назвать перманентной опричниной. Эта система не так примитивна, как многим кажется.

Суть опричнины — в разделении власти на внешнее и внутреннее государство, где внутреннее государство контролирует внешнее и является скрытой политической силой.

Изобретенная еще Иваном Грозным, опричнина претерпела множество видоизменений. Внутреннее государство называлось в разные времена по-разному (двор, компартия, кооператив «Озеро»), но суть оставалась прежней: на регулярное государство поверх всех его законов и институтов накладывалась сетка неформальной власти, не прописанной никакими законами, — власти надсмотрщиков, стоящих над законом и живущих за счет привилегий. Это специфическое российское «вечное Средневековье» — меняющееся, постоянно приспособляющееся к новым условиям, но так никуда до конца и не исчезающее.

В историческую память народа вшито представление о магической силе этого «Средневековья», и люди помнят,

что попытки уйти от привычной парадигмы заканчивались каким-нибудь «смутным временем».

Здесь не надо никакой пропаганды, это первая рабочая ассоциация российского массового политического сознания. Поэтому феномен повторного увлечения сталинизмом, о котором сегодня много спорят, нельзя воспринимать упрощенно, лишь как следствие обольщивания людей телевизором. У него довольно глубокие корни, не говоря уже о том, что у значительной части общества симпатии к Сталину и его методам управления страной сохранялись даже во времена самого «разгула демократии». Конечно, эта часть общества отнюдь не всегда вела себя так же агрессивно и беззастенчиво, как сегодня, но своим принципам она не изменяла ни на йоту.

В основе таких стойких симпатий — вера в эффективность сталинских методов управления, особенно если необходимо быстро мобилизовать ограниченные ресурсы для достижения конкретного результата.

Весомая часть общества в России и сегодня убеждена в наличии у сталинизма модернизационного потенциала — и это реальность, с которой приходится считаться. Разговоры о Сталине и даже Иване Грозном как об эффективных менеджерах велись в России задолго до появления Путина, просто им не придавали значения, отмахивались как от ерунды. Выясняется, напрасно. Нужны не эмоции, а аргументы. Пока первых больше, чем вторых.

Возражения по существу, которые либеральная часть общества выдвигает против сталинизма, а значит, в пользу демократии, сводятся в основном к двум позициям: этической и экономической. Этическая позиция напоминает о «цене вопроса» — миллионах жизней, которыми была оплачена сталинская «победа». Экономическая позиция констатирует: уже полвека спустя страна распалась на части, не в последнюю очередь потому, что явно отстала в своем экономическом развитии от демократических стран.

Аргументы этического порядка сталинисты обычно парируют тем, что демократия тоже отнюдь не всегда являлась

на свет в белых одеждах: мол, и демократические революции нередко сопровождались массовыми жертвами. На аргументы экономического порядка сталинисты отвечают, что роковое отставание произошло потом, уже в послесталинскую эпоху.

Кому-то может показаться, что они правы и модернизационный потенциал тоталитарного общества по-настоящему безграничен. Но это впечатление быстро улетучится, если принять в расчет длительные исторические циклы.

Действительно, и Петр I, и Сталин достигли некоторых экономических высот, взнуздав страну. Но уже к концу их жизни, через одно-два поколения после начала реформ (то есть через двадцать-сорок лет), начиналась непреодолимая стагнация, корни которой уходили именно в «эпоху великих побед». В конечном счете эти «победы» — как следствие революции — и оказывались причиной системного отставания. Из-за авторитарной природы модернизаций Россия развивалась от революции к революции, по алгоритму «шаг вперед и два шага назад». И с веками маятник потрясений раскачивался только сильнее. Сравнить надо не авторитарную модернизацию с архаикой, как это у нас обычно делается, а эффективность авторитарной и неавторитарной модернизаций на длительных отрезках времени.

Там, где господствовала демократия, развитие шло более равномерно, с меньшими колебаниями исторического маятника, что на больших отрезках времени давало обществу огромную фору. Терпение людей не истощалось под гнетом автократии, не выплескивалось в кровавую гражданскую, не превращалось в истощающую апатию под бессменным правлением геронтократических лидеров, а просто одни политики мирно менялись на других, один политический курс сменял другой, и общество галсами шло против ветра различных жизненных невзгод.

В итоге при всех жертвах, положенных на алтарь авторитарной модернизации, Россия каждый раз, снова и снова оказывалась в положении догоняющей. В этом положении она находится и сейчас. Стратегически, если смотреть не себе

под ноги, а вдаль, на долгую историческую перспективу, для России альтернативы демократии не существует. Иначе рано или поздно очередной размах революционного маятника просто уничтожит Россию как государство. Амплитуду этого маятника можно погасить только с помощью демократии. Но вот вопрос: какая именно демократия нужна нашей стране и как ее выстроить с минимальными издержками?

Задачу придется решать сразу на двух уровнях. Во-первых, России необходимо выстроить демократический фундамент — сделать то, что уже давно сделано в западной части Европы.

Но не только наверстать упущенное, но и учесть те новые вызовы, ответы на которые ищут современные западные демократии, испытывающие сегодня серьезные затруднения. Нельзя сначала создать демократию образца XIX века (а именно это все и пытаются делать) и тут же начать ее перекраивать.

Демократическая классика нормально уже не работает нигде: ее время ушло. В информационном обществе бессмысленны и бесполезны механизмы политической мобилизации, изобретенные в середине XIX века. Мы каждый день видим, как стагнирует партийная система, не способная более исполнять свои функции. В России придется сразу строить демократию XXI века, перепрыгивая две ступени за один раз и доказывая правоту евангельской заповеди о последних, которые могут стать первыми.

Что значит «создание фундамента демократии» в России? В мире есть сотни определений демократии и десятки разных ее теорий. Не стану пытаться сформулировать принципиально новый взгляд на предмет или повторять какие-нибудь банальности. Так или иначе, демократическим будет признан тот строй, где в принятии политических решений последнее слово принадлежит обществу, включая все его меньшинства. Не части общества, имеющей право голоса по некоему цензу (материальному, образовательному, этническому и так далее), а всему взрослому и дееспособному населению страны.

В этом отношении демократизм стран, где имеется слишком много «неграждан», всегда будет оставаться для меня

под вопросом, несмотря на все исторические предпосылки такого положения вещей.

Сразу оговорюсь, что речь идет не о воссоздании, а о создании такого строя впервые в истории России — здесь, у нас право решающего голоса обществу фактически не принадлежало никогда. Ни в самые «вегетарианские» давние времена (включая короткий период между Февральской и Большевицской революциями: не будем путать анархию с демократией как организованным процессом), ни в такие спорные годы недавней истории, как девяностые.

Отсутствие ярко выраженных политических репрессий является необходимым, но отнюдь не достаточным признаком демократии.

Российская политическая система была в конце 1993 года (после вооруженного столкновения со сторонниками Верховного Совета) абсолютно осознанно сконструирована таким образом, чтобы вывести фигуру президента за рамки провозглашенного, но так и не реализованного в жизни разделения властей. В этом плане Конституция посткоммунистической России не ушла далеко от конституционных законов самодержавной империи. Все это в итоге и привело к тотальной деградации государственности в России: к сосредоточению власти в руках президента и его окружения, а впоследствии — к восстановлению неототалитарного режима.

Итак, основополагающий вопрос при создании в России демократии: как втолкнуть верховную власть в систему разделения властей, включить ее в общий баланс сдержек и противовесов, поставить *deep state* под контроль общества, а то и вовсе ликвидировать его сакральное значение? Это чисто институциональная задача, которая может и должна быть решена конституционно-правовыми методами в рамках общей политической реформы.

Возможно, на данном этапе лучший способ ее решения — переход к парламентской демократии. Так или иначе, в России не должно оставаться политической институции (как бы она ни называлась), которая

возвышается над всеми другими ветвями власти и имеет полномочия, не уравновешенные симметричными полномочиями других ветвей. Только в этом случае «золотая акция» демократии останется у общества, а не будет экспроприирована группировкой, близкой к верховному правителю.

Но даже если реализовать столь глубокую институциональную реформу на практике, сделает ли это Россию успешным и демократическим государством?

Ответ не выглядит простым: демократическим — да, успешным — нет. Причина такой неоднозначности — в тех системных вызовах и сбоях, с которыми демократия сталкивается сегодня повсеместно. Не только в России, но и во всем мире, в том числе на Западе — в своей альма-матер. Просели прежде всего электоральные механизмы, в основе которых работа «партийных машин». В условиях развитого информационного общества партии перестали быть единственными и даже главными инструментами политической мобилизации.

В наши дни такими инструментами стали компактные и мобильные группы активистов, не имеющие широкого представительства в массах, но способные при достаточном ресурсном обеспечении очень быстро установить с ними контакт через современные медиа и направить движение масс в желательном для себя направлении.

При этом возможные источники ресурсного обеспечения в современном мире весьма диверсифицированы и с трудом поддаются публичному контролю даже в обществах с устойчивыми демократическими традициями и стабильными государственными институтами.

Значение этих перемен в функционировании демократии неоднозначно. С одной стороны, они делают политическую систему более динамичной, адаптивной и, естественно, открытой. С другой — открывают широчайшие возможности для манипуляции общественным сознанием, провоцируют нездоровый популизм и тем убивают саму суть электорального процесса. Пока не очень ясно, как научить демократию работать в принципиально новых условиях. Одно ясно совершенно:

если выстроить в России лишь «демократию вчерашнего дня», то, вопреки всем усилиям и понесенным жертвам, она не заработает и весь проект окажется провальным, еще не начавшись. А сама идея демократии дискредитируется еще больше.

Выходит, у России нет иного выбора, кроме как попытаться стать не просто демократическим, а самым передовым демократическим обществом, при созидании которого задействованы новейшие политические технологии. Трудность в том, что подсмотреть, как это делается у других, тоже особенно негде. Мы обречены вновь стать страной социального и политического творчества. В который раз! И происходит это не по нашей собственной воле. Просто у других есть возможность потянуть время, поэксплуатировать имеющийся политический капитал, а у России такой возможности нет: нам и так, и так надо строить демократическую систему почти с нуля, а значит, совершенно по-новому, на свой страх и риск, полагаясь больше на свою интуицию, чем на чужой опыт. Эту проблему недооценивают некоторые российские либералы-западники, слишком догматически относящиеся к подходам, наработанным в Европе.

Кроме «обязательной программы» демократии, сводящейся в первую очередь к грамотному исполнению «институциональных реформ», призванных разрушить российское самодержавие системой разделения властей, Россию ждет большая демократическая «произвольная программа», от качества исполнения которой в значительной мере и зависит общий успех. И эта программа не будет простой. Степень сложности демократической системы должна быть адекватна степени сложности современного общества.

Позволю себе аналогию. И в мелком торговом предприятии, и в гигантском международном концерне действует один и тот же принцип — акционеры (участники) принимают главные решения большинством голосов. Но механизм реализации права большинства у этих фирм разный. Гигантский многопрофильный концерн не может управляться так же, как маленькая лавка. В нем заложено множество специальных

механизмов, предотвращающих возможность совершения большинством ошибок (на деле довольно частых), механизмы, гарантирующие права меньшинства, но мешающие ему тормозить работу предприятия и злоупотреблять своими правами.

Так же и в государстве: демократия — это очень сложная система (возможно, более сложная, чем авторитарная власть), причем это всегда «индпошив» под конкретную страну и исторический момент.

Сделать такую работу для огромной, территориально, культурно, природно-климатически разнообразной России непросто. Отсюда и мысль, что надо экспериментировать с парламентскими формами, допускать асимметрию и, конечно, выводить как можно больше решений вниз, децентрализовать все, что поддается децентрализации. Надо исходить из того, что реальной, классической партийной системы в России как не было, так уже никогда и не будет. Стало быть, электоральный механизм мы выстроим вокруг чего-то другого — того, что приходит ныне на смену традиционным партиям.

Ко всему этому надо готовиться сейчас, незамедлительно разворачивая дискуссию о политической форме будущей российской демократии, не откладывая поиск решений на потом, потому что «потом» времени уже не будет. И это должны быть не пустые заклинания о пользе демократии и не треп о ее общих принципах.

Это должен быть разговор о деталях с привлечением экспертов и максимально широкого круга «интересантов», ведь именно в демократических деталях прячется авторитарный дьявол. Его-то мы и просмотрели в «самой лучшей» Конституции 1993 года. Нельзя, чтобы эта ошибка повторилась.

Глава 16. Экономический выбор: монополия или конкуренция?

Стоит произнести слово «монополия», а тем более «конкуренция», как все, кто не имеет отношения к экономике или бизнесу, теряют интерес к теме: ну вот опять двадцать пять! Естественные монополии, неестественные привилегии... Сколько можно?! Всем же все (как всегда, впрочем) и так ясно: монополия — плохо, конкуренция — хорошо. Зачем толочь воду в ступе? Но, оказывается, есть зачем. Монополия и конкуренция — это вовсе не об экономике, точнее, и об экономике тоже, но лишь чуть-чуть. Это скорее об образе жизни и о способе мышления. По сути, речь идет о двух разных взглядах на общественное устройство в целом, а значит, это и о политике, и о социальной сфере, и об идеологии.

Есть некий закон сообщающихся социальных сфер: если у нас монополия в экономике, то рано или поздно наступает авторитаризм в политике, патернализм в социальных отношениях и какой-нибудь тоталитаризм в идеологии. Это происходит потому, что и монополия, и все сопутствующие ей социальные и политические состояния — следствие определен-

ных социокультурных доминант. Свойственных, в частности и в особенности, российскому обществу. Настоящая демонополизация возможна только при изменении этих доминант, иначе мы просто заменим одну монополию другой.

Монополия и конкуренция не абсолютные противоположности, не полные антагонисты, как многие упрощенно себе представляют. И в то же время они обречены на вечное противостояние. Нельзя полностью устранить ни монополию, ни конкуренцию. Они лишь способы борьбы порядка с хаосом. Это инструменты организации социального пространства. В чем-то хорош один, а в чем-то другой.

Возьмем, например, монополию государства на легальное насилие. Сегодня — общепризнанная правовая норма, но в исторической ретроспективе это совсем не так, а в исторической же перспективе, судя по расширяющейся сфере применения всяческих «Вагнеров», — кто его знает.

В практическом плане есть две стратегии борьбы с хаосом: путем его заморозки с помощью иерархии (вертикали) власти — жесткий подход; путем его организации (маршрутизации) с помощью «правил движения» — мягкий подход.

Именно поэтому нельзя путать конкуренцию с «войной всех против всех»: организованная конкуренция призвана, как и монополия, бороться с этой войной, но иными средствами.

Монополии всегда в той или иной степени естественны. Укрупнение капиталов и связанное с этим укрупнение производства вызваны в первую очередь потребностями повышения производительности труда. Во всяком случае, до самых последних лет производительность труда росла по мере укрупнения бизнеса. Это связано со множеством причин, и не в последнюю очередь с тем, что в рамках крупного предприятия легче сформировать алгоритмы труда и внедрить систему контроля, позволяющую исправлять ошибки исполнителей. Разумеется, такие обстоятельства, как концентрация ресурсов и связанная с этим стрессоустойчивость, тоже имеют значение.

Даже самые продвинутые стартаперы, как правило, видят успех своего детища в его продаже одному из транснациональ-

ных гигантов. Но одновременно по мере развития монополий эта же самая производительность труда начинает снижаться, так как пропадают стимулы к усовершенствованию производственного процесса: зачем что-то менять, когда и так хорошо. А в результате чуть раньше или чуть позже любой гигант перестает быть эффективным.

Таким образом, укрупнение бизнеса положительно, когда оно находится под контролем, и отрицательно, когда оно выходит из-под контроля. Самый простой способ поставить монополию под контроль — развивать конкуренцию, то есть заставлять субъектов крупного бизнеса соревноваться между собой, оставаясь в рамках строго установленных правил, за соблюдением которых следит государство-арбитр.

Подходы здесь более или менее известны и универсальны. После того как та или иная монополия начинает контролировать более тридцати процентов рынка, настает время вводить наблюдение, чтобы предотвращать злоупотребления. При достижении уровня шестидесяти процентов рынка надо принимать меры по снижению доходности монополии, стимулируя других производителей товаров и услуг. Все это напоминает бесконечную борьбу с оледенением — надо непрерывно сбивать слишком большие сосульки.

Монополизация на рынках — это своеобразный герпес: победить нельзя, но можно держать в подавленном состоянии за счет хорошо работающего политического и экономического иммунитета. Но, в отличие от герпеса, укрупнение не болезнь, а естественная эволюция, и его нельзя не использовать.

Формы при этом бывают разные, необязательно такие прямолинейные, как в Европе и США. Например, в Корее существует монополия «Самсунг», которую государство, можно сказать, крышует. Но это же самое государство ставит «Самсунгу» жесткие условия, требуя, чтобы не менее шестидесяти процентов продукции шло на внешний рынок. И если условия не выполняются, то следуют жесткие санкции. Такую политику можно назвать заместительной терапией конкуренции. Другими средствами, но проблема контроля над монополией решается.

Ситуация резко меняется, когда частная монополия становится государственной и оказывается в руках госкорпораций. В этом случае ни рыночная, ни заместительная терапия больше не работают, а конкуренцию выжигают административным напалмом.

Ни одно частное предприятие не способно конкурировать с консолидированной силой государства как собственника и государства как контролера. Кто не знает, как это работает, пусть внимательно изучит мусорный и строительный бизнесы Генерального прокурора России. Не может быть речи и о том, чтобы один чиновник мог эффективно контролировать другого чиновника (а все руководители госкорпораций по определению являются крупнейшими чиновниками). Чем заканчивается даже намек на такой контроль в России, все видели на примере «дела Улюкаева»: он заканчивается на мясокомбинате, где производят «колбаски от Сечина».

В России монополизм укоренен исторически, поэтому тут у него довольно много приверженцев. Почти вся промышленность создавалась по инициативе государства с участием государства и под контролем государства (даже если инициатива и была коррупционно мотивирована будущим собственником). Разумеется, монополия была важнейшим инструментом государственной индустриализации. После большевистской революции она стала ее единственным инструментом. Монополизм был доведен до абсурда, возведен в такой ранг, которого он не имел до этого ни в одной крупной экономике мира. В конце концов этот монополизм и погубил СССР, сделав его экономику неэффективной и неконкурентоспособной.

После распада СССР на исторически короткий промежуток времени Россия в значительной мере освободилась от монополизма, но при этом так и не смогла организовать нормальную конкуренцию. Экономические и политические институты посткоммунистического общества не поспевали за масштабными вызовами эпохи. В итоге общество свалилось в штопор — ту самую войну всех против всех, которую

монополии и конкуренция должны предотвращать. В начале нулевых, вместо того чтобы продолжить создавать конкурентную среду, было принято стратегически ошибочное решение начать восстанавливать монополию. Но это оказалась монополия особого рода, которой Россия прежде не видывала.

При коррумпированном сверху донизу авторитарном режиме, лишенном к тому же всякой реальной идеологической базы (вместо которой используются какие-то ржавые скрепы), монополии стали исключительно инструментом обогащения кланов, присосавшихся к власти. Монополиями режим рассчитывается с этими кланами за их политическую лояльность. То есть монополии — это самая конвертируемая валюта посткоммунистической России. Власть вместо денег раздает монополии: сначала на добычу нефти и газа, затем на дорожные сборы, затем на все подряд. Теперь, судя по недавним сообщениям, дело дошло до сортиров. Неудивительно, что и эта важная отрасль экономики досталась семейству Генпрокурора Чайки: им по профилю.

Справедливости ради, надо признать, что в России и раньше было мало предпосылок для успешного развития конкуренции, поэтому создание конкурентной среды — непростая задача для любого правительства, включая то, которому предстоит строить новую Россию, когда уйдет в небытие нынешний режим. Такими предпосылками обычно являются готовность к кооперации, широкий радиус доверия и иные атрибуты буржуазного общества — все то, что входит в веберовский протестантский этический код. В России подобный этический код, к сожалению, так и не прижился.

Вопреки расхожему мнению о том, что русские — природные коллективисты, исследователи даже с противоположными взглядами на судьбу России обращали внимание на патологический индивидуализм (по Ильину — федерализм), свойственный русским людям.

Чтобы гасить этот вечный избыточный русский индивидуализм, всегда использовались очень суровые меры, в том числе и повсеместное распространение монополий. Со временем

монополии стали в России в значительной мере исторически обусловленным способом выживания за счет существенного подавления инициативы. Знаменитая русская насильственная «соборность» — лишь реакция на неспособность «мягко» гасить индивидуализм с помощью общих правил. Но у этого способа есть и свои исторические ограничения: с какого-то момента он просто перестает работать.

Монополии как метод преодоления хаоса сейчас вообще практически везде уступают конкуренции. Но в России с ее тяжелым культурным наследием конкуренция просто не успевала развиваться настолько, чтобы справиться со своей миссией. Каждый раз находился самодержец, который пытался решить накопившиеся проблемы на пути монополизации. Результат? Низкая эффективность и огромные издержки.

Петр I создал централизованную, почти целиком зависимую от государства промышленность. Большевики довели эту тенденцию до логического конца, оставив в живых только государственную плановую экономику. Чего это стоило и чем закончилось, напоминать, думаю, излишне. Это был всегда грубый, жесткий и неэкономный инструмент, но он веками как-то работал.

Почему это не работает сейчас? Потому что в ситуации развитого информационного общества монополия как основной метод регулирования социального пространства себя практически исчерпала.

В условиях, когда все общественные отношения многократно усложнились, а успех все больше зависит от действий одного-единственного индивида или малых групп, поддерживать динамическое развитие общества через механизм монополий становится практически невозможно. У России нет другого пути, кроме перехода от экономики монополий к экономике конкуренции. Но сделать это непросто.

Преимущества конкуренции не так очевидны, хотя эмпирически подтверждается, что конкуренция бьет монополию. Это доказал опыт экономического развития практически всех крупных экономических систем: США,

России, Китая. Гибель советской системы во многом на совести тех, кто не распознал вовремя губительных свойств монополизма. Рискну предположить, что если бы эволюция советской системы пошла по линии Шелепина — Косыгина, а не Брежнева — Сулова и косыгинские реформы были бы реализованы в полном объеме, то финал СССР мог быть иным.

Но дело все-таки не столько в эмпирическом опыте, сколько в самом принципе. Конкуренция — более эффективный метод структурирования любого социального пространства, превосходящий монополию по своему потенциалу. Конкуренция — это индивидуальная игра, организованная по общим и неукоснительно соблюдаемым правилам. В них как бы вшиты две стороны одной медали: свобода действий игроков, свобода выбора ими вектора движения и одновременно наличие предустановленных правил, которые нельзя менять по своему желанию или просто игнорировать. То есть в конкуренции главное — это правила, соблюдая которые игрок сохраняет широкую свободу выбора.

В монополии, наоборот, главное — это приказы. В условиях монополии свобода есть только у одного субъекта — того, кто единолично устанавливает и правила, и маршрут. Именно за счет сочетания двух элементов — порядка и свободы выбора — конкуренция оказывается более эффективной, чем монополия. Психологически именно конкуренция, а не монополия является более естественной: она более соответствует природным инстинктам человека.

Из такого понимания конкуренции следует, что формирование правил и исполнение правил — ее существенные моменты. Конкуренции не будет, если «одни будут равнее, чем другие». Но этого мало.

Нужен равный и справедливый доступ к процессу формирования правил, ибо если правила дают кому-то преимущества, то конкуренция превращается в свою противоположность — скрытую монополию и хаос. Таким образом, настоящая конкуренция возможна только при развитом

гражданском обществе и политическом (правовом) государстве. Эти вещи идут в наборе, как «комплексный обед». Если над экономикой нет надстройки в виде конституционного правового государства, то выстроить экономику на конкурентных началах невозможно.

И здесь мы подходим наконец к самому главному. Есть страны типа Южной Кореи, где монополия частной компании, находящаяся под контролем конституционного государства, работает эффективно. Есть страны типа Швейцарии или Норвегии, где госкорпорации, находящиеся под контролем демократического государства, работают весьма эффективно (например швейцарские железные дороги). Но нет стран, где государственная или частная монополия, находящаяся под контролем авторитарного и коррумпированного государства, работает эффективно. Такое сочетание на входе есть почти всегда Венесуэла на выходе.

Коррумпированная несменяемая власть (политическая монополия) плюс экономическая монополия — это гарантированная катастрофа.

По сути, такой комплект является злокачественным образованием. Многочисленные «клановые клетки» разрывают в клочья государственную ткань, стремясь урвать себе какую-либо из монополий. Пришел Сечин — получил «Роснефть». Пришли Ротенберги — получили «Платон». И так, как в матрешке, до самого низу, до последней Куцевки. Все эти монополии возникли благодаря коррумпированной власти и не могут без нее существовать. Возникает коррупционный замкнутый круг «власть — монополия — власть», разорвать который может только революция. И так будет бесконечно, пока не возникнет альтернативная модель — политическая конкуренция, превращающая экономические и социальные монополии в конкурентные процессы, которые, в свою очередь, воспроизводят политическую конкуренцию.

Глава 17. Социальный выбор: левый или правый поворот?

Деление на левых и правых — одно из самых укоренившихся в современной политике и одновременно одно из самых расплывчатых. Ныне левым или правым называет себя кто угодно, левая и правая повестки становятся неразличимы до степени смешения, как любят выражаться юристы. Крайне правый Трамп пришел к власти с программой, во многом построенной на левопопулистских стереотипах.

Путин, когда-то перехватив у коммунистов их левую «антиолигархическую» повестку, потом проводил в основном жестко правую политику в интересах бюрократии и новой олигархии. Определить, кто есть who в современной политике, оказывается совсем не просто.

С тех пор как принадлежность к левому или правому лагерю определялась по рассадке в зале французского парламента, утекло много воды. «Левизну» и «правизну» определяли по-разному.

Обычно левыми считаются ревнители госсобственности, фанаты «большого правительства» и регулируемой экономики,

поборники высоких налогов на имущих и обильных преференций для неимущих. В противоположность им, правыми обычно называют себя энтузиасты свободного рынка, адепты «маленького правительства», любители раздавать «удочку вместо рыбы», убежденные, что Христос, накормивший толпу, мог бы обойтись и тремя хлебами вместо пяти, лишь бы не увеличивать государственный долг.

В рамках своей задачи ограничусь рабочим пониманием левого и правого, пусть оно и не будет полным. Мне кажется, что в основе деления на левых и правых лежит отношение к равенству. Для левой политики характерно стремление к усилению равенства и подавлению неравенства. Правой политике свойственно признание неравенства, прежде всего имущественного, **но и всякого другого, и попытка стимулировать неравенством экономическую активность.**

Разумеется, это крайние, «чистые линии». Между ними множество смешанных форм — лево-правых и право-левых. Но суть где-то здесь.

Ни в обществе в целом, ни в экспертном сообществе нет однозначного отношения к проблеме равенства (не надо путать с равноправием). Поэтому нет и не может быть однозначного отношения к левой и правой политике. Отношение к неравенству, как и мода, склонно к сезонным колебаниям. Когда уровень фактического неравенства в мире начинает расти, как сейчас, растет и соответствующая обеспокоенность. Появляется море исследований, иллюстрирующих ужасающие экономические, социальные и политические последствия неравенства. Соответственно, растет популярность левой идеологии.

Когда повсюду торжествует уравниловка и от этого падают темпы экономического роста, а бедность, ради борьбы с которой эта уравниловка и вводилась, начинает перехлестывать через край, возникает не меньшее море исследований о вреде равенства и пользе неравенства. Соответственно, растет популярность правых взглядов.

Из этого можно сделать незамысловатый вывод, что окончательной, абсолютной истины нет ни в левой,

ни в правой идеологии. Они как движение парусной лодки против ветра: чтобы плыть вперед, надо двигаться галсами — то чуть направо, то чуть налево. А это, в свою очередь, означает, что смена правого и левого курса — процесс циклический и в общем-то закономерный. Искусство политики отчасти в том и состоит, чтобы уловить момент, когда надо переключаться с движения налево к движению направо, и наоборот.

Особенность нынешнего исторического периода в том, что момент такого переключения опять созрел. Но в силу усложнения экономики и политики, расширения ее многомерности стало очень трудно определить, с чего на что надо переключаться — то ли справа налево, то ли слева направо. В ситуации неопределенности появляются «временные лидеры» с расплывчатым идеологическим профилем, такие как Трамп, Джонсон, Сальвини, Путин — то ли левые, то ли правые. Никто толком не разберет, какой на самом деле вектор у их политического курса. Возможно, в этом и есть их цель, потому что они хотят нравиться как можно большему количеству людей (и пока с этим справляются). Но вечно так продолжаться не может: в какой-то момент на сцену выйдут политики с четким профилем.

Кто же стоит сегодня на пороге и стучится в двери мировой политики? Левые или правые? Ответ на этот вопрос не так очевиден, как кажется. На первый взгляд, Европа, да и не только она одна, в ожидании долгожданной победы так называемых ультраправых сил. Это и Ле Пен во Франции, и «Альтернатива» для Германии, собственно, в Германии, и «Северный альянс» в Италии, и так далее. Это так очевидно, что новоявленный «русский царь» решил построить из этих сил очередной «Священный союз» для защиты традиционных европейских ценностей. Но для меня очень большой вопрос, насколько все эти силы, позиционирующие себя как правые, привержены правой идее. Ведь большинство так называемых правых идут с латентной левой повесткой в рукаве. А причина, по которой они так преуспели в политическом покере, кроется в том, что настоящие левые временно сошли

с дистанции, заблудившись в дебрях миграционной политики и тем самым освободив правым свое исконное место.

Что же так смущает традиционных левых и даже заставляет их тесниться, уступая место на пьедестале правым, продвигающим левые идеи? Ответ лежит на поверхности: традиционная левая повестка оказалась смазана наложенной поверх нее миграционной повесткой. Корнями все это уходит в раскол традиционной базы левых идей и выделение из нее (базы) «новых бедных» и «непрощенных бедных». «Новые бедные» — это «относительно бедные», то есть люди, качество жизни которых несопоставимо выше, чем у действительно бедных людей прошлого, но которые ощущают себя слишком бедными на фоне растущих доходов «новых богатых» и проникаются нищенским самосознанием. «Непрощенные бедные» — это действительно бедные, в основном иммигранты, временно и нелегально трудоустроенные, находящиеся вне защиты закона. Доля таких людей в развитых экономиках мира огромна. То есть проблема левых с традиционной повесткой в том, что их социальная база уходит из-под ног. Бедные стремительно превращаются в «новых бедных», готовых воевать сразу на два фронта — и против богатых, и против «непрощенных бедных». А поскольку, как известно, самая жестокая конкуренция разгорается на паперти, война против «непрощенных» занимает умы «новых бедных» даже больше, чем война против богатых. Все это блестяще продемонстрировал «казус Корбина» в Великобритании: даже сверхрадикальная социальная повестка лейбористов не смогла перебить тему Брексита в глазах их традиционного избирателя, что привело к неудаче лейбористов (вместе с консерваторами) на выборах в Европарламент.

В этот пролом и хлынула правая волна. Правые, взяв на вооружение псевдолевую повестку, воспользовались замешательством традиционно левых, не определившихся четко в вопросе иммигрантов, и обеспечили себе значительный успех. Однако есть основания предполагать, что этот успех носит временный характер. И вовсе не потому, что левая

идея имеет какую-то особую, сакральную силу: просто сейчас, после нескольких десятилетий политики правых, вызвавшей резкий рост неравенства и социального расслоения, востребована левая повестка. Следующий длинный цикл будет посвящен борьбе с неравенством, а не наоборот. Потом будет что-то другое, и кто-то поднимет флаг «правого дела». Но здесь и сейчас в западном мире нас, скорее всего, ждет глобальный «левый поворот», о чем в разных форматах я не устаю говорить последние пятнадцать лет.

Таков общий фон. А что же Россия? Как это все отражается на ее перспективах? Россия, как всегда, в тренде, но здесь все еще более запутанно, потому что на расклад между левыми и правыми накладывается не столько нелюбовь к иммигрантам, сколько, во-первых, ностальгия по социализму, который сплошь и рядом путают с социальным государством, и, во-вторых, реальные рудименты социализма, отпечатавшиеся в основном характере российского общества.

СССР представлял обществом, в котором отсутствовало неравенство. Это и так, и не так. В абсолютных цифрах различие между положением простого рабочего и члена Политбюро было не столь велико, особенно если брать во внимание сегодняшние стандарты. Но в относительном выражении различие между стратами советского общества было колоссальным и постоянно росло. До самого последнего момента этот рост идеологически сдерживался и не выходил на поверхность через демонстративное потребление и его пропагандирование. Но когда коммунизм приказал долго жить, ситуация вышла из-под контроля, и Россия предстала страной с одним из самых высоких уровней неравенства. **Неправильно говорить, что неравенство возникло в девяностые, но именно в девяностые оно в результате неумелых действий вышло на поверхность и взорвало социальное перемирие.**

В XXI век Россия вошла страной с одним из самых высоких в мире индексов неравенства (в США похожий). Разрыв в доходах и образе жизни различных социальных страт выглядел еще более недопустимо с учетом давней

советской привычки людей хотя бы к внешнему равенству. Все это привело к тому, что продвижение в какой-либо демократической форме правой идеи в России начала нулевых стало практически невозможным. На фоне резко возросшего социального расслоения и при очевидно усилившейся ностальгии по советскому прошлому любая идея, прямо или косвенно оправдывающая дальнейшее расслоение общества, была бы отвергнута массами с ходу.

Возник сложный выбор: либо правая идея, под знаменем которой проводились постсоветские экономические реформы, включая возврат права частной собственности, либо демократия, формирование которой было смыслом и целью политических реформ. В тот конкретный момент исторического развития правая идея и демократия в России вместе уже не сочетались.

Именно тогда, находясь в условиях, способствующих переосмыслению многих привычных стереотипов и позволяющих взглянуть на вещи под неожиданным углом зрения, я предложил реформаторским и демократическим силам — всем, кто нацелен не на прошлое, а на будущее и видит Россию современной модернизированной страной, — сделать однозначный выбор в пользу демократии и сменить знамя. Понимание того, что общество больше не примет правую идею (хотя ее потенциал в России не был исчерпан и работа, которую следовало провести под этим знаменем, не была и близко доведена до конца), заставило меня выступить с призывом к «левому повороту».

Предлагая совершить крутой маневр, я не становился сторонником коммунистических и левацких идей. Речь шла о другом: пришло осознание, что социальное расслоение общества достигло угрожающих масштабов и оно более обществом не принимается, что в такой стране, как Россия, вообще изначально было утопией придерживаться при проведении реформ чисто либертарианских взглядов, что государство не может далее оставаться в этом вопросе сторонним наблюдателем и должно принять экономиче-

ские и политические меры, направленные на выравнивание наметившегося социального дисбаланса, что это значит, в конце концов, что с мечтой о «маленьком государстве» в России надо распрощаться и надо учиться нормально управлять нормальным государством и контролировать его.

К сожалению, многие из тех, к кому был обращен мой призыв, его не услышали. Впрочем, по независящим от меня причинам я не мог активно участвовать в этой дискуссии и больше наблюдал за ней со стороны. Так или иначе, но основной костяк сил сопротивления ползучему авторитаризму и неототалитаризму — те смелые, порой до отчаяния, люди, которые не пошли на компромисс с режимом и продолжили идейную и политическую борьбу за права человека, против произвола власти и за демократические ценности, — оставался на правых, даже либертарианских позициях, пропагандируя ценности свободного рынка, преимущества капитализма и прелести «маленького государства». Возможно, это было справедливо, но в той обстановке вряд ли уместно и практично.

Ситуация усугублялась тем, что при отсутствии реально сколь-нибудь значимой левой идеи в России было и осталось полным-полно левацких и псевдолевых идей. Идеологическое и политическое пространство полно деятелями, паразитирующими на советской ностальгии старшего поколения и продающими левую идею как социальный транквилизатор. Неудивительно, что у изрядной части критически настроенного формирующегося гражданского общества выработалась идиосинкразия к самому слову «левый» — все левое стало отвергаться априори как элемент советской архаики. В результате место оказалось вакантным.

Как известно, свято место пусто не бывает, и на левую идею нашелся самый неожиданный «покупатель» — правящий режим. Если те, к кому я обращался, меня не услышали, то в Кремле очень хорошо осознали ценность левой идеи. Правда, я полагал, что ее надо соединить с демократической идеей, а в Кремле ухватились за левую идею, наоборот, как за инструмент свертывания демократии и выстраивания

постсоветского авторитаризма. Под прикрытием популярных лозунгов борьбы с финансовой олигархией Кремль начал развертывать фальшивую левую программу, на словах стремясь к сокращению разрыва между богатыми и бедными, обещая широкое развитие разнообразных социальных программ, рекламируя свою модель социального государства. Пик этого популизма пришелся на 2007–2008 годы, когда стал активно продвигаться концепт национальных программ в области здравоохранения, образования, культуры и так далее.

Поначалу этот недемократический «левый поворот» дал очень хорошие политические всходы. На фоне обильных доходов от продажи сырьевых ресурсов по сверхвысоким ценам и при сохраняющейся видимости стабильных отношений с Западом (что давало еще и дополнительную возможность привлечь кредитные ресурсы и инвестиции) на социальном направлении удалось сконцентрировать немалые ресурсы, подняв таким образом уровень жизни значительных групп населения на почти докризисный уровень и даже кое-где побив советские стандарты. Это обеспечило мощную поддержку режима со стороны общества и привело к знаменитому общественному пакту «хлеб в обмен на демократию», итогом которого стало формирование замкнутой авторитарной системы.

Однако путинский социальный рай продолжался недолго. Ни к какому новому равенству эта политика не привела. Да, по сравнению с девяностыми доходы и уровень жизни весомой части населения существенно поднялись. Но доходы главных бенефициаров путинской политики — новой бюрократии и пристегнутого к ней полукриминального бизнеса — росли еще большими, почти космическими темпами. Социальное расслоение не только не уменьшилось, но и заметно выросло. Появился новый олигархический класс Путина, состоящий из его опричников, выросли доходы подавляющей части старой прослойки сверхбогатых. То, что происходило в Москве на национальном уровне, многократно дублировалось в провинции, где точно так же увеличивался разрыв между

общественными слоями. Получилась фантастическая картина: проводя на словах левую повестку, на деле режим способствовал еще большему расслоению общества и росту неравенства во всех сферах, причем в самой примитивной, практически сословно-феодальной форме.

Пока денег было не просто много, а очень много, никакого диссонанса из-за этой своей псевдолевой повестки режим не испытывал. Сверхдоходы позволяли безболезненно «отстегивать» массам откупные платежи, практически не снижая темпов накопления богатств у привластного клана. Эта «легкость бытия» развращала. Социалистические идеи стали все чаще перемежаться с идеями националистическими и даже милитаристскими. Как известно, из социализма и национализма нередко рождается гремучая смесь. Собственно, поворот в сторону национальных социальных программ с самого начала проходил под аккомпанемент «мюнхенской речи» Путина (2007). Их старт уже сопровождался акцией по отторжению от Грузии двух автономий — Южной Осетии и Абхазии (2008), а в период расцвета «путинского социализма», на пике роста благосостояния «постсоветского народа», началась война с Украиной (2014). И здесь случился сбой: в условиях войны денег на поддержание социальной иллюзии стало не хватать.

Что случилось с путинским социальным государством с началом эпохи гибридных войн? Коротко говоря, «оно утонуло».

Во-первых, после кризиса 2008 года изменилась мировая конъюнктура и цены на сырье сами по себе поползли вниз.

Во-вторых, подготовка к войне, восстановление автономного ВПК (пусть и исключительно для виду) — дело недешевое, а в насквозь коррумпированном государстве и вовсе непозволительная роскошь даже для самого сильного бюджета.

В-третьих, в долгосрочной перспективе лишение доступа на мировые кредитные рынки и торговые ограничения, накладываемые санкциями, — вещь не такая уж и смешная, как об этом твердят по Первому каналу. В этом случае, похоже, одни только «Искандеры» и смеются — все остальные плачут.

В-четвертых, самая продвинутая и экономически перспективная часть общества стала массово покидать страну и экономически, и даже физически. Жизнь-то у всех одна, и тратить ее в загородке для буйных не каждый захочет. То есть случилась примитивная вещь: доходы упали, а расходы резко возросли. Пирога на всех стало не хватать, и государству пришлось выбрать, за счет кого дальше «подниматься с колен».

Какую позицию в этом вопросе должен занять демократически ориентированный гражданин? Должен ли он придерживаться правой или левой повестки? На самом деле, уже в самом вопросе есть некоторая некорректность. Как сказано выше, противопоставление правого и левого движения, правой и левой идеи в современном мире, и особенно в России, носит несущественный, относительный характер. И левое, и правое — теперь только тактические ходы, а не долгосрочная политическая стратегия, как это было раньше. Нет левого Путина и правого Трампа — все это мифология и приспособленчество. Ну и, конечно, левое и правое в России — совсем не то, что в Европе.

Что такое классическая правая повестка на Западе? Это возможность максимально зарабатывать и не делиться с другими, в первую очередь через налоги, выплачиваемые государству. Поэтому и государство, и налоги должны быть маленькими. Другой признак правой повестки (индикатор) — отношение к сверхпотреблению. В Европе сверхпотребление почти нигде не приветствуется и сдерживается культурными и фискальными мерами. В таком свете российская власть, по сути, правая, ибо классическая правая повестка в России декларируется ею прямо и без обиняков через уникальную плоскую налоговую шкалу и поощрение государством и обществом сверхпотребления сверх всякой меры.

В связи с популярностью антикоррупционной темы о сверхпотреблении надо сказать отдельно. У нас госслужащие какие только дворцы ни строят (и буквой «Зю», и буквой «Ж») — общество все терпит. Россия — родина не слонов, а шубохранилищ. Избыточность во всем: арабский масштаб,

африканское качество и азиатский помпезный стиль. И все это с претензией на Версаль! На свете немного стран с таким демонстративным сверхпотреблением. И здесь неважно — на ворованные или на свои. Здесь важно, что в нормальном обществе это просто неприлично. А в России — прилично. Общество у нас, в отличие от Запада, спокойно относится и к плоской налоговой шкале, и к варварскому сверхпотреблению. Есть неприязнь, но не классовая ненависть. Более того, многие гораздо жестче относятся к минимальному преимуществу соседа, чем к роскоши незнакомого богача. Соседская дверь, обитая железом, раздражает больше, чем кованая ограда дачи Сечина. Это требует разъяснения.

Ответ не лежит на поверхности. Он скорее исторический и философский, чем чисто политический. В России сохраняется рудиментарная сословная структура потребления и, соответственно, шкала социальных притязаний. Поэтому претензии россиян к власти в области социальной политики до сих пор имеют сословно ограниченный характер.

Люди хотят малого, но этим малым никогда не поступятся. Они крепко держатся за статус-кво и за свои скромные социальные блага, не желая терять их даже тогда, когда эти блага имеют чисто символическое практическое значение. Привилегии высшей касты волнуют людей гораздо меньше, чем это многим кажется.

История с пенсионной реформой лишь на первый взгляд имеет иррациональный характер. Люди очень задеты повышением пенсионного возраста — мерой правительства, которая в практическом смысле на большинстве из них если и скажется, то в отдаленной перспективе. Но тут дело скорее не в практическом значении, а в нарушении баланса: отнимаются пусть и будущие, но психологически важные привилегии низшего сословия.

В отличие от Запада, россияне в массе своей признают сословные границы и не пытаются их сломать (индивидуально перейти — это пожалуйста, а сломать — нет), но при этом они требуют сохранения и даже повышения качества жизни

внутри этих сословных ограничений. И на любое относительное снижение этого качества, каким бы мизерным в абсолютном выражении оно ни было, реагируют крайне болезненно. Вопрос о том, возможно ли, а главное — нужно ли, ломать эти сословные границы в ближайшей исторической перспективе, остается открытым. Эта задача точно не первоочередная, поскольку требует настоящей революции в сознании.

Сословная природа российского общества препятствует развитию в стране настоящей левой идеи. В чем состоит типично левая повестка в Европе, помимо огосударствления экономики? В прогрессивном подоходном налоге. В России эта тема не работает. Люди не видят связи между ухудшением положения другого сословия и улучшением положения внутри своего сословия. Тринадцатипроцентный налог не тема для серьезной дискуссии. На самом деле, в России потому и нет структурированной левой повестки, что ее надо создавать, осознавая сословную специфику.

Правильно выстроенная социальная политика — мощнейший рычаг для переворачивания пирамиды власти. Почему это так важно? Путин не смешанный политик — он радикально правый. Левизна для него — это фальшпанель. Будучи подражателем технологий лидеров фашистского типа, он, подобно Солярису, меняет маски по ситуации. С 2003 года он прикрывает свой курс левыми лозунгами. Но, как и все в этом режиме, декларируемая им левая повестка — это симулякр. По сути, в этом нет ничего нового. Как нет ни настоящего самоуправления, ни настоящего федерализма, так нет и настоящей левой повестки Путина. Хотя ее маску будут использовать ситуационно и впредь, по мере дряхления режима.

При этом ситуация будет только катиться под откос — изменяться от плохого к худшему, так как для России нет места в сфере индустриального производства в мировом разделении труда. Конвейер — не наше, к тому же это место все равно занято. Нас может спасти только высококвалифицированный труд, но мы, к сожалению, уменьшаем престиж образования и урезаем расходы на него. Продолжает расти сословность

общества. Дети не видят ценности высшего образования, соответственно, им некуда будет деваться потом, когда они станут взрослыми. Это запрограммированное массовое обнищание.

Здесь есть и, возможно, неосознанный политический компонент: управлять бедным обществом легче. У бедных людей ожидания занижены.

Тем самым Путин консервирует сословный уклад на десятилетия вперед. Закладывается модель, при которой бо́льшая часть населения не сможет прорваться вверх из-за фактического образовательного ценза. Такая матрица не способна эволюционировать, и ее придется ломать.

На этом режим можно и нужно ловить. Демократическое движение должно противопоставить левому симулякру режима реальную левую тактическую повестку. Причем не абстрактную общеевропейскую (это в России не работает), а вписанную в российские сословные реалии. Что же такое тактическая левая повестка в современных российских условиях? Ничего сверхъестественного. Это сочетание двух позиций — последовательная борьба со сверхпотреблением и жесткие гарантии сохранения, а по возможности и повышения нишевых мер социальной поддержки для основной массы населения.

Кажется, что со сверхпотреблением в России бороться невозможно, ибо четко выраженного запроса на это со стороны общества нет, несмотря на яркую антикоррупционную кампанию оппозиции. Люди испытывают возмущение, которое, однако, граничит с обывательским любопытством и не преобразуется в энергию политического действия. В итоге все уходит в песок.

Правда, есть одна мелкая, но существенная подробность: люди готовы мириться со сверхпотреблением отцов, но не готовы признавать право на сверхпотребление детей. Легитимность наследования крупных состояний в России, будь то олигархические семьи или чиновничьи династии, остается под большим вопросом. Сословная толерантность не переносится на следующее поколение. Поэтому есть «окно

возможностей» для эволюционного решения проблемы — через введение экспроприационных ставок налога для наследования сверхкрупных состояний.

В том же, что касается социальных гарантий для широких слоев населения, Россия обречена оставаться социальным государством, где долгое время будут сохраняться рудименты советского социализма. Эксперименты вроде монетизации льгот и повышения пенсионного возраста, в которые, как в штопор, периодически срывается режим, в условиях России политически неприемлемы.

Демократическое движение завоеует массовую поддержку только в том случае, если сможет занять в этом вопросе четкую и однозначную позицию. Все проблемы финансового и фискального характера придется решать за счет ускорения темпов роста экономики, снижения коррупционных издержек и налога на наследование, а не за счет неприкосновенного запаса советских льгот.

Если суммировать сказанное, тактически левая повестка демократического движения на данном этапе может выглядеть как двухтактная: с одной стороны, поэтапное ограничение сверхпотребления с помощью конфискационного по своей природе налога на наследование сверхкрупных состояний и, с другой стороны, гарантии сохранения (и даже плавное наращивание) базовых социальных льгот, прежде всего в здравоохранении, образовании и социальном обеспечении.

За минувшие годы фальшь социальной политики режима выявилась в полной мере. Левая повестка превратилась в ритуальную отмазку. Продолжая на словах изредка поминать свои национальные проекты, на деле правительство развернуло настоящую войну с собственным населением за «оптимизацию» социальных расходов. Почти треть образовательных и медицинских учреждений пошла «под нож», зарезали под горячую руку даже «священную корову» социалистического прошлого — низкий пенсионный возраст, а материнский капитал плавно растворился в девальвации рубля и превратился в еще одно мало что решающее рутин-

ное пособие, и так далее.

Но другая «священная корова» выжила — это сверхдоходы правящего клана, который успешно пережил все деофшоризации, увеличив свои капиталы как на выводе из страны, так и на обратном вводе. Верхом цинизма стали массовые выкупы государством неликвидных активов по завышенным ценам у прикормленных предпринимателей и бюджетные компенсации лицам, пострадавшим от санкций.

Последнее выглядит особенно мерзко на фоне «пармезановой войны» — контрсанкций, которыми «отбомбились по Воронежу», лишив средний класс доступа к качественным продуктам питания. Таким образом, в условиях кризиса и необъявленной войны с Западом режим на практике стал реализовывать типично правую политическую повестку — оптимизацию за счет бедных в интересах богатых. Крым оказался не столько «наш», сколько «за наш счет».

Если наметившаяся тенденция сохранится (а нет никаких оснований полагать, что она резко изменится), то вскоре тема «левого поворота» станет такой же актуальной, как и пятнадцать лет назад. Социальное расслоение будет расти утроенными темпами, теперь уже не только за счет «новых богатых», но и за счет появления «новых бедных» — тех, чье благосостояние резко упало в результате кризисной оптимизации, спровоцированной необъявленной войной. И темы бедности, социального неравенства и несправедливого распределения сырьевой ренты вернутся в топ политической повестки. Но у режима, погрязшего в войне ради собирания осколков империи, уже не будет возможности снова перехватить эту повестку.

Можно предположить, что перед движением сопротивления опять встанет та же дилемма, что и в начале нулевых: «левый поворот» и демократический приход к власти или правая идея и очередная политическая изоляция?

В условиях галопирующего неравенства, когда общество все больше проникается левыми идеями, рассчитывать на приход к власти демократическим путем, предлагая правую и даже крайне правую, зачастую либертарианскую

повестку, рекламируя прелести «маленького государства» и потенциал «свободного рынка», — это заведомая утопия. Действуя таким образом, наиболее боеспособная часть гражданского общества рискует навсегда исчезнуть с политической сцены и перейти даже не в партер, а на галерку. Сцену же займут комедианты и авантюристы.

Сегодня снова сложились условия, которые существовали в тот момент, когда я писал свой «Левый поворот». Для оппозиции было бы непозволительной роскошью упустить случай вернуться из фейсбучной тусовки в реальную политику.

Если не сложится демократическая коалиция с левой повесткой, то шансы на мирный транзит власти демократическим путем будут невелики. Режим будет висеть на волоске до тех пор, пока этот волосок не перережет революция снизу, на волне которой к власти придут новые большевики. В этом случае есть риск, что русская история зайдет еще на один штрафной круг, а в итоге Россия уже навсегда выпадет из актуальной всемирной истории.

Глава 18.

Интеллектуальный выбор: слово на свободе или гласность в резервации?

Когда речь заходит о политическом режиме в современной России, у тех, кто пытается его как-то классифицировать, неизбежно возникает когнитивный диссонанс. С одной стороны, этот режим кажется безусловно авторитарным, репрессивным и даже тоталитарным. Власть тут несменяема, оппозиция лишена малейшего шанса победить с помощью выборов, ставших пустой формальностью, любой гражданин может в любую минуту оказаться жертвой полицейского произвола, даже если он вообще не занимается политикой, а уж если занимается, то и подавно.

Впрочем, обо всем этом можно было писать достаточно прямо и открыто в Сети и даже в отдельных средствах массовой информации, доступ к которым относительно свободен. Власти можно было критиковать, можно было заниматься частными расследованиями, копаться в грязном богатстве высших государственных сановников и так далее. И, в общем-то, все это сходило с рук, хотя отдельные эксцессы, стоившие жизни нескольким выдающимся журналистам,

случались. Но они случаются и в других странах — в Словакии, в Болгарии, на Мальте, и это только в последние годы.

Трудно не заметить, что до последнего времени возможность высказываться в путинской России оставалась большей, чем в СССР даже самых вегетарианских времен. Ни «Эхо Москвы», ни «Новая газета», ни «Дождь», ни относительно открытая Сеть, ни многое, многое другое в СССР просто непредставимо. Лишь за мечту о чем-то подобном можно было получить немалый срок. Поэтому ныне многие говорили и писали о России как о достаточно свободной стране или, по крайней мере, как о стране, в которой есть хотя бы свобода слова. Насколько это было оправданно?

Проблема в том, что свобода слова в точном смысле этого сочетания является высшим правовым и конституционным принципом, которому подчинено государство. Эта свобода гарантирована всей мощью гражданского общества и встроеного в него политического государства. В современной России такой свободы нет. Вместо нее есть пространство, пределы которого строго очерчены властью, на котором с ее позволения и под ее бдительным присмотром обитает туземец по имени «Гласность». Этот музейный старик живет в отведенной на окраине полицейского государства резервации, развлекая столичных зевак и заезжих туристов.

Жизнь в резервации целиком и полностью зависит от воли государства: оно могло бы прикрыть ее полностью и в любой момент, но из каких-то своих внутренних соображений этого не делает — видимо, вред от закрытия резервации (связанная с этим шумиха, необходимость развлекать зевак чем-то другим и так далее) пока превышает вред, наносимый режиму призрачной открытостью. Такое положение возникло не в один момент, а сложилось исторически под воздействием множества разнообразных и зачастую противоречивых факторов. Чтобы понять, как из этой ситуации вырывать и, главное, куда, необходимо хотя бы вкратце обрисовать эту эволюцию.

В СССР общество было настолько закрытым, насколько это вообще возможно в практической жизни. Эта закрытость

давала уникальные рычаги государственной пропаганде, помогавшей режиму контролировать сознание, а значит, и поведение подавляющей части населения. В этом, можно сказать, одно из главных отличий тоталитарного режима от авторитарного — первый полагается не только на полицейские репрессии, но и на активное программирование сознания и поведения людей с помощью мощнейшей пропагандистской машины. Таких условий и близко нет у нынешнего режима, и не думаю, что ему когда-нибудь удастся их создать.

С середины пятидесятых, когда эпоха «большого террора» миновала, основная нагрузка по поддержанию стабильности советского строя легла именно на пропагандистскую государственную машину. Репрессивный аппарат играл вспомогательную роль, вычищая тех, кто по каким-то причинам оказался невосприимчив к пропаганде. Но таких оставалось сравнительно немного, поэтому не было нужды держать репрессивную машину в постоянно расчехленном состоянии, и она орудовала исподтишка, периодически изымая «желающих странного», а всю основную черновую работу выполняли «мастера партийного слова».

Усилиями глубоко эшелонированной, беспрецедентной по мощности пропагандистской машины население было прочно экранировано от сколь-нибудь правдивой информации о происходящем в стране и в мире. Это естественным образом сформировало основную линию фронта борьбы с режимом как внутри СССР, так и извне. Главным раздражителем для подавляющего большинства на исходе лет советской власти были не репрессивные органы, не милиция с КГБ (подавляющее большинство обывателей с ними впрямую не сталкивались), а именно партийные пропагандисты, рассказывавшие народу о том, что сплошь и рядом расходилось с его эмпирическим опытом.

Логическое следствие такого положения вещей не заставило себя долго ждать: когда к власти в СССР пришел Горбачев, чуть ли не главным консенсусным требованием и верхов, и низов стало требование правды.

Отвечая на этот четкий и ясно выраженный политический запрос, горбачевское руководство выдвинуло лозунг гласности. Безусловно, гласность была чисто советским эвфемизмом, отражавшим смутное и мифологизированное представление советско-партийной элиты о связанном комплексе таких либеральных ценностей, как свобода слова, свобода печати, открытость и так далее. Да, это была крайне непоследовательная, ограниченная и внутренне противоречивая идеологическая конструкция. Но вместе с тем надо понимать, что это была самая фундаментальная, самая первая и потому самая жесткая парадигма перестройки. Это был хребет, на который потом нанизали все остальное.

Гласность психологически, с самого начала и до сих пор, воспринимается как главное достижение горбачевской революции. В ней виделся концентрированный ответ на советский тоталитаризм, каким его запомнили последние советские поколения. И именно поэтому, когда режим начал наступление на демократию и все достижения горбачевско-ельцинской революции были подвергнуты остракизму, гласность оказалась последним непотопляемым оплотом «коммунистического либерализма».

Это создает у многих людей иллюзию, что в России сохраняется какая-никакая свобода слова. В действительности все оказалось гораздо сложнее: никакой свободы слова в России не было и до войны, но авторитарный и даже неототалитарный по своей природе режим до определенной степени научился сосуществовать с остатками горбачевской гласности не без некоторой выгоды для себя.

Конечно, начало войны и переход режима в состояние тоталитарной мобилизации не могли не сказаться и на этой сфере. Все влиятельные независимые и полунезависимые СМИ, журналисты, блогеры подверглись беспрецедентному давлению, в результате которого были вынуждены или прекратить свою деятельность, или уезжать из страны, или идти на службу режиму.

Однако это финальная стадия развития диктатуры. Нам же надо понять, как не допустить начала этой эволюции.

Чтобы правильно выстроить стратегию демократизации российского общества на будущее, нам необходимо понять тайну странного и отчасти противоестественного сосуществования этих двух взаимоисключающих начал общественной жизни — начала правды и начала лжи.

В основе этого феномена — способность режима удерживать командные информационные высоты. Началось с концентрации основных информационных каналов в руках государства и аффилированных с государством лиц и структур. Вехи движения в этом направлении — разгром старого НТВ и восстановление полного контроля Администрации Президента над Первым каналом, который остался общественным лишь на бумаге. На сегодняшний день информационный рынок является одним из наиболее монополизированных в России.

При этом государство прямо или косвенно владеет не только проправительственными средствами массовой информации, но и даже большинством СМИ, считающихся оппозиционными.

Экспансия государства не ограничилась рынком классических СМИ. По мере роста влияния интернета государство через своих агентов пришло и туда. Важнейшим рубежом здесь стало приобретение контроля над крупнейшей в России социальной сетью «ВКонтакте». Но и, помимо этого, в различные интернет-проекты через многочисленных посредников-подрядчиков закачиваются колоссальные бюджетные средства. Несмотря на широко распространенное мнение об оппозиционности режиму российского сегмента интернета, в действительности и здесь государство занимает доминирующее положение.

Однако еще важнее не количественные, а качественные показатели. Важно не только то, какими ресурсами в информационной сфере располагает государство, но и то, каким образом оно их использует. Итогом многолетних и непрерывных усилий Кремля стало создание в России, так сказать,

доминирующего информационного потока. Это метод крайне агрессивного тотального распространения информации, имитирующий перманентную информационную войну.

Генератор такого доминирующего информационного потока находится в Кремле, а приводные ремни — тьма кремлевских агентов, контролирующих конкретные информационные ресурсы, причем сразу на нескольких уровнях. Это предельно сложная система, включающая в себя разветвленную и децентрализованную сеть think tanks — аналитические фабрики, наполняющие поток идеями. Тут есть свои многочисленные и в основном аутсорсинговые производственные мощности, свои «звезды» и свое «пушечное мясо». Эта система устроена гораздо тоньше и изощреннее, чем силовой репрессивный блок, и это немудрено: до последнего времени она играла ключевую роль в стабилизации режима.

Именно наличие этого мощного контролируемого государством информационного потока позволяло режиму сохранять рядом в резервации слабый и ограниченный альтернативный информационный ручей, шум которого был почти не слышен массам, поскольку его заглушал рев потока. При этом, позволяя гласности резвиться в информационной песочнице, режим строго дозировал «базар» и выверял степень дозволенного чуть ли не на аптекарских весах. Для этого ему и нужен косвенный контроль над оппозиционными СМИ, который он неуклонно наращивает. Любая попытка выйти за пределы «песочницы» приводила к скандалам и грубому одергиванию.

Но любая сложная система — довольно хрупкая. То, что хорошо работает на малых оборотах протеста, начинает сбоить и вибрировать на больших. При возрастании политических нагрузок на систему становится все сложнее генерировать поток нужной мощности. Да и помехи, создаваемые альтернативными информационными течениями, локализованными в резервации, становятся все ощутимее и все опаснее для системы. В результате ей пришлось поменять схему и превратить доминирующий поток в тотальный. Это означало конец эпохи обрзанной постмодернистской гласности и возврат к цельному и простому советскому образцу.

Гласность весьма уязвима по самой своей природе — вторичной, производной от власти. Начиная с 1999 года, то есть в течение всего периода посткоммунистической реакции, мы были свидетелями наступления режима на гласность, ограничения ее пространства — и прямого, и косвенного. Угроза полного отказа от гласности все время оставалась актуальной, и, когда режим на это решился, ему никто и ничто не смогли помешать. Другое дело, что это вызывает неприятные и необратимые последствия не только для общества, но и для самого режима, которые не столько замедлят, сколько ускорят его конец.

Казалось бы, тогда и черт с ними, пусть завинчивают! Но вопрос стоит не столько о моменте, когда под откос пойдет этот режим, сколько о том, что придет ему на смену. И вот здесь, безусловно, защита любой гласности имеет огромное значение для демократического движения.

Как бы призрачна ни была правда, загнанная в резервацию, она лучше, чем гуляющая на свободе ложь. За каждое слово правды надо бороться, надо сопротивляться любой попытке режима окончательно избавиться от гласности, надо всем миром помогать журналистам и изданиям, продолжающим героически противостоять тоталитаризму, пусть теперь в основном из-за рубежа. Но стратегическая цель не в этом. Нам надо стремиться не к полному восстановлению гласности, а к созданию твердых конституционных гарантий свободы слова.

Необходим качественный скачок в политике открытости. Подчеркну, что простого возврата назад, во времена яковлевского «Коммерсанта» или малашенковского НТВ, уже мало. То, что было хорошо для юного постсоветского общества, не подходит обществу, накопившему большой и неоднозначный опыт борьбы за демократию. Горбачевская гласность, даже без путинского «обрезания», — это уже не тот идеал, к которому надо стремиться.

Мы должны идти дальше — к полноценному, свободному и открытому информационному рынку, регулируемому четкими правовыми законами. Только наличие такого рынка

с подлинной конкуренцией может быть настоящей гарантией реализации права на свободу слова.

Безусловно, свободная рыночная среда, разрешая одни проблемы, создает другие, и поэтому есть немало сложных вопросов, на которые обществу придется подыскивать подходящие ответы. Но это не меняет моего отношения к выбору стратегического направления — конкуренция и рынок должны обеспечить обществу настоящую открытость.

Конечно, в некотором смысле свобода слова может быть обеспечена только нормальным функционированием всей демократической политической системы: с эффективным разделением властей, работающим правосудием и так далее, а еще глубже — с готовностью общества в целом отстаивать эту свободу с оружием в руках. Если свобода слова — это политическая валюта, то ее обеспечением является вся демократическая инфраструктура общества. Но, помимо этих общих гарантий, имеются и специфические меры, в том числе институциональные, без которых никакая свобода слова не может существовать.

Среди этих специфических мер есть как экономические, так и политические. И те, и другие помогают достигнуть одной главной цели — не просто лишить государство возможности ограничивать свободу слова, а лишить его еще и возможности индуцировать тот самый доминирующий информационный поток, благодаря которому режиму удастся управлять массами с помощью лжи, несмотря на сохранение встроенных в систему «островов свободы». Демократическое движение должно крепко усвоить опыт посткоммунистического неоталитаризма, чтобы не повторить ошибок впредь.

Начну с мер экономического характера.

Главная беда российской прессы, как это ни парадоксально, вовсе не цензура, а бедность. Последние два десятилетия основным в борьбе за свободу слова был не политический фронт (как многие считают), а экономический. В посткоммунистической России никогда не было по-настоящему экономически независимых СМИ. Но до дефолта

1998 года у СМИ сохранялась некоторая свобода маневра — свобода выбора «от кого зависеть», и в этом была своя специфическая свобода. А затем начался процесс тотального огосударствления СМИ, и где-то к 2006–2008 годам их единственным донором стало государство (прямо или косвенно). Именно тогда по свободе прессы, соответственно, по свободе слова был нанесен самый главный и самый страшный удар, от которого они так никогда уже и не оправились.

Вместо того чтобы оказать независимым СМИ системную и прозрачную поддержку и помочь им выйти из затруднений, правительство воспользовалось ситуацией и провело масштабную косвенную национализацию независимых медиа, сменив прежних собственников — зачастую путем рейдерских захватов и уголовно-правового давления. «Добыча» была «подвешена» между различными госкомпаниями и аффилированными с режимом финансово-промышленными группами. И со временем государство как собственник или как спонсор получило косвенный контроль над всеми сколь-нибудь значимыми информационными ресурсами. Картина виделась еще более безрадостной, если переключить внимание с грандов медийного рынка на провинциальную прессу, пребывающую в совсем уже бедственном положении.

На первый взгляд, идеальным решением проблемы могло бы стать создание нормальной рыночной среды для работы медиа как в онлайн, так и в офлайн, где государство выступает исключительно в роли беспристрастного арбитра и регулятора. Но, к сожалению, как показывает мировая практика, сегодня такая модель не работает почти нигде. Все больше СМИ либо являются дотируемым вспомогательным бизнесом, либо существуют на спонсорские взносы, которые делаются исходя из самых разных мотивов, в том числе политических.

Точно так же лишь немногие страны могут обойтись без средств массовой информации, субсидируемых из бюджета, и Россия еще долго не будет входить в число этих стран. Поэтому для нас актуально, как именно организовано субсидирование СМИ из бюджетных средств и как именно

организовано управление СМИ, субсидируемых из бюджетных средств. Ответив последовательно на эти два вопроса, мы во многом решим задачу нейтрализации тоталитарных притязаний государства на формирование описанного выше доминирующего информационного потока.

Если бюджетная поддержка медиа нужна и неизбежна, то надо добиться того, чтобы она была прозрачной и чтобы ни отдельные чиновники, ни вся их корпорация не могли быть бенефициарами этого субсидирования. Или, проще говоря, не могли бы за каждый «скормленный (прессе) витамин требовать массу мелких услуг». Все, что делает государство в информационной сфере, должно делаться в интересах общества и под контролем общества, а не в интересах чиновничества и под контролем чиновников.

Распределение бюджетных фондов для поддержки медиа должно быть открытым, политически нейтральным и проходить на конкурсных началах с силами представителей общественности. Необходимо законодательно запретить любое скрытое финансирование государством медийных проектов (наподобие знаменитой «фабрики троллей») и положить конец эпохе спецжурналистики за государственный счет.

Если удастся стабилизировать информационный рынок и создать условия для свободного возникновения разнообразных СМИ, которые будут функционировать либо на собственной ресурсной базе (то есть быть экономически самостоятельными), либо при государственной поддержке на прозрачных условиях под контролем общества, то тогда можно сосредоточиться на второй стороне проблемы — политических гарантиях независимости СМИ. Ибо государство, помимо того, что закабалило медиарынок, еще и прямо вторгается в информационное пространство, активно злоупотребляя своим положением и ресурсами — в данном случае не столько экономическими, сколько административными.

Если вдуматься, в нашем распоряжении довольно ограниченный набор инструментов, при помощи которых можно эффективно бороться с госпропагандой, не препятствуя

существованию свободы слова в России. По сути, государство выступает по отношению к медиарынку в двойном качестве — как регулятор, устанавливающий правила игры, и как сам игрок. Чего мы хотим от государства как от регулятора, понятно: усилий по формированию добросовестной конкурентной среды и гарантий каждому свободы слова. Но чего мы хотим от государства как от игрока? На этот вопрос ответить чуть сложнее. Государство, будучи учредителем ряда СМИ, автоматически получает естественные возможности влияния на их политику. Но государство — особый собственник. По сути, это мы. Государство распоряжается не своими, а коллективными деньгами. Как быть?

Выход давно найден в странах с развитой демократической системой. Информационные ресурсы, созданные государством или с его помощью, передаются в доверительное управление представителям гражданского общества. Государственным телевидением и другими аффилированными с государством информационными институтами руководят трасты или общественные советы, формируемые непосредственно представителями гражданского общества, и государство по закону не может влиять на их состав, а на практике эта возможность ему всячески ограничивается. Процедура формирования советов делается максимально прозрачной, обеспечивающей независимый от власти и уважаемый обществом состав. Нарушения же, сговор, давление переносятся в сферу обычного криминала. Деятельность этих институтов регулируется специальными уставами (правилами), исключающими саму возможность законного превращения этих ресурсов в инструменты манипулирования общественным мнением в интересах отдельных групп и лиц.

И последнее — по очередности, но не по значению. Свобода слова и открытость общества были и остаются важнейшим измерением демократии, ее соединительной тканью. Их защита от покушений всякого рода охранителей чего бы то ни было — важнейшая задача демократического движения. Но свободой слова умеют изоциренно пользоваться и те, чьей

целью является уничтожение всякой свободы. Велик соблазн им этой свободы не давать.

Тонкость защиты свободы слова состоит в том, что в этой борьбе легче, чем где-либо, выплеснуть воду вместе с ребенком. Ведь можно устроить такую борьбу с госпропагандой или каким-либо иным злом, что мало не покажется никому, и на месте отвратительной пропаганды появится еще более отвратительная контрпропаганда. Как это ни противно, но надо признать, что свобода есть у любого слова. К попыткам ввести ограничения на то, что можно и чего нельзя говорить, писать, показывать, транслировать и так далее, надо относиться очень осторожно. Хочешь запретить какое-нибудь одно-единственное слово — и вскоре с удивлением обнаружишь, что под запретом оказался весь толковый словарь.

Моя личная позиция: все сомнения здесь, как и в уголовном праве в пользу обвиняемого, должны разрешаться в пользу свободы слова. Лучше пусть кто-то сможет сказать что-то гадкое, чем кто-то будет лишен возможности узнать что-то важное и необходимое. Приоритет свободы над охранительными мерами — вот главный принцип, которого стоит придерживаться, чтобы не сбиться с курса.

Убежден, например, скучнейший, человеконенавистнический «Майн Кампф» и фейковые «Протоколы сионских мудрецов», точно так же как секретные приложения к соглашению между Гитлером и Сталиным, должны быть открыты для любого интересующегося, а не становиться неким тайным знанием.

Этот принцип часто бывает сложно реализовать на практике даже чисто психологически, но надо учиться и находить другие, не только запретительные методы подавлять проявления экстремизма всех сортов.

Мы должны научиться жить в мире, где все время приходится сосуществовать с чем-то, что лично для нас может быть неприемлемым. Но лишь такой мир — по-настоящему стабильный и комфортный.

Глава 19.

Конституционный выбор: парламентская или президентская республика?

Дискуссия о президентской и парламентской республике в России как мерцательная аритмия политической мысли — то вспыхивает, то затухает снова. С сугубо утилитарной точки зрения она не кажется сверхактуальной и больше напоминает дележ шкуры неубитого медведя. Многие так и говорят: давайте сначала создадим то демократическое содержание, которое можно облечь в приличную политическую форму, а там поговорим. Так-то оно так, но есть одна сложность — в России политическое содержание срослось с политической формой. Срослось настолько крепко, что если не убрать сложившуюся политическую форму, то никаким иным содержанием, кроме того, что есть, ее наполнить нельзя.

Так что вопрос о будущей политической форме российской демократии не является умозрительным и преждевременным. Ответ на него — своего рода политическая лакмусовая бумага, демонстрирующая серьезность намерения сломать российскую самодержавную традицию, готовность идти в этом деле до конца, а не менять одну форму самодержавия

на другую и тем более одного царя на другого. Это вопрос не конституционного строительства, а политической философии, то есть вопрос сугубо идеологический. Но, может быть, именно поэтому его следует решить в первоочередном порядке.

И впрямь собственно конституционно-правовое значение политической формы в России несколько преувеличено. Вряд ли можно всерьез утверждать, что парламентская республика демократичнее президентской, и наоборот. Как показывает мировой опыт, в рамках обеих моделей — и президентской, и парламентской — всегда можно создать адекватную форму свободного народного представительства со встроенным эффективным разделением властей. В то же время любую политическую форму можно выхолостить до пустой оболочки авторитарной и даже тоталитарной системы. Нелишне напомнить, что СССР был формально парламентской республикой. Более важным в практическом смысле является вопрос интеграции всей исполнительной власти, включая президента, в систему разделения и баланса властей. Так в чем же тогда дело?

Дело в специфике России, в особенностях ее политической истории, культуры и традиции. Нередко чисто механически говорят о современной России как о президентской республике. Это, мягко говоря, большое преувеличение: она не только не президентская (несмотря на наличие в ней президента), но и в точном смысле не республика. За последние сто лет ни один руководитель российского государства не пришел к власти путем полноценных и действительно демократичных выборов (победа Ельцина в июне 1991 года была одержана на выборах регионального масштаба внутри Советской империи).

История России в XX веке чем-то похожа на историю Рима эпохи «солдатских императоров»: в большинстве случаев несменяемые диктаторы либо правили страной до своей смерти, либо теряли власть в результате государственных переворотов. Иногда первое и второе совмещалось. Таким образом, самодержавие было и остается доселе единственной политической формой, естественной для России. Точнее, это

и форма, и содержание одновременно. И это, как писал первый «красный царь» Ленин, объективная реальность, данная нам в ощущениях. Отношение к этой реальности — главный вопрос будущего России и главный же политический водораздел.

Вопрос стоит так: готовы ли мы ломать эту устоявшуюся русскую самодержавную традицию бескомпромиссно, даже через колено, или мы все-таки, несмотря на все демократические лозунги, в глубине души хотим остаться в парадигме поисков доброго царя, который одарит Россию свободой? Выбор президентской модели даст больше простора для срабатывания в будущем «врожденных самодержавных инстинктов» российской политической культуры, оставит власти гораздо больше путей отхода от демократических преобразований, чем выбор парламентской модели.

Вот та главная и единственная причина, по которой я считаю парламентскую республику для России моей мечты более предпочтительной. Мы слишком много раз экспериментировали с персоналистскими моделями власти, и поэтому сегодня надо просто «резать к чертовой матери, не дожидаясь перитонитов». Сколько бы раз мы ни собирали из деталей лего российской политической системы, у нас всегда получалось как в старом анекдоте о рабочем, который выносил с завода запчасти от разной мирной продукции, но, когда собирал их дома, у него почему-то все время выходил только автомат Калашникова. То есть сколько ни собирай президента России из конституционных деталей — всегда выходит царь.

Хотя президентская республика обычно противопоставляется парламентской, учитывая существование множества промежуточных президентско-парламентских форм, ухватить их сущностное различие не так уж просто. В конечном счете речь идет о глубине разделения властей и его конкретной конфигурации. В разделении власти в рамках парламентской республики есть некое «дополнительное измерение» — властный водораздел внутри исполнительной ветви власти, ее разветвление на главу государства и главу исполнительной власти.

Итак, в парламентской республике появляется дополнительное измерение демократии. Причем это деление внутри исполнительной вертикали может быть очень разным. Глава государства может быть чисто номинальной фигурой (вроде английской королевы, как в современных конституционных монархиях), может тем не менее играть определенную политическую роль арбитра (как в современной Италии), а может и осуществлять важную и даже определяющую часть властных полномочий (как во Франции — особого рода президентско-парламентской республике). Никакого общего правила или стандарта в этом вопросе не существует.

Выбор конкретной модели парламентской республики — это центральный вопрос перспективного конституционного строительства. В значительной мере создание эффективной модели есть проявление высокого искусства конституционного творчества. Все успешно работающие модели возникали на стыке творческой интуиции и глубокого знания особенностей национальной культуры.

Общества, на самом деле, обладают еще более ярко выраженной индивидуальностью, чем отдельные люди. И тем не менее есть некие общие принципы, по которым в любом случае изготавливаются работающие модели.

Один из таких фундаментальных принципов при конструировании парламентской республики — взаимоотношения между парламентом и правительством. Какими бы ни были вариации парламентской республики, одна константа присутствует всегда: председатель правительства и все правительство подотчетны парламенту, назначаются им и отправляются им в отставку.

Почему это важно именно в России? Потому что сразу же резко поднимает акции парламента на политическом рынке. Те самые акции, которые на российской институциональной бирже до сегодняшнего дня относились к категории трешевых. Их скупали одни «медведи», играющие на понижение. Если парламент станет единственным органом, назначающим правительство и отправляющим его в отставку,

то в России настанет час «быка». Тогда вверх пойдут акции не только парламента, но и всего связанного с ним демократического кластера.

Если парламент займет центральное институциональное место в политической системе России, то автоматически вырастет цена депутатского мандата, а значит, и всей избирательной процедуры.

При этом провести выборы в парламент на одном «обаянии», как обычно проходят в России выборы президента, будет гораздо сложнее. Попутно резко возрастет цена регионального представительства в обеих палатах, поскольку в этих условиях от его количественного и качественного состава будет напрямую зависеть удовлетворение жизненных потребностей территории. Значит, наполнится реальным содержанием система федеративных отношений, сегодня существующая как декорация при строго централизованном унитарном государстве. Это, в свою очередь, потянет за собой компенсаторное развитие местного самоуправления с целью не допустить феодализации России и возникновения удельных княжеств.

Таким образом, переход к парламентской республике оказывается именно тем самым ключевым звеном, потянув за которое можно вытащить всю демократическую цепочку.

Разумеется, переход от самодержавной и строго централизованной персоналистской системы правления, существующей в России несколько столетий, к системе парламентской демократии — это политический шок. Это неизбежный и необходимый шок.

Именно переход к парламентской республике является единственным реальным способом перезагрузить политическую систему России, и именно в этом, а не в чем-то другом состоит ее преимущество перед президентской республикой.

«Все это хорошо, — говорят обычно в ответ противники парламентской республики, — но имеем ли мы право ставить над Россией эксперименты? Это огромная страна со специфическим жизненным укладом, которая привыкла к

тому, что власть носит строго персонифицированный характер. Люди не поймут и не оценят ваших добрых намерений, не смогут и не захотят воспользоваться благами парламентской демократии, а быстро скатятся в анархию и смуту. Добавьте к этому, что Россия — это до сих пор империя, огромный котел, в котором варятся представители самых разных народностей и конфессий, так и не ставшие гражданами национального государства. Убери фигуру вождя, являющегося видимым воплощением власти (неважно, как его называют), — и страна распадется на части».

Что на это можно ответить? Все эти риски не надуманны и реально существуют. Проблема в том, что они ничуть не уменьшаются от замены одного персоналистского режима другим. Если мы не изменим систему развития российской государственности, то каждый следующий режим, каким бы многообещающим он ни был, через несколько лет, а то и месяцев неизбежно снова станет самодержавным. А каждое следующее самодержавие будет хуже предыдущего — это несомненно. И в конце концов произойдет именно то, чего опасаются противники парламентарной демократии: страна распадется на части. Но уже без каких-либо шансов на спасение и навсегда. Парламентская республика оставляет нам хотя бы шанс побороться.

В итоге все сводится не столько к практически-политическому, сколько к идеологическому выбору. Полагаете ли вы, что попытка сломать персоналистскую модель управления России создает неприемлемые риски? Если да — имеете право.

Но тогда возникает вопрос: а какие у вас сущностные разногласия с провластными силами, стоящими на аналогичных позициях? Конечно, они предлагают ради спасения России сохранить в ней «пещерный абсолютизм», а вы надеетесь управлять долго с помощью «просвещенного абсолютизма». Но пятьсот лет российского абсолютизма учат нас тому, что за «серыми» всегда приходят «черные».

Персоналистская модель для России как политический наркотик. Никто не отрицает, что страна давно и прочно

на него подседа, и случилось это задолго до Путина. Отказ от такого мощного наркотика может вызвать у общества ломку, и не исключено, что при неких обстоятельствах в процессе этой ломки могут возникнуть ситуации, создающие угрозу жизни. Означает ли это, что мы должны смириться с этой политической зависимостью и отказаться от попыток слезть с иглы самодержавия?

Парадоксальным образом, в самом недалеком будущем может возникнуть ситуация, когда сама власть, преследуя собственные узкокорыстные политические интересы, попытается сымитировать конституционную реформу, одним из важнейших моментов которой будет переход от президентской к парламентской республике.

Не факт, что это произойдет именно так, но одним из обсуждаемых сценариев разрешения конституционной коллизии, не позволяющей Путину быть бессменным президентом после 2024 года, является превращение его в бессменного премьер-министра с передачей ему всей полноты власти.

Понятно, что такая конструкция никакой парламентской республикой на самом деле не будет; а будет обычной фальшпанелью, прикрывающей безобразие абсолютистского режима. Естественно, возникает вопрос: как должно отнестись демократическое движение к этой имитации парламентской демократии?

Первое движение души, конечно же, отрицание. И потому, что это дискредитация идеи и способ консервации режима, и просто потому, что это предлагает Кремль. Это как у Бродского: «Если Евтушенко против колхозов, то я — за». Однако на самом деле, чем бы ни мотивировалось такое решение властей, это движение в нужном направлении.

Им надо воспользоваться как плацдармом и потребовать превращения декоративной парламентской республики в реальную, а бессменного премьера — в сменяемого после честных выборов в обновленный парламент.

—

Предыдущие зачеркнутые несколько абзацев писались задолго до внесения в Конституцию «поправки Терешковой». Я, признаюсь, ошибочно презюмировал несколько более сложную интеллектуальную организацию у людей или человека, выбиравшего варианты трансферта, но я вообще склонен переоценивать таланты оппонентов.

Власть предпочла пойти самым примитивным, прямолинейным и грубым способом.

Вместо конституционной реформы мы увидели разрушение Конституции ради продления пребывания Путина на посту президента. Последствием стала война, которая возобновила дискуссию с новой силой. Дело в том, что в России существуют две основные модели устойчивого развития — модель статического равновесия (самодержавная) и модель динамического равновесия (федеративная). Конечно, Россия не обязана развиваться. Альтернативой устойчивому развитию является стагнация и распад. Однако, на мой взгляд, стагнация и распад России, которых сегодня по понятным причинам желают те, кто борется с российской агрессией, могут привести к резкой разбалансировке системы международных отношений и образованию кластера агрессивных и плохо управляемых (совсем не управляемых) несостоятельных государств с ядерным оружием «на борту» в центре Евразии. Реальный и желательный выбор для ответственных игроков на международной арене состоит не в выборе между распадом России и ее сохранением, а в выборе между самодержавной (статичной) и федеративно-парламентской (динамичной) моделями ее устойчивого развития.

Очередная версия самодержавия кажется простейшим решением для очень многих, в том числе и противников путинского режима, но на самом деле она является очень ненадежным выбором. Статичная стабилизация режима с помощью жестко централизованной и ничем не ограниченной власти рано или поздно приведет к возникновению стихийных возмущений, гасить которые такая система может, только выбрасывая избыточную энергию во внешний мир.

Да и без этого война сама по себе является системообразующим компонентом самодержавия, вокруг которого выстраивается все остальное. К тому же самодержавные режимы, включая большевистский, в долгосрочной перспективе нестабильны (то есть их стабильность относительна). Они построены на постоянном поиске внутриэлитного консенсуса через демократический централизм, который имеет существенную уязвимость — при арифметическом росте числа участников процесса число связей между ними увеличивается геометрически, и единая точка (голова), которая должна принимать окончательные решения, просто уже не способна осознать все эти взаимосвязи и учесть их. В качестве решения центр использует метод унификации (тоталитаризм), что перезапускает весь комплекс исторических проблем.

Русская самодержавная система в любой среднесрочной перспективе имеет ярко выраженный милитаристский профиль. Это практически не зависит от формата начальной идеологии и личности национального лидера. На этапе зрелости идеология преобразуется в радикально-националистическую, а лидер становится военным вождем. Делая выбор в пользу самодержавной (статичной) цивилизации, Запад делает выбор в пользу неотвратимого рецидива кризиса с последующей агрессией, направленной против самого Запада. При этом каждый следующий кризис будет масштабнее предыдущего, и его преодоление будет создавать угрозу неконтролируемого сползания в ядерный конфликт. Возникает феномен дурной исторической бесконечности (последовательности), где каждая следующая версия России оказывается хуже предыдущей.

Альтернативой самодержавной статичной цивилизации может быть федеративно-парламентская (динамичная) стабилизация. Смысл предлагаемого решения — в создании динамичного политического равновесия (баланса) между ограниченным числом (до двадцати) субъектов новой федерации, при которых центральная власть играет роль арбитра и дирижера. Разница между самодержавной и федеративной

моделями стабилизации состоит в механизме разрешения конфликтов. В самодержавной модели все внутренние конфликты должны сдерживаться путем их подавления (замораживания) при помощи политического внеправового насилия, осуществляемого центральной властью, которая тем более эффективна, чем более она эмансипирована от общества. Напротив, в федеративной модели все внутренние конфликты управляемо разрешаются путем постоянного (динамичного) поиска бесчисленных временных компромиссов в рамках специально созданного для этого политико-правового поля. Центральная власть в этом случае может де-факто быть даже сильнее, чем самодержавная, но она реализует свою силу за счет контроля поля, а не путем контроля игроков в поле.

Недостаток федеративной модели — в ее сложности и подвижности. Это модель вечного конфликта, заложенного в основание политической системы как часть техзадания. Преимущество федеративной системы над самодержавной одно — в ней внутренние возмущения не накапливаются, а постоянно разрешаются как момент перманентной борьбы элит. Как следствие, исчезает потребность во внешней агрессии как единственно возможном способе долгосрочной стабилизации системы (выпуска пара). Однако для обеспечения бесперебойного разрешения непрерывно возникающих межэлитных противоречий (возмущений), не подавляемых страхом репрессий, механизм жесткой суперпрезидентской республики со смещением баланса властей в сторону исполнительной центральной власти не подходит. При таком смещении постоянно будет возникать соблазн вернуться к замораживанию конфликтов «по понятиям» и стабилизации системы традиционным, привычным способом. При первом же сильном лидере система неизбежно вернется в привычную колею. На мой взгляд, федеративная система может эффективно работать исключительно в формате парламентской республики, то есть как федеративно-парламентская республика. Парламентская форма правления наилучшим образом отвечает двум требованиям: позволяет быстро раз-

решать региональные межэлитные конфликты и не дает легко вернуться в привычную колею.

Глубина понимания проблем России Западом и позиция Запада будут играть огромную роль в успехе или неуспехе проекта новой России. Западу придется выбирать между инстинктивно-поверхностным и рационально-вдумчивым подходом. Инстинктивно Западу проще либо мечтать о распаде России (не задумываясь о дальнейших глобальных рисках), либо стремиться к восстановлению дружественного самодержавия (не принимая в расчет неизбежность превращения его в недружественное). Удобство инстинктивного подхода состоит в том, что его реализация не требует включенности Запада. Он дает России возможность и дальше вариться в собственном соку. Рациональный подход требует от Запада усилий, аналогичных тем, что предпринимали США после окончания Второй мировой войны для форматирования политических процессов в Европе. То есть потребуются включенность как политическая, так и идеологическая. В том числе Западу необходимо будет преодолеть соблазн на переходном этапе раздвигать Россию по частям, ослабляя усилия центральной власти по налаживанию политического арбитража. Превращение России в стабильную федерацию есть долгосрочная историческая задача, в первую очередь в интересах самого Запада. Это не одолжение России, а рациональное решение, позволяющее сделать мировой порядок более безопасным и предсказуемым на значительный отрезок исторического времени.

Глава 20. Правовой выбор: диктатура закона или правовое государство?

Если провести опрос на улице и поинтересоваться у прохожих, что они думают о правовом государстве, то подавляющее большинство ответит: это такое государство, где соблюдается закон. Это похоже на правду, но — неправда! Будь все так просто, самым правовым государством оказался бы «Третий рейх» — уж что-что, а законы там соблюдались, и пойманный на взятке начальник концлагеря легко мог стать его узником (хотя порой коррупционеров просто переводили в другие учреждения). Значит, дело все-таки не только и не столько в соблюдении законов, сколько в их природе.

Правовое государство — это государство, в котором соблюдаются законы, соответствующие определенным критериям. Что это за критерии и почему это так важно?

Испокон веков власть имущие облакали свою волю в форму закона и требовали от остальных подчинения этому закону, то есть своей собственной воле. Приблизительно такое архаичное понимание законности господствует до сих пор в России. Кстати, Ленин и большевики со своим классовым подходом

к праву недалеко ушли от этой архаики. Диктатура закона, о которой так любят говорить в Кремле, — это диктатура ничем не обузданной дикой воли одного клана, узурпировавшего власть и бессменно удерживающего контроль над Кремлем уже более двух десятилетий.

Законы, диктатуру которых прославляет Кремль, существуют с одной-единственной целью — придать видимость легитимности голому произволу. Это законы политического насилия. Одно из неприятнейших следствий такого положения вещей — неспособность системы к любой конструктивной эволюции. Насилие порождает лишь еще большее насилие. И надеяться на то, что из неправовых законов с годами естественным путем вырастут законы правовые — утопия.

Собственно, одна из главных причин, по которой человечество искало пути избавления от неправовых законов, — желание избавиться от революции как от единственного способа добиться изменений в обществе.

Все, кто по-настоящему глубоко осмыслял революцию, понимали, что это очень тяжелый, но неизбежный налог, который общество платит истории за прогресс. Неизбежным налогом стал именно потому, что действующие законы были выстроены таким образом, чтобы практически и теоретически исключить любые перемены.

Отсюда и отношение к революции как к необходимому злу. Любить и желать революцию — так же противоестественно, как и желать себе и окружающим больше боли (хотя, конечно, есть и те, кому это нравится и кто испытывает наслаждение, погружаясь в революционную стихию). Но в безысходной ситуации большинство общества склоняется на сторону революции как на сторону меньшего зла.

Если жизнь при старом режиме становится невыносимой, если все внутренние противоречия, свойственные этому режиму, соединяются в один нераспутываемый клубок, если все легальные сценарии поведения лишь способствуют продолжению произвола, то естественной становится мысль о том мече, который разрубит этот гордиев узел. Это настолько неизбежно, что нет смысла уделять этому много внимания.

Революция в России — это только вопрос места и времени. Чуть в меньшей степени — вопрос формы. А вот что действительно стоит обсуждать, так это принятие мер, которые помогли бы в дальнейшем вырвать Россию из порочного исторического круга, где вслед за каждым ухабом начинается революция. Единственный способ этого добиться — перейти от неправовых законов к правовым.

Казалось бы, есть простой ответ на все вопросы: надо сделать законы конституционными. Но это кажущаяся простота.

Во-первых, сугубо формально все действующие законы внешне выглядят как конституционные: ни в одной из преамбул ни одного, даже самого одиозного закона не написано, что он принят в противоречии с буквой и духом Конституции.

Во-вторых, что такое дух Конституции, в России каждый понимает по-своему, иногда весьма своеобразно.

И наконец, мнение о конституционности законов в России могут иметь только судьи, а судьи здесь известно кто. В подавляющем большинстве случаев неконституционность законов задрапирована правоприменительной практикой, но парадокс в том, что и сама практика давно стала частью законодательства. Это косвенно подтверждается решениями Конституционного суда, сплошь и рядом вынужденного высказываться о законах в том специфическом смысле, который им придается правоприменительной практикой. Поэтому поменять практику, не меняя законы, не получится.

То есть простые решения в этом случае не работают. Надо копать глубже и докапываться до тех обстоятельств (факторов), которые превращают законы в правовые, не ссылаясь на бесполезную для этой задачи Конституцию. Таких обстоятельств, строго говоря, два: законы становятся правовыми благодаря определенной процедуре их принятия и вследствие их соответствия определенным принципам.

При этом каждого в отдельности условия недостаточно — всегда важны и процедура, и содержание. Если совсем коротко, то закон является правовым, если он принят полноценным, по-настоящему независимым от других властей

парламентом, избранным на основании демократического избирательного закона, — единственным легитимным законодательным органом.

Смысл этого требования прозрачен. Правовой закон должен быть выражением не единоличной воли властителя и не клановой (классовой) воли группировки, захватившей власть, а консолидированной воли всего гражданского общества. Именно эта консолидированная воля легитимизирует общеобязательность законов, является основанием для полномочной власти требовать его неукоснительного соблюдения всеми.

Парламент — это плавильный котел, в котором политическая воля гражданского общества превращается в текст законов.

Присмотревшись к работе парламента повнимательнее, мы увидим, что, помимо консолидации политической воли различных фракций гражданского общества, каждая из которых имеет свои особые интересы, у него есть и другая функция. В парламенте соединяется простое и квалифицированное (экспертное) мнение по любому вопросу, ставшему предметом общественной дискуссии.

Именно поэтому так важно, чтобы парламент был независим и по отношению к исполнительной власти, и по отношению к избравшему его обществу (на период срока полномочий и не абсолютно, конечно).

В парламенте политическая воля простого избирателя проходит сквозь сито экспертной оценки. И наоборот, мнение самих экспертов проходит сквозь сито высшей политической экспертизы.

Очень важно именно соблюдение баланса. Все последние годы мы наблюдали, как экспертное мнение, навязываемое правительством, доминировало над мнением гражданского общества. Это приводило к тому, что законы просто переставали работать, ибо не принимались обществом.

Впрочем, и диктат общества привел бы к такому же результату, но уже по прямо противоположной причине — практической неисполнимости «политических хотелок».

Процедура принятия правовых законов очень сложна, потому и очень важна. В ней огромное число мелочей, вроде бы сущих формальностей, ни одной из которых нельзя пренебречь. Эта система складывалась веками, если не тысячелетиями, и вобрала в себя интернациональный политический опыт. При этом для каждой культуры, для каждой конкретной исторической ситуации она своя.

России предстоит тщательно осмыслить и освоить этот опыт парламентаризма — без слепого подражания и упрощений, а только для того, чтобы на его основе выработать ту единственно подходящую систему, нормальная работа которой позволит принимать правовые законы.

Необходимо добавить, что никакая самая лучшая форма не сможет подменить собою содержания. Наилучший парламент, где консолидирована политическая воля гражданского общества и где сложился идеальный баланс общественного и экспертного мнения, сам по себе не гарантия того, что законы — правовые (хотя без парламента они уж точно не будут правовыми). Эти законы должны еще и отвечать неким критериям, то есть строиться вокруг принципов, существующих вне времени и вне пространства.

Эти принципы в определенном смысле политические аксиомы, принимаемые обществом «либеральной демократии» априори, то есть на веру.

Парадоксальным образом, не так важно, записаны ли они в Конституции, отлиты в граните или существуют только в головах граждан. Есть страны, у которых не имеется письменной Конституции, но в которых принципы строжайше соблюдаются. Есть и другие страны, где существует многословная Конституция и расписаны принципы на все случаи жизни, но ни один из них не соблюдается. Важно не то, как и где записано, а то, как это отложилось в головах.

На мой взгляд, таким основополагающим принципом является свобода. В общем-то это неудивительно, ведь право в некотором роде и есть мера свободы. Такое понимание права сложилось вследствие соединения западной античной

(греко-римской) традиции и христианских традиций. Можно предположить, что в нем и состоит суть европеизма и модерна.

Именно по нашей способности принять такую концепцию права и правовых законов мы сможем в итоге судить о том, готова ли Россия быть европейской страной. Все остальные признаки гораздо менее существенны и показательны.

Чтобы понять, является ли тот или иной закон правовым или нет, его нужно подвергнуть экспертизе под этим политическим микроскопом. И никакое формальное соответствие чему бы то ни было, никакое текстуальное совпадение само по себе не доказательство правильности закона. Это особенно важно подчеркнуть, имея в виду привычку Кремля ссылаться на международную практику и прикрывать свой произвол решениями оскотенного им Конституционного суда.

Действительно, принимаются ли законы о митингах, об экстремизме, о неуважении к власти или о массовых беспорядках, о досудебных соглашениях со следствием, об упрощенном судопроизводстве по уголовным делам и так далее — мы постоянно слышим, что в России все точно так же, как «там» и «у них», и даже намного лучше.

Да, если сравнивать формулировки законов, то найдется много общего. Но вот беда: одни и те же формулировки работают в разных политических средах по-разному и приводят к разным результатам. А это значит только одно: сравнение по формулировкам не годится. Надо смотреть глубже.

В каждом конкретном случае мы должны с учетом реальной экономической и социально-политической ситуации устанавливать, способствует данный закон защите прав и свобод человека или нет.

Причем сделать это будет не так просто, как многим кажется. Ведь принцип свободы зачастую вступает в конфликт с другими принципами и ценностями, охраняемыми Конституцией. Скажем, свобода шествий и собраний очевидно ограничивает права тех, кто никуда не шествует и нигде не собирается, а хочет, к примеру, просто вкусно и беспроблемно поесть в кафе на том же бульваре. Это реальное противоречие. Как быть?

Его можно решить либо в пользу шествующих — явное меньшинство, либо в пользу желающих нормально отдохнуть — явное большинство. Российская власть решает это противоречие, конечно, в свою пользу, но при этом прикрывается большинством, которое всегда за то, чтобы поесть. Потому законы о митингах в России вроде бы такие же, как в Европе, а действуют в реальной жизни, как в «Азиопе».

А все потому, что любая коллизия должна решаться не в пользу большинства или меньшинства, а в пользу свободы как самодовлеющей ценности. В конкретном случае вопрос надо решать таким образом, чтобы приоритетная защита предоставлялась свободе политического действия.

Только закон, имеющий в основе такой подход, может считаться правовым.

Интересно, что в этом вопросе Россия за годы правления Путина невероятно далеко удалилась от Европы в сторону «Азиопы». Некоторые адепты диктатуры закона договорились до того, что предложили пересмотреть общепринятую еще с советских времен иерархию отраслей законодательства, утверждая, что у нас на вершине пирамиды находится не конституционное, а уголовное право. Это, конечно, очередная верноподданническая глупость, но при этом очень симптоматичная.

Они говорят «закон» — подразумевают «самодержавие», а когда говорят «самодержавие» — подразумевают «закон».

Почему я так подробно останавливаюсь на этом вроде бы отвлеченном и сугубо философском вопросе? Потому что он, с моей точки зрения, основополагающий. Есть вещи, которые никому не надо доказывать. В оппозиционном режиме среде сложился консенсус в отношении нынешней правоохранительной и судебной системы как системы антиконституционной и нуждающейся в глубоком революционном преобразовании. Существует множество предложений, как это сделать, и большинство из них не лишены смысла и весьма полезны.

Написаны фундаментальные многостраничные доклады и короткие блистательные эссе, содержащие конкретные пред-

ложения и целые концепции реформ. Общие рамки понятны: расширение компетенции судов присяжных, укрепление независимости судов, превращение ФСБ из «второго правительства» в орган, сосредоточенный на борьбе с терроризмом и шпионажем, разукрупнение и диверсификация спецслужб в целом, кардинальное изменение роли прокуратуры и многое другое. Но все эти предложения будут бесполезны, если не произойдет главная революция — в головах, если у людей не возникнет понимания сути концепции правовых законов.

Любую структуру можно окоротить, любой механизм можно извратить, любую гарантию можно обойти, если нет консенсуса по вопросу о главном принципе — о том критерии, с помощью которого оценивается успех или неуспех реформ. И этот критерий один — свобода. Именно приоритет свободы отвергает неправовой закон и принимает правовой, отвергает опасную для общества диктатуру закона, являющуюся фиговым листком нового самодержавия, и делает государство правовым.

Глава 21. Нравственный выбор: справедливость или милосердие?

Макс Вебер как-то заметил, что если поскрести любую самую рациональную теорию, то на самом ее дне обнаружится какая-то совершенно иррациональная идея, которую мы принимаем на веру и которая скрепляет собою все то, что кажется нам абсолютно рациональным и логичным.

Точно так же в основе любой политической программы в конечном счете лежит тот или иной нравственный императив, за который мы голосуем не умом, а сердцем. Это голосование сердцем оказывается важнее голосования разумом, и логические ошибки в большинстве случаев поправимы, а ошибки нравственные обычно фатальны.

Общепризнано, что базовым нравственным императивом для политики является справедливость. Общество болезненно реагирует на любое нарушение баланса справедливости и, если стрелка маятника слишком отклоняется, восстанавливает этот баланс с помощью революции. Если спросить человека, в чем суть справедливости, очень мало кто сможет ответить на этот вопрос. Но если спросить человека, считает

ли он, что Россия управляется сегодня «по справедливости», то подавляющее большинство людей, включая многих сторонников режима, ответят однозначно — нет.

В этом, собственно, и заключена главная проблема режима. На нравственном уровне он отторгается большинством тех, кто за него привычно политически «топит». Момент восстановления справедливости можно оттягивать, но его нельзя избежать. Рано или поздно этот тайный рычаг политики сработает и перевернет очередную страницу истории.

Казалось бы, нет ничего проще, чем вернуть в политику мораль: надо просто восстановить справедливость. Но при ближайшем рассмотрении со справедливостью все оказывается не так просто, как кажется.

Во-первых, справедливость у каждого своя, и очень трудно найти общий знаменатель «одной на всех справедливости». А во-вторых, что еще важнее, цена восстановления баланса справедливости зачастую оказывается непомерной. Нельзя забывать, что большевистская революция произошла именно на гребне волны поисков русским народом справедливости и декларировала как цель именно строительство самого справедливого в мире общества. Однако обернулось все это еще большей несправедливостью, растянувшейся на долгие десятилетия.

Выходит, что поиски справедливости сами должны быть чем-то сбалансированы. Нужен баланс для баланса, чтобы не превращать историю в песочные часы, время от времени переворачиваемые революцией вверх дном. Каждый раз, вознамерившись «весь мир насилья разрушить до основания, а затем построить наш, новый мир», мы, как в упомянутом анекдоте, собираем «автомат Калашникова», из которого вновь и вновь уничтожаем и российское гражданское общество, и ростки правового государства.

Чтобы это не повторялось, стихийные поиски справедливости надо вводить в рамки. Эту рамку, на мой взгляд, можно создать только одним способом — положившись на еще более глубокий и более универсальный нравственный принцип, чем справедливость.

Для меня таким принципом является милосердие.

Милосердие — это способность сопереживать и прощать, это справедливость второго порядка. Если справедливостью мы меряем политику и право, то милосердием мы меряем саму справедливость — не даем ей обернуться своей противоположностью.

Ирония истории состоит в том, что все обещания построить более справедливый мир обычно заканчиваются строительством справедливого концлагеря. Справедливость для одних очень быстро диалектически перерождается в жестокую несправедливость для других. Восстановление справедливости оказывается каждый раз дорогостоящим проектом, за который расплачиваются и ее искатели, и следующие поколения.

Если мы не хотим повторить ту же историю, то надо признать, что голая справедливость и голая правда выглядят не так очаровательно, как наши на них надежды. Только опираясь на милосердие, мы имеем шанс превратить наши умные решения в мудрые. Это не просто слова, как может показаться, а попытка предложить другую точку отсчета для осмысления и решения важнейших практических вопросов нашего политического бытия.

Какие прямые и непосредственные последствия может иметь для дискуссии о будущем России то, что во главу угла мы поставим справедливость, проверенную милосердием? Их достаточно много.

Во-первых, исчезнет четкая граница между «мы» и «они». Мы — святые, они — исчадие ада. Поняв не только себя, но и других, провести такую границу невозможно.

Мы все, пусть и в разной степени, несем ответственность за то, что случилось «с Родиной и с нами». Одни — из-за соучастия, другие — из-за неучастия. Нет абсолютно во всем правых и абсолютно во всем виноватых. В вопросе ответственности между бенефициарами режима и жертвами режима нет «китайской стены».

С точки зрения революционной справедливости есть два лагеря — страдали мы, теперь страдайте вы. С точки зрения милосердия есть одно общество, одна нация, один народ. Да, он болен, он страдает от падения морали и культурной деградации. Но в той или иной степени это касается всех. Мало кто может сегодня предложить себя в качестве безгрешного метателя камней.

Во-вторых, и это следует из первого, прежде чем требовать изменений от других, надо быть готовыми меняться самим. В каждом из нас есть частичка яда, который надо из себя выдавливать.

Если энергия общества будет сосредоточена исключительно на поиске и наказании «виновных», но при этом все мы останемся прежними, то ничего хорошего из такой борьбы за справедливость не выйдет. Только если мы сами будем меняться в сторону большей честности по отношению к самим себе и большей терпимости по отношению к непохожим на нас, то у нас есть шанс не впасть в какую-нибудь очередную социальную крайность и не заменить одних сатрапов и хапуг на других.

В-третьих, развивая мысль в том же направлении, исторический опыт подсказывает, что простить, оказывается, иногда дешевле, чем покарать. Естественное и справедливое желание мести, если дать ему полную волю, превращается во всепожирающий огонь, уничтожающий не только того, кому мстят, но и того, кто мстит. Мечь, в том числе социальная и политическая, не может и не должна становиться доминирующей общественной идеей, всепоглощающей общественной страстью, иначе не избежать беды. Обличая и бичуя режим (а это необходимое условие очищения), мы все-таки должны помнить, что прощение важнее наказания и что каждый имеет право на покаяние. Через озлобление и месть нового общества не построишь.

В-четвертых, надо различать «первых учеников» и тех, кто «жил как все». Их вклад неодинаков, и судьба должна быть разной. За четверть века сложилась развращающая, аморальная матрица социального поведения, в которой добро

и зло, черное и белое поменялись местами. Десятки миллионов людей втянулись в эту матрицу и жили по ее понятиям. Многие, кстати, не осознавая, что соучаствуют в преступлениях режима, а многие — вполне осознавая, но действуя неинициативно.

Но были и «первые ученики» — те, кто создавал и пестовал эту матрицу, развращая нацию и делая государство мафиозным. Они же стали и главными бенефициарами. К ним должен быть иной подход.

В-пятых, мы должны наконец понять: хотя переделать сложнее, чем расстрелять, задача состоит именно в том, чтобы переделать, убедить жить по-новому, играть по новым правилам.

Мы не можем завезти с Луны другой народ и заменить прежний «идеальными гражданами». Практически все наши чиновники коррумпированы, и не потому, что от рождения такие «уроды», а потому, что в сложившейся матрице иначе не получается: не будешь красть — не выживешь. Но мы не можем просто в один день уволить всех чиновников. Культурный и подготовленный слой очень узок и тонок: попробуй кто-нибудь пойти на такой эксперимент — и страна вмиг станет неуправляемой.

Кстати, это очень быстро понял Ленин, когда коммунистическая Россия за полтора года свалилась в разруху и голод. Даже если бы мы смогли уволить всех чиновников и набрать на их место новых и свежих людей из народа, то очень скоро обнаружили бы, что эти новые люди обирают народ похлеще прежних «хозяев жизни». И это в России видели не один раз. Задача не в том, чтобы убрать, отстранить, а в том, чтобы заставить работать по-новому, что гораздо сложнее.

Все это побуждает меня высказаться по двум важнейшим темам общественной дискуссии последних лет — о люстрации и о революции.

Люстрация. Есть мнение, отчасти оправданное, что компромиссность горбачевско-ельцинской революции, особенно в вопросах запрета деятельности компартии и люстрации сотрудников КГБ СССР, сыграла роковую роль в истории

посткоммунистической России и привела нас туда, где мы сейчас находимся. Это кажется правдоподобным, учитывая ту роль, которую выходцы из КГБ СССР сыграли в начале XXI века в решительной реставрации советского режима, и ту оппортунистическую роль, которую играют сегодня самозванные наследники КПСС, скатившиеся на старости политических лет к «православному сталинизму» и «черносо-тенному популизму».

Нужно ли извлечь из этого урок на будущее и, когда режим рухнет (а он рано или поздно обязательно рухнет — это лишь вопрос времени), обрушить карающий меч на всех сотрудников силовых структур, судей, прокуроров и так далее? Нужно ли запретить наконец коммунистов, а заодно лишить права поступления на государственную службу членов «Единой» и «Справедливой России», адептов ЛДПР, активистов ОНФ?

Выглядит заманчиво. Настораживает, что в Украине и в Грузии, где нечто подобное воплотили в жизнь, это не особенно помогло.

Во-первых, по причинам, указанным выше («всех не перестреляешь»), работать некому будет.

Во-вторых, нет никаких гарантий, что те, кто придет на смену, будут намного лучше.

В-третьих, многие из тех, кто работает сегодня в тех же силовых структурах, честно исполняют свой долг и с риском для жизни действительно борются с терроризмом и криминалом.

Да, судьи у нас поголовно развращены и растрелены беззаконием. Но, может быть, дело не только и не столько в судьях, сколько в растлителях? Если убрать кремлевскую банду, если провести серьезный разбор полетов, если дать людям, профессионалам возможность быть людьми и профессионалами... Нет, конечно, лучше начать с чистого листа, только вот где взять такой лист? Да и миллионы сограждан не пыль — смахнешь, и вот она, рябая сталинская рожка в зеркале...

Я против тотальной люстрации — мало где она была действительно эффективной. Более всех в этом вопросе

продвинулись большевики: они фактически завершили люстрацию мясорубкой большого террора 1937 года, но поставленных целей все равно не достигли.

Вообще, подход ко всем с каким-то одним лекалом редко дает хороший результат. Безусловно, необходимо провести тщательное и масштабное расследование преступлений режима и выявить ключевых бенефициаров мафиозного государства, реальных виновников эскалации репрессий и произвола. Эти люди должны быть судимы и наказаны в рамках публичного и правового процесса (с соблюдением всех тех гарантий, которых сами они лишали других), даже если потом общество решит их амнистировать.

В отношении остальных, менее значимых персонажей достаточно ограничиться «условными мерами».

Другое дело — «институциональная люстрация», которая должна быть проведена самым строгим и последовательным образом. Суть не в том, что не были люстрированы офицеры КГБ СССР, а в том, что со временем этот самый КГБ был восстановлен как универсальная репрессивная институция, выполняющая роль второго (а иногда и первого) правительства. Такая люстрация не охота на ведьм, а безжалостное прореживание дремучего леса, превращающего людей в ведьм и леших.

У нас же обычно происходит наоборот: в борьбе за справедливость мы готовы перестрелять нечисть как дичь и оставить нетронутым сам заповедник, в котором она водилась. Решение — настоящее, длительное, а не временное — не в сведении счетов, не в люстрациях и чистках, а в глубоких институциональных реформах. Без чисток не обойтись, но они должны сдерживаться тем самым милосердием, которое окорачивает желание мстить.

Революция. Все идет к тому, что очередная революция в России становится неизбежной. Режим свалился в репрессивную колею, из которой, даже если есть желание, не так просто выбраться, а тут и желания никакого нет. Есть одно желание — удержать власть в своих руках любой ценой. Слово

«любой» здесь ключевое. Это ощущение надвигающейся революции постепенно проникает в самые разные слои общества, инфицирует даже тех, кто в целом лоялен режиму и получает от этого немалые выгоды. Что уж говорить о тех, кто избрал стезю профессиональных революционеров...

Власть так много сделала, чтобы превратить революцию в пугало, что теперь пожинает обратную реакцию: для многих людей революция, и чем более крутая, тем лучше, является самым желательным и самым позитивным исходом нарастающего кризиса.

Так ли хороша революция, как рисует ее наше воображение? Отнюдь нет. У революции есть своя, очень темная, обратная сторона. Желать революции для человека вообще-то противоестественно, ибо это действительно великое потрясение для всего общества. Но теперь об этом уже поздно думать: она нужна как нож хирурга. Понимая и принимая эту историческую необходимость и имея за плечами опыт, который есть у немногих народов мира, мы должны сделать, однако, все возможное, чтобы революция не превратилась в самоцель. Нельзя прекратить произвол и насилие путем организации фестиваля насилия и произвола.

Революции обходятся обществу слишком дорого, чтобы они становились инструментами сведения счетов и перераспределения ресурсов. Восхищаясь революциями на постсоветском пространстве, мы обязаны помнить, что их среднесрочные результаты оказались далеки от ожиданий их вдохновителей и творцов.

Нельзя выпускать из виду главную цель революции — сделать общество более гуманным, более терпимым, более свободным. Помимо политических и экономических результатов, революция должна принести добавленную нравственную стоимость, и именно поэтому она не может быть отдана на откуп циникам и политтехнологам.

Или это дело всего народа, который, проходя через революцию, нравственно очищается и освобождается — и такая революция, несмотря на все издержки, полезна

для общества. Или это дело революционной партии, совершающей ее именем народа, но в своих интересах — и такая революция ничего не стоит ни для кого, кроме партийных функционеров.

Революция нужна не для того, чтобы разрушить старый порядок. Для этого не надо много ума. Революция нужна для того, чтобы на месте старого порядка создать новый, основанный в равной мере и на справедливости, и на милосердии.

Если такой новый порядок не возникает, революцию следует считать провальным проектом. Сегодня мы зачастую в пылу борьбы слишком сосредоточены на негативной стороне революции, на необходимости снести ненавистный многим режим, и это понятно, особенно теперь, когда этот режим перешел к политике открытых массовых репрессий. Но, если мы не перенесем центр тяжести на положительную сторону революции, на ее идеалы, на ее мечты о правовом обществе и государстве, мы обесценим любую победу над режимом и окажемся от цели еще дальше, чем прежде.

Страсть борьбы, желание отомстить, желание увидеть упырей пригвожденными как минимум к позорному столбу понятны и во многом оправданны. Режим сам провоцирует чувство ненависти и неприятия у оппонентов. Но если, глядя в будущее, мы будем руководствоваться исключительно этими эмоциями, то далеко не уйдем. В конечном счете выиграет тот, кто сможет подняться над эмоциями и даст шанс всем поучаствовать в создании новой, открытой России.

Заключение (дракона под стражу)

Дракон зашел слишком далеко в войне с народом, и поэтому все его головы, сколько бы их ни было, должны помнить, что они несут персональную ответственность за происходящее и что счет уже не будет обнулен. Одновременно с этим я хочу обратиться к тем, кто пришел в русский Колизей посмотреть на схватку с драконом и поаплодировать с трибун героям: еще сидя в тюрьме читал ваши пассажи с восхвалением героев, читаю и сейчас. Вижу за ними желание, чтобы кто-то за вас убил дракона. Вижу страшное разочарование, когда этого не происходит.

Возник интерес спросить: вы понимаете, что если ваше желание сбудется и кто-то за вас убьет дракона, то разочарование будет еще больше?

Чтобы стать профессиональным убийцей драконов, человек должен либо сам быть драконом изначально, либо стать им в процессе. И команда его будет типичной драконьей, и методы, и цели.

И рассчитывать, что драться будет герой, а дивиденды (хотя бы в виде свободы и демократии) получать вы, — наивно (если ожидаемое именно свобода и демократия, а не работа прислуги). С Ельциным уже проходили.

Можно ли убить дракона? Конечно да — это не вопрос. Главный вопрос: а зачем? И на него гораздо труднее найти ответ, чем кажется многим.

Для меня, как и для многих моих сограждан, важна тысячелетняя непрерывность российской истории, важны истоки нашей общей европейской — а теперь уже евроатлантической — цивилизации.

Для меня важно, что мы не среди чужаков в этом западном мире, а среди его создателей и защитников. Да, прикрыв западную цивилизацию от татаро-монгольского, азиатского нашествия, мы многое потеряли и во многом стали иными, однако не стали азиатами по своей культуре (не хочу сказать ничего дурного о древней и замечательной азиатской культуре, но это не мы: Шекспир или Сервантес нам ближе, чем Хафиз или Сунь-цзы).

Современный мир — это не только глобализация, коммуникация и сотрудничество, это в том числе и конкуренция на новом, глобальном уровне, на уровне глобальных цивилизаций.

Вековые войны и презрение к человеческой жизни оставили нас слишком мало, чтобы мы могли основать еще одну, новую, отдельную, но конкурентоспособную цивилизацию.

Конечно, всегда есть место на обочине прогресса, а современный мир уже достаточно гуманен и предусмотрителен, чтобы на такую обочину не покушаться, — есть мягкие методы использования тех, кто слишком слаб для настоящей конкуренции.

Мне претит такое место для моей страны. Мы — европейцы! Мы строили и защищали эту цивилизацию и имеем на нее не меньшее право, чем французы, немцы, британцы, австралийцы, канадцы или американцы!

Мы веками шли рядом, плечом к плечу и знаем: они все нужны нам, а мы — им. Мы не будем слушать глупых и жадных людей, которые в своих корыстных целях хотели бы нас разделить.

Да, мы можем найти в истории уйму событий, которых лучше бы не случилось, но даже беды и войны у нас общие: пятьдесят миллионов погибших в Европе только во Второй мировой мы по сей день *помним* — и друзей, и врагов... А о пятидесяти миллионах погибших в Китае мы знаем... Ощущаете разницу?

Первым рабочим названием этой книги было «Гардарика — страна городов». Почему? Гардарика — страна из тех давних времен, когда мы были одной Европой. И мы опять будем ей — это историческая предопределенность. А вот место за общим столом зависит от нас — от нашего таланта, ума, способности предвидеть будущее и достичь именно тех целей, которые сделают счастливыми нас, наших детей и внуков.

Я делаю свой взнос в эту работу. Кто сможет — пусть сделает больше и лучше.